

ISSN 2072-7607

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»

**ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ
В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ**

Научный журнал

Выпуск 1 (72)

Рязань 2025

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 20 марта 2018 г. Реестровая запись СМИ ПИ № ФС77-72456

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Е. Г. Логинова, главный редактор, д-р филол. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань),

Е. С. Устинова, заместитель главного редактора, канд. пед. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань),

С. Ю. Потапова, д-р филол. наук, проф. (центр немецкого языка — партнер Гёте-Института, Международная академия бизнеса и новых технологий, Ярославль),

В. Н. Степанов, д-р филол. наук, проф. (Международная академия бизнеса и новых технологий, Ярославль)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Н. А. Ахренова, д-р филол. наук, доц. (Государственный социально-гуманитарный университет, Коломна),

В. Н. Бабаян, д-р филол. наук, доц. (Ярославский государственный педагогический университет имени К. Д. Ушинского, Ярославль),

Ван Цзиньлин, д-р филол. наук, проф. (Чанчуньский университет, Чанчунь, Китай),

А. Н. Гордей, д-р филол. наук, проф. (Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь),

М. С. Гувовская, д-р филол. наук, проф. (Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь),

С. Т. Золян, д-р филол. наук, проф. (Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград; Российско-Армянский университет, Ереван, Армения),

И. В. Зыкова, д-р филол. наук, доц., ведущий науч. сотрудник (Институт языкознания РАН, Москва),

А. А. Колесников, д-р пед. наук, доц. (Московский городской педагогический университет, Москва),

Т. Я. Кузнецова, д-р филол. наук, проф. (Северный государственный медицинский университет, Архангельск),

Л. Н. Лунькова, д-р филол. наук, доц. (Государственный социально-гуманитарный университет, Коломна),

Альберто Манко, д-р филол. наук, доц. (Университет L'Orientale, Неаполь, Италия),

Е. Л. Марьяновская, канд. пед. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань),

Л. А. Милованова, д-р пед. наук, проф. (Московский городской педагогический университет, Москва),

А. Д. Петренко, д-р филол. наук, проф. (Институт иностранной филологии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь),

И. М. Петрова, д-р филол. наук, доц. (Московский городской педагогический университет, Москва),

А. М. Поликарпов, д-р филол. наук, проф. (Северный (Арктический) федеральный университет, Архангельск),

А. А. Решетова, д-р филол. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань),

Т. С. Серова, д-р пед. наук, проф. (Пермский государственный технический университет, Пермь),

О. В. Соколова, д-р филол. наук, старший науч. сотрудник (Институт языкознания РАН, Москва),

А. В. Туарменская, канд. филол. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань),

В. В. Фещенко, д-р филол. наук, старший науч. сотрудник (Институт языкознания РАН, Москва),

Д. М. Храбскова, канд. филол. наук, доц. (Институт иностранной филологии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь),

О. Г. Чупрына, д-р филол. наук, проф. (Московский городской педагогический университет; Московский педагогический государственный университет, Москва),

И. М. Шеина, канд. филол. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань).

Журнал выходит 4 раза в год.

С 01.12.2015 г. **входит в перечень российских рецензируемых научных изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Адрес и телефон редакции: 390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46;
тел.: (4912) 21-57-23, e.ustinova@rzn-rsu.edu.ru

Ссылка на журнал «Иностранные языки в высшей школе» обязательна.
Редакция не всегда разделяет мнение авторов.

Подписаться на журнал можно в любом отделении связи.

Подписной индекс издания № 55170 в каталоге «Объединенный каталог Пресса России»

© Федеральное государственное бюджетное образовательное
© учреждение высшего образования
© «Рязанский государственный университет
© имени С. А. Есенина», 2025
© «Иностранные языки в высшей школе», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I Семантика единиц языка и текста в лингвокультурологическом и переводческом аспектах

Карпенко Е. И.

Библейские имена собственные как элемент трансляции культуры
(на материале немецкого языка) 5

Кутьева М. В.

Библейские фразеологизмы с именами собственными в романах Бенито Переса Гальдоса:
особенности семантики и проблема перевода на русский язык 11

Лобанов С. В.

Оценочная функция квазицитаты в повести “Myth Conceptions” Р. Асприна 19

Оводова М. К.

Принципы разграничения и особенности функционирования интертекстуальных маркеров
в детективных рассказах (на материале рассказов Э. К. Бентли и Г. К. Честертон) 29

Рутькова С. М.

Иранский военный служащий как продуцент исходного текста и реципиент текста перевода 39

Раздел II Вопросы современной японистики и китаистики

Ван Тин

Соответствия-аналоги в китайско-русском переводе XVIII века
как средство трансфера знания 48

Гераймович Е. О.

Семантико-контекстуальный анализ японских посессивных слов
с формантом *まゝ* на основе корпусных данных 54

Го Цзинхань

Позиция русских и китайских переводчиков на заре формирования традиции перевода:
сравнительно-исторический подход 60

Соломкина Н. А.

Японская адресивная вежливость в предположительном
и пригласительном наклонениях: корпусное исследование 67

Раздел III Исследования полимодального дискурса

Онищенко Ю. В.

Гендерная и возрастная вариативность консонантизма
британского национального варианта английского языка
(на материале речи участников комедийного ток-шоу)..... 76

Руджери Федерика

К проблеме типологии семантических корреляций глагольных эмотивов и жестов
в телевизионном дискурсе (на материале российской передачи «Жизнь и Судьба») 87

Требования к публикациям и правила представления рукописей авторами 98

TABLE OF CONTENTS

Part I Semantics of linguistic and textual units from the linguocultural and translation perspective

<i>Karpenko, Elena I.</i> Biblical proper names as an element of cultural transmission (on the material of the German language).....	5
<i>Kutyeva, Marina V.</i> Biblical phraseological units with proper names in the novels of Benito Perez Galdos: semantic peculiarities and the problem of translation into Russian	11
<i>Lobanov, Sergey V.</i> The evaluative function of the pseudoquotation in R. Asprin’s “Myth Conceptions”	19
<i>Ovodova, Maria K.</i> Principles of differentiation and features of functioning of intertextual markers in the detective stories (based on the stories by E. K. Bentley and G. K. Chesterton)	29
<i>Rulkova, Sofia M.</i> Iranian soldier as producer of an original text and recipient of a translated text	39

Part II Issues of contemporary Japanese and Chinese studies

<i>Wang Ting</i> Correspondences-analogues in Chinese-Russian translations of the XVIII century as a means of knowledge transfer	48
<i>Geraimovich, Elizaveta O.</i> Semantic-contextual analysis of Japanese possessive words with formant ゃい my based on corpus data	54
<i>Guo Jinghan</i> Russian and Chinese translators’ vision of their role at the dawn of the translation tradition: a comparative-historical approach	60
<i>Solomkina, Natalia A.</i> Japanese addressee-directed politeness in the presumptive and hortative moods: a corpus study	67

Part III Studies of Multimodal Discourse

<i>Onischenko, Julia V.</i> Gender and age variability of the British English consonants (on the material of the comedy talk show participants’ speech)	76
<i>Ruggeri, Federica</i> On the problem of semantic correlations’ typology between verbs and gestures in television discourse (the case study of the Russian television show “Zhizn i Sudba”)	87
Requirements to the papers submitted (in Russian) *	98

---

* Available in English at: <http://fljournal.rsu.edu.ru/en/technical-requirements>

РАЗДЕЛ I

СЕМАНТИКА ЕДИНИЦ ЯЗЫКА И ТЕКСТА В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ И ПЕРЕВОДЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

Иностранные языки в высшей школе. 2025. № 1 (72). С. 5–10.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2025;1(72):5–10.

Научная статья
УДК 811.112.2'371
DOI: 10.37724/RSU.2025.72.1.001

Библейские имена собственные как элемент трансляции культуры (на материале немецкого языка)

Елена Игоревна Карпенко

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
elena_karpenko@list.ru

Аннотация. В статье рассматриваются библейские имена собственные в дискурсе современных немецкоязычных средств массовой коммуникации в аспекте их способности кумулировать, воспроизводить и транслировать ценностное знание библейской картины мира. Материалом исследования являются отобранные методом сплошной выборки примеры из немецкоязычных корпусов *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache*. Культурная информация кумулируется в культурном фоне данных языковых знаков, носит потенциальный характер и актуализируется в дискурсе. Как и любой культурный процесс, трансляция культуры преобразует воспроизводимое в нем знание. К наиболее сложным аспектам воспроизводства относятся техники преобразования сакрального в профанном контексте. Как показывает исследование, сакраментализация библейского знания в секуляризованном дискурсе средств массовой коммуникации не противоречит основным ценностным установкам Библии, хотя и не воспроизводит их. В то время как десакрализация библеизмов является серьезным препятствием в трансляции культуры, сопровождающейся искажением и деконструкцией сакрального знания.

Ключевые слова: трансляция культуры, библейское имя собственное, конкретное, абстрактное, аналогия, дизаналогия, десакрализация, дискурс, немецкий язык.

Для цитирования: Карпенко Е. И. Библейские имена собственные как элемент трансляции культуры (на материале немецкого языка) // Иностранные языки в высшей школе. 2025. № 1 (72). С. 5–10. DOI: 10.37724/RSU.2025.72.1.001.

Original article

Biblical proper names as an element of cultural transmission (on the material of the German language)

Elena I. Karpenko

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
elena_karpenko@list.ru

Abstract. The article deals with biblical proper names in the discourse of modern German-language mass communication media in the aspect of their ability to cumulate, reproduce and broadcast the value knowledge of the biblical picture of the world. The material of the study is the examples selected by the method of continuous sampling from German-language DWDS (*Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache*) corpora. Cultural information is accumulated in the cultural background of the biblical proper names, has a potential character and is actualised in discourse. Like any cultural process, cultural transmission transforms the knowledge reproduced in it. Among the most complex aspects of reproduction are the techniques of transforming the sacred in profane contexts. As the study shows, the sacramentalisation of biblical knowledge in the secularised discourse of mass communication media does not contradict the basic values of the Bible, although it does not reproduce them. While the desacralisation of biblicalisms is a serious obstacle in cultural transmission, accompanied by the distortion and deconstruction of sacred knowledge.

Keywords: cultural transmission, biblical proper name, concrete, abstract, analogy, disanalogy, desacralisation, discourse, German language.

For citation: Karpenko E. I. Biblical proper names as an element of cultural transmission (on the material of the German language). *Inostrannyye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2025, 1(72); (In Russ.) Pp. 5–10. DOI: 10.37724/RSU.2025.72.1.001.

Введение

Онимы уже несколько десятилетий находятся на пике исследовательского интереса (А. В. Суперанская, Ю. Н. Караулов, В. С. Страхова, Е. Ф. Косиченко и мн. др.). Распространенность библейских имен собственных в секуляризованных дискурсах современных масс-медиа заставляет ученых искать причину их регулярной воспроизводимости преимущественно в прагматике. Между тем в аспекте языковой трансляции культуры воспроизводимость таких знаков интересна в связи с их ролью в отражении ценностной библейской картины мира. В процессе трансляции культуры различаются статическая и динамическая стороны. Статика связана с кумулятивной способностью библеизмов хранить и особым образом кодировать культурно значимые структуры знаний [Федуленкова, 2019]. За рубежом библейская фразеология рассматривается в основном в контрастивных исследованиях [Földes, 1990]. Однако некоторые проблемы воспроизводства и трансляции библейского знания через мотивы, цитаты и имена библейских личностей изучаются в литературоведении [Polaschegg, Weidner, 2012 ; Coppoletta, 2017] и медиаведении [Raster, Godulla, 2015]. Исследование трансляции культуры в динамике, пока не получившее должного освещения ни в отечественной, ни в зарубежной науке, позволит определить, какие именно знания библейского происхождения актуальны в дискурсе средств массовой коммуникации сегодня. Цель данной статьи — рассмотреть использование библейских имен собственных в аспекте транслируемого ими ценностного знания на примере немецкоязычного дискурса масс-медиа. Материалом исследования послужили 150 контекстов реализации библейских имен собственных, отобранных методом сплошной выборки из газетных дискурсов, представленных в подкорпусах *Digitalis Wörterbuch der deutschen Sprache* (www.dwds.de).

Кумулятивный аспект языковой трансляции культуры

Типам культурной информации и ее репрезентации в языковых знаках посвящено большое количество исследований разных семантических школ. По определению М. Л. Ковшовой и Д. Б. Гудкова, «понятие культурно-значимой информации связано с главным в самопознании — с выделением из всего существующего общечеловеческих ценностей» [Ковшова, Гудков, 2017, с. 55]. Типы культурной информации могут быть репрезентированы семантикой языковых знаков по-разному: в библейских именах собственных, употребляемых в качестве нарицательных, культурная информация сосредоточена в культурном фоне, т. е. в «не входящих в собственно значение слова культурно маркированных ассоциациях, проявляющихся в дискурсе» [Телия, 1994, с. 14]. Актуализация культурной информации такого типа обеспечивается семантической и концептуальной диффузностью библейского имени, связанной с когнитивной способностью человека «игнорировать некоторые свойства индивидуальных референтов, объединять разнородные объекты в некий класс и подводить его под единую номинацию» [Ириханова, 2014, с. 101].

Переход в разряд нарицательного меняет в имени собственном соотношение конкретного и абстрактного. Абстрагированное от конкретной личности, имя наделяется свойствами символа. Проблема символа, как известно, заключается в его смысловой неопределенности: денотатом такого знака становится целый «более или менее произвольный подтекст, который в некоторых случаях воспринимается однозначно, а в других — не одинаково разными людьми» [Ризель, 2006, с. 162]. Иными словами, в имени нарицательном соотношение конкретного и абстрактного изменяется в пользу последнего. Предельно абстрактны одиночные библейские имена в названиях литературных произведений: романов «Иосиф и его братья» Томаса Манна, «Иов» Йозефа Рота, «Иеффай и его дочь» Лиона Фейхтвангера, «Мирьям» Луизы Ринзер; пьес «Иудифь» и «Мария Магдалена» Ф. Геббеля, стихотворений «Адам» и «Ависага» Э. М. Рильке и мн. др. Ассоциации, коннотации, оттенки смысла, которые реципиент вкладывает в них, ограничены только его культурно-языковой компетенцией (термин В. Н. Телия) и воображением.

Любое контекстное употребление библеизма стремится преодолеть семантическую неопределенность и конкретизировать значение имени. Примечательно, что библейские имена нарицательные

в дискурсе современных масс-медиа часто сопровождаются сигналом размытости *eine Art / своего рода*, *словно*, который и подчеркивает диффузность значения имени, и освобождает продуцента от ответственности за точность аналогии, ср.:

1. Seit der Flut ist der in Wien lebende indische Anthropologe Simron Jit Singh zu **einer Art Noah** der nikobaresischen Kultur geworden und das Wiener Völkerkundemuseum die dazugehörige **Arche** [Berliner Zeitung, 27.12.2005].

Со времени наводнения живущий в Вене индийский антрополог Симрот Джит Синг превратился в своего рода Ноя никобарезской культуры, а венский музей этнологии — в причитающийся ему ковчег (здесь и далее перевод наш — *Е. К.*).

2. Fünf Minuten später hat sich der Fahrradmonteur im blauen Kittel in **eine Art norddeutschen Jesus** verwandelt [Berliner Zeitung, 24.12.2005].

Спустя пять минут механик по ремонту велосипедов в синем рабочем халате превратился в своего рода северонемецкого Иисуса.

В катафорической и в анафорической по отношению к аналогии позиции в тексте воспроизводятся многочисленные проекции к соответствующему библейскому сюжету [Карпенко, 2024]. В аспекте трансляции культуры они указывают на те фрагменты культурной информации библейского происхождения, которые актуальны для воспроизведения в современной секуляризованной картине мира. Так, в примере 2 аналогической проекцией к евангельской истории является синяя рабочая роба героя сюжета, напоминающая традиционно изображаемое в синем цвете одеяние Христа. И она неслучайна: по всему тексту рассеяны ментальные проекции к евангельской истории, наводящие реципиента на мысль о Христе. В сильных позициях текста — заголовке и концовке — это рамочная конструкция «Leben nach Erlöserart / жизнь по образу спасителя» и «Erlöser-Ende / кончина спасителя»; далее употребляются такие номинации, как «Idealist», «Aussteiger» или иные характеристики внешности, образа жизни и деятельности референта, которые можно соотнести со Спасителем:

3. **Bodenlang wallendes Gewand**. Fellweste. **Sandalen** und Holzkreuz am langen Band [Berliner Zeitung, 24.12.2005].

Струющийся халат длиной до пола. меховой жилет. Сандалии и деревянный крест на длинной ленте.

4. Ob **Aussteiger**, **Obdachloser**, **Alkoholiker** oder **psychisch Kranker** — in dieser «bedingungslosen Zufluchtsstätte» werden prinzipiell **alle aufgenommen** [Berliner Zeitung, 24.12.2005].

Будь то последний отщепенец, бездомный, алкоголик или душевнобольной — в это «безусловное убежище» принимаются принципиально все.

Рассеянная по всему тексту реализация культурного фона имени иллюстрирует взаимодействие всех языковых уровней при кумуляции культурной информации при помощи библейских имен собственных. Разумеется, большая часть аналогических проекций, связанных с образом Христа, в данном тексте дефокусирована. Какой именно фрагмент библейской картины мира и при помощи каких языковых средств актуализируется в дискурсе, во многом определяет содержание трансляции культуры.

Динамический аспект языковой трансляции культуры

Исследователи единодушны в признании десакрализации в качестве ведущей техники использования библеизмов в дискурсе современных массмедиа. О. В. Шкуран определяет процесс языковой десакрализации библеизмов как их «секуляризованную популяризацию ... в современном дискурсе с более низким ценностным регистром для актуализации того семантического сегмента, который необходим адресанту в коммуникации» [Шкуран, 2023, с. 131]. В связи с этим в работах последних лет указывается на опасность утраты культурных традиций, формирования квазиценностей, деградации духовного потенциала личности и общества [Шкуран, 2023 ; Фёдорова, 2011].

Вместе с тем, взаимоотношения сакрального, профанного и десакрального достаточно разнообразны и сложны. Так, «перемещение» сакрального текста в профанный контекст (его профанизация) далеко не всегда означает потерю сакральных смыслов. Многочисленные адаптированные сокращенные варианты книг Священного Писания, которые в разное время создавались для определенных социальных групп (дети, люди с особыми потребностями, представители определенных микросоциумов), сохраняют объективность в передаче информации, упрощая, но не искажая сакральных смыслов первоисточника [Кульченко, 2018]. Знаменитые произведения изобразительного и выразительного искусства, представляющие собой авторское восприятие сакрального, являются сакраментальными для целых

лингвокультурных сообществ. Сакраментальное в них понимается как сакральное, преобразованное через призму авторской интерпретации, но не искажающее сути библейского текста и, как правило, имеющее благотворное воздействие на реципиента [Фёдорова, 2011].

Закономерно предположить, что из трансляции культуры при помощи библейских имен собственных в дискурсе масс-медиа исключены сакральные смыслы Библии. Безусловно, любое использование библеизмов вне сакрального контекста Библии сопровождается их профанизацией. Как видно из примеров 1 и 2, воспроизводятся элементы поверхностной структуры библейских сюжетов: особенности внешности, одежда, поведение, межличностные отношения, артефакты и т. д., и не воспроизводятся элементы ключевых библейских концептов, таких как ЗАВЕТ [МЕЖДУ БОГОМ И ЧЕЛОВЕКОМ], ВЕРА, СМИРЕНИЕ. Именно они мотивируют поступки библейских личностей и объясняют суть библейских сакральных текстов. Помещение в профанный контекст, изменение мотивации поступков людей, безусловно, трансформируют ценностную составляющую воспроизводимых в дискурсе библеизмов. В примере 1 деятельность индийского антрополога, работающего в Вене над сохранением материального и духовного наследия никобарезской культуры, образно уподобляется трудам Ноя по строительству ковчега для спасения человека и всего животного мира от потопа. Данная метафорическая аналогия не противоречит смыслу библейского сюжета. В тексте имеются и другие проекции к библейскому сюжету о потопе:

5. Unmittelbar, nachdem die Erde minutenlang gebebt hatte, überrollten acht Tsunami-Wellen von bis zu 20 Metern Höhe den flachen, weit im offenen Meer verstreuten Archipel. **Das Wasser** riss die Stelzenhütten mit ... Und es **tötete nach inoffiziellen Schätzungen rund ein Drittel der Bevölkerung**, etwa 10 000 Menschen [Berliner Zeitung, 27.12.2005].

Сразу же после землетрясения восемь волн цунами высотой до 20 метров обрушились на пологий архипелаг, который был разбросан в открытом море. Вода снесла хижины на сваях... и, по неофициальным оценкам, уничтожила около трети населения, до 10 000 человек.

6. In Zusammenarbeit zwischen Singh und dem Wiener Journalisten Oliver Lehmann ist jetzt aus dem vorhandenen Material ein Buch entstanden, das in beeindruckenden Bildern **die Riten und den Alltag einer vom Verschwinden bedrohten Kultur dokumentiert** [Berliner Zeitung, 27.12.2005].

Сотрудничество Сингха и венского журналиста Оливера Леманна привело к созданию книги, в которой на впечатляющих фотографиях зафиксированы обряды и повседневная жизнь культуры, находящейся под угрозой исчезновения.

Попечение об уникальной культуре, фактически погибшей при наводнении от цунами, кропотливый и многолетний сбор и документирование артефактов этой культуры, благие намерения ученого и желание материально способствовать возрождению утраченного, а также — и это особенно важно — соответствующий стилистический регистр языкового оформления данного фрагмента текста не ставят под сомнение уместность аналогии с библейской историей о Ноевом ковчеге, хотя и лишены ее сакрального смысла.

Напротив, техника десакрализации библеизмов в дискурсе демонстрирует неуместность, противоречивость, иногда кощунственность сравнения с библейским образом. Такое восприятие сакрального может привести к осквернению и искажению святыни [Фёдорова, 2011]. Вернемся к примеру 2. Дальнейший рассказ о жизни и убеждениях героя-отшельника, имеющего молодую спутницу жизни и совместного ребенка, обнаруживает все больше дизаналогических отклонений от библейского образа:

7. Außenseiter dieses Kalibers würden ohne **schützende Egozentrik** unweigerlich scheitern [Berliner Zeitung, 24.12.2005].

Аутсайдеры такого калибра неизбежно потерпели бы крах, если бы не защитный эгоцентризм.

8. „Das übliche Tellerranddenken lehne ich ab. Ich denke in Sippen- oder Stammeskategorien. **Warum sollen bei doppelter Treue nicht mehrere Partnerinnen möglich sein?**“ [Berliner Zeitung, 24.12.2005].

Я отвергаю обычное маргинальное мышление. Я мыслю категориями клана или племени. Почему в случае обоюдной верности не может быть нескольких партнеров?

Невозможность аналогии с Христом подчеркивается стилистически сниженным регистром оформления данных и некоторых других фрагментов текста, например, саркастическими выражениями «Graswurzelrevolutionär / революционер из-под сохи», «Freund aller Kreaturen / друг всей твари». Десакрализация, таким образом, является низшим уровнем восприятия сакрального и существенным препятствием для воспроизводства ценностей библейской картины мира.

Заключение

Таким образом, в аспекте трансляции культуры использование библейских нарицательных имен в современном дискурсе масс-медиа должно рассматриваться дифференцированно. Любое такое употребление сопровождается профанизацией сакрального знания. При уважительном (сакраментальном) отношении к нему сохраняется возможность трансляции сюжетных и концептуальных элементов библейской картины мира. Техника десакрализации библеизмов ведет к утрате и искажению сакрального смысла Библии и является, как видится, существенным препятствием в трансляции культурной информации библейского происхождения при помощи рассмотренных языковых знаков.

Список источников

1. Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. — М. : Языки славянской культуры, 2014. — 320 с.
2. Карпенко Е. И. Библейские аналогии и типы связности в тексте (на материале немецкого языка) // ЛII Междунар. науч. филол. конф. им. Л. А. Вербицкой : сб. тез. — СПб. : Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2024. — С. 967–969.
3. Ковшова М. Л., Гудков Д. Б. Словарь лингвокультурологических терминов. — М. : Гнозис, 2017. — 197 с.
4. Кульченко Ю. В. Профанация сакрального как закономерный коммуникативный процесс: история и современное состояние вопроса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 12-1(90). — С. 138–142. — DOI 10.30853/filnauki.2018-12-1.29.
5. Ризель Э. Г. Персонификация, аллегория, символ // Из научного наследия профессора Э. Г. Ризель: К 100-летию со дня рождения / сост. Н. В. Любимова, Г. М. Фадеева. — М. : МГЛУ, 2006. — С. 158–166.
6. Телия В. Н. Номинативный состав языка как объект лингвокультурологии // Национально-культурный компонент в тексте и в языке : тез. док. междунар. науч. конф. : в 2 ч. — Минск : Універсітэцкае, 1994. — Ч. 1. — С. 13–15.
7. Фёдорова И. В. Сакральное и его понятийно-терминологический статус // Гуманитарный вектор. — 2011. — № 2 (26). — С. 72–75.
8. Федуленкова Т. Н. Характеристика прототипов библейской фразеологии и способы их преобразования в языковые единицы // Язык и культура. — 2019. — № 45. — С. 108–120. — DOI 10.17223/199996195/45/8.
9. Шкуран О. В. Десакрализация библеизмов в современном дискурсе как фактор признанности или легкословия? // Русин. — 2023. — № 71. — С. 131–162. — DOI 10.17223/18572685/71/6.
10. Copoletta F. „Und er bückte sich wieder und schrieb auf der Erde“ Theodor Fontanes zunehmende Differenzierung der Bibel in seinem Romanwerk. — Universitätsverlag Potsdam, 2017. — 360 p.
11. Földes C. Die Bibel als Quelle phraseologischer Wendungen: Dargestellt am Deutschen, Russischen und Ungarischen // Proverbium. Yearbook of International Proverb Scholarship. The University of Vermont. — 1990. — № 7. — Pp. 57–75.
12. Polaschegg A., Weidner D. Das Buch in den Büchern. Wechselwirkungen von Bibel und Literatur. — München : Wilhelm Fink, 2012. — 397 p.
13. Raster I., Godulla A. Religiöse Motive in der Werbung // Communicatio Socialis. — 2015. — № 48. — Heft 3. — Pp. 276–288.

References

1. Iriskhanova O. K. *Igry fokusa v yazyke. Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya* [Focus games in language: semantics, syntax and pragmatics of defocusing]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2014, 320 p. (In Russian).
2. Karpenko E. I. Biblical analogies and types of cohesion in the text (on the material of the German language). *LII Mezhdunar. nauch. filol. konf. im. L. A. Verbitskoi: sb. tez.* [Papers of the LII International Scientific Philological Conference named after L. A. Verbitskaya]. St. Peterburg, St. Peterburg state univ., 2024, pp. 967–969. (In Russian).
3. Kovshova M. L., Gudkov D. B. *Slovar' lingvokul'turologicheskikh terminov* [Dictionary of Linguoculturological Terms]. Moscow, Gnozis Publ., 2017, 197 p. (In Russian).
4. Kul'chenko Yu. V. Profanation of the sacred as natural communication process: history and the current status of the issue. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory&Practice]. 2018, no. 12-1 (90), pp. 138–142. DOI 10.30853/filnauki.2018-12-1.29. (In Russian).

5. Riesel E. G. *Personification, allegory, symbol. Iz nauchnogo naslediya professora E. G. Riesel: K 100-letiyu so dnya rozhdeniya* [From the scientific heritage of Professor E. G. Riesel: On the 100th anniversary of his birth]. Comp. N. V. Lyubimova, G. M. Fadeeva. Moscow, Moscow State Linguistic Univ. Publ., 2006, pp. 158–166. (In Russian).
6. Teliya V. N. Nominative composition of language as an object of linguoculturalology. *Natsional'no-kul'turnyi komponent v tekste i v yazyke: Tezisy dokladov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii: V 2-kh Ch.* [National-cultural component in the text and in the language: Abstracts of reports of the International Scientific Conference: In 2 vols.]. Minsk, Universitetskoe Publ., 1994, vol. 1, pp. 13–15. (In Russian).
7. Fedorova I. V. The sacral and its conceptual-terminological definition. *Gumanitarnyi vector* [Humanitarian vector]. 2011, no. 2 (26), pp. 72–75. (In Russian).
8. Fedulenkova T. N. Characteristic of prototypes of biblical phraseology and ways of their transformation to language units. *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture]. 2019, no. 45, pp. 108–120. DOI 10.17223/199996195/45/8. (In Russian).
9. Shkuran O. V. Desacralisation of biblical expressions in modern discourse as a factor of recognition or levity? *Rusin*. 2023, no. 71, pp. 131–162. DOI 10.17223/18572685/71/6. (In Russian).
10. Copoletta F. „Und er bückte sich wieder und schrieb auf der Erde“ Theodor Fontanes zunehmende Differenzierung der Bibel in seinem Romanwerk. Universitätsverlag Potsdam, 2017, 360 p. (In German).
11. Földes C. Die Bibel als Quelle phraseologischer Wendungen: Dargestellt am Deutschen, Russischen und Ungarischen. *Proverbium. Yearbook of International Proverb Scholarship. The University of Vermont*. 1990, no. 7, pp. 57–75. (In German).
12. Polaschegg A., Weidner D. *Das Buch in den Büchern. Wechselwirkungen von Bibel und Literatur*. München, Wilhelm Fink, 2012, 397 p. (In German).
13. Raster I., Godulla A. Religiöse Motive in der Werbung. *Communicatio Socialis*. 2015, no 48 (3), pp. 276–288. (In German).

Информация об авторе

Карпенко Елена Игоревна — кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой лексикологии и стилистики немецкого языка факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета.

Information about the author

Karpenko, Elena I. — PhD (Philological Science), Associate professor, Head at the Department of German Lexicology and Stylistics, German Language Faculty, Moscow State Linguistic University.

*Статья поступила в редакцию 10.01.2025;
одобрена после рецензирования 22.01.2025;
принята к публикации 24.01.2025.*

*Submitted 10.01.2025;
approved after reviewing 22.01.2025;
accepted for publication 24.01.2025.*

Иностранные языки в высшей школе. 2025. № 1 (72). С. 11–18.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2025;1(72):11–18.

Научная статья
УДК 811.134.2
DOI: 10.37724/RSU.2025.72.1.002

**Библейские фразеологизмы с именами собственными
в романах Бенито Переса Гальдоса:
особенности семантики и проблема перевода на русский язык**

Марина Викторовна Кутьева

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия
kuteva.mv@rea.ru

Аннотация. В настоящей статье на *материале* романов знаменитого испанского писателя-реалиста XIX века Бенито Переса Гальдоса рассматриваются семантические особенности и функционирование библейских фразеологизмов с именами собственными, основой для которых послужили широко известные библейские сюжеты. Большинство из них имеет эквивалент в русском языке, но лишь формальный, поверхностный и, по сути, обманчивый. *Цель* статьи — выявить, описать и проанализировать наиболее яркие и рекуррентные в разговорной речи библейские фразеологизмы с ономастическим компонентом; рассмотреть их взаимодействие с контекстом; охарактеризовать их прагматические и лингвокультурологические особенности и семантико-когнитивные трансформации; дать объяснение этим трансформациям, а также сопоставить отобранные ФЕ с русскими аналогами. Анализ концептуального своеобразия и семантической динамики избранных испанских фразеологизмов, реферирующих к широко известным персоналиям христианства в сопоставительном ракурсе, делает данную работу *актуальной* и соответствующей современным парадигмам лингвистического знания.

Применялись *методы* контекстуального, структурно-семантического, компонентного, коннотативного, сопоставительного и интерпретационного анализа, метод изучения словарных дефиниций.

Объектом исследования стали наиболее рекуррентные испанские фразеологизмы с библейскими именами-символами, вошедшими в интернациональный ономастический тезаурус и задействованными в наиболее значительных романах Б. Переса Гальдоса: Адам, Мария Магдалина, Иов. *Предметом* изучения выступают их прагматические, когнитивные и аксиологические свойства и национально-культурное своеобразие. Выявление этих свойств в контрастивном по отношению к русской лингвокультуре ключе обуславливает *новизну* исследования.

Делается *вывод* о том, что многие испанские фразеологизмы, восходящие к Библии, в переводе на русский язык сохранить не удастся в связи с их кросс-культурной псевдоэквивалентностью и столь характерным для испанского вербального мышления пародийным переименованием исходного смысла, представляющим собой одну из форм интертекстуальности и осложняющим их восприятие извне, из лоно иной культуры.

Ключевые слова: испанский язык, Бенито Перес Гальдос, библеизм, фразеологизм, имя собственное, семантические трансформации, контекст, метафора, псевдоэквивалентность.

Для цитирования: Кутьева М. В. Библейские фразеологизмы с именами собственными в романах Бенито Переса Гальдоса: особенности семантики и проблема перевода на русский язык // Иностранные языки в высшей школе. 2025. № 1 (72). С. 11–18. DOI: 10.37724/RSU.2025.72.1.002.

Original article

**Biblical phraseological units with proper names
in the novels of Benito Perez Galdos:
Semantic peculiarities and the problem of translation into Russian**

Marina V. Kutyeva

Russian Plekhanov University of Economics, Moscow, Russia
kuteva.mv@rea.ru

Abstract. This paper, based on the material of the novels of the influential Spanish realist writer of the XIX century Benito Perez Galdos, touches upon the semantic features and functioning of those biblical phraseological units with proper names, which are derivative from widely known biblical plots. Most of them have an equivalent in Russian, but only formal, superficial and, in fact, deceptive. *The purpose* of the article is to identify, describe and analyze the most striking and recurrent biblical phraseological units with an onomastic component; to consider their interaction with the context; to characterize their pragmatic and linguistic-cultural features and semantic-cognitive transformations; to explain these transformations, as well as to compare the selected idioms with Russian analogues.

The analysis of the conceptual originality and semantic dynamics of selected Spanish phraseological units referring to well-known personalities of Christianity in a comparative perspective makes the study *relevant* and consistent with modern paradigms of linguistic knowledge.

The methods of contextual, structural-semantic, component, connotative, comparative and interpretative analysis, the method of studying dictionary definitions were used.

The object of the study is limited to the most recurrent Spanish phraseological units with biblical names-symbols included in the international onomastic thesaurus and used in the most significant novels by B. Pérez Galdós: these are Adam, Mary Magdalene, Job. *The focus* of the study is their pragmatic, cognitive and axiological properties and national and cultural identity. The identification of these properties in a contrastive way determines the *novelty* of this work.

It is *concluded* that many Spanish phraseological units dating back to the Bible will not be preserved in translation into Russian due to their cross-cultural pseudo-equivalence and the parody reinterpretation of the original meaning, which is so characteristic of Spanish verbal thinking, representing one of the forms of intertextuality and complicating their perception from the outside, from the bosom of another culture.

Keywords: Spanish, Benito Pérez Galdós, bibleism, idiom, proper name, semantic transformation, context, metaphor, pseudo-equivalence.

For citation: Kutyeva M. V. Biblical phraseological units with proper names in the novels of Benito Perez Galdos: Semantic peculiarities and the problem of translation into Russian. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2025, 1(72); (In Russ.) Pp. 11–18. DOI: 10.37724/RSU.2025.72.1.002.

Введение

Язык выдающегося испанского романиста XIX века Бенито Переса Гальдоса, по творчеству которого создано немало спектаклей и кинофильмов, изобилует лексико-фразеологическими отсылками, так или иначе связанными с Библией. Отметим, что фразеологизмы, берущие свое начало из Священного Писания, отличаются изрядной долговечностью, воспроизводимостью, континуальностью. Особенной живучестью в художественной литературе выделяются обороты с антропонимами [Fedulenkova, 2000 ; Лаврентьева, 2007]. Кто не слышал имен: Иуда, Понтий Пилат, Каин, Ирод, Мария Магдалина? Казалось бы, они иконичны и однозначны и время над ними бессильно. Однако это не так. Разойдясь по национальным культурам, эти имена притянули к себе новые оттенки смыслов или специфические, своеобразные ассоциации [Дубровина, 2012, с. 134–135]. Их исходные значения существенно модифицировались. Одни имена семантически расцвели, другие оказались преданными забвению. Их перечни в разных языках совпадают далеко не полностью.

Интернациональные и универсальные (по форме) фразеологизмы с библейскими антропонимами в своем составе значительно разнятся по своей семантике от языка к языку. Сегодня «фонд библеизмов переживает интенсивные динамические процессы в их социокультурной обусловленности» [Мокиенко, Никитина, 2023, с. 193]. Причинами могут быть постепенное смещение фокуса внимания с базового, изначального когнитивного признака имени на периферийные, оказывающиеся более важными, насущными; сдвиги в расстановке акцентов, диктуемые спецификой узуса, а также их травестирование и профанация их исходного содержания [Васильев, 2020]. Испанские устойчивые сочетания с именами собственными отличаются «высоким удельным весом прагматических составляющих значения и открытостью синтаксических моделей» [Передерий, 2021, с. 304]. Влияют и черты национального характера, такие как, например, ироничность испанцев, умение находить смешное в чем угодно. Кроме того, и в ткани популярных романов фразеологическая единица, помещенная в напряженный диалог, переиначивается, обостряется ее стилистическое звучание и экспрессивность; смысловые акценты значительно модифицируются.

Библейские обороты, используемые Б. Пересом Гальдосом, разделены нами на две большие группы: 1) ФЕ с ключевыми библейскими именами собственными; 2) ФЕ с семантически емкими словами-символами из Библии: cenizas/зола, прах; piedra/камень; cruz/крест; sepulcro/могила; pan/хлеб и др. Материал данной статьи представлен фразеологизмами, основанными на именах библейских персонажей.

Фразеологизмы с библейскими именами собственными в романах Б. Переса Гальдоса

Adán/Адам

1) *hijos de Adán / сыновья Адама (в значении 'люди')*

Среди символических значений лексемы *Adán/Адам* особое место занимает понятие «человек» и «человечность». В испанской лингвокультуре быть человеком означает быть грешным. Выражение *hijos de Adán / букв. дети (сыновья) Адама* метафорически можно интерпретировать как «люди со всеми

присущими им слабостями, грешники». В романе «Тристана» используется уменьшительно-ласкательная форма существительного *hijos* — *hijitos*; расширен состав фразеологизма: добавлен эпитет *mimados/избалованные, изнеженные*. Эти авторские приращения играют важную стилистическую роль и сообщают повествованию снисходительно-жалостливую тональность: “Los hombres como él, *hijitos mimados de Adán*, habían recibido del Cielo una tácita bula que los dispensaba de toda moral” [Pérez Galdós, *Tristana*]. Перевод: «Такие люди, как он, избалованные сынки (сыночки?) Адама, получили от Небес молчаливую охранную грамоту, освобождающую их от всякой морали» (пер. наш — М. К.*). Оборот *hijos de Adán / сыновья Адама* подчеркивает человеческую, плотскую природу людей в противовес божественной природе Христа. Не лишним будет привести и растиражированный в советском издании 1987 года перевод этого высказывания на русский язык: «Мужчинам его склада, *баловням Адамовым*, небеса молчаливо даровали буллу, избавлявшую их от соблюдения норм морали» [Тристана; Назарин; Милосердие, 1987]. Главное в обсуждаемом нами обороте — это то, что все мы дети Адамовы, то есть обычные люди. Б. Перес Гальдос вносит в него идею о том, что есть среди нас весьма облагодетельствованные и даже заранее прощенные свыше за все прегрешения, а есть и не очень. Лексический выбор переводчика видится нам неудачным: исчез один из двух стержневых компонентов ФЕ (*hijos/сыны, сыновья*), тогда как авторская добавка Гальдоса — прилагательное *mimado/избалованный* — становится в переводе «несущей конструкцией», хотя очевидно, что «*баловень*» — вовсе не обязательно сын, и наоборот: не факт, что сын — безусловный баловень. В результате создаётся впечатление, что ветхозаветный Адам кого-то изрядно баловал, и становится непонятным, кем приходятся эти баловни Адаму.

2) *hecho un Adán / как Адам* (в значении ‘неопрятный’)

В романе *La de Bringas* (Ла дэ Брингас, Семья Брингас) есть эпизод, где мать укоряет заигравшихся детей через антропоним *Адам*. Дети *Isabelita* и *Alfonsín* забегались. Они “*iban sofocados, sudorosos...*” / «бегали запыхавшиеся, вспотевшие...». Девочка покраснелась “*como un sangrejo cocido...*” / «как варёный рак». Мальчика родительница отчитала с особенной экспрессией: «*Y este granuja...? <...> Todo roto y **hecho un Adán**. Mire usted qué rodillas... Si se le pusiera traje de hierro lo mismo lo rompería...*» [Pérez Galdós, 2003, p. 171]. Перевод: «А этот негодник...? Весь рваный, **чумазый** (букв. ‘**вылитый Адам**’). Посмотрите: это что за коленки... Хотя железный костюм ему надень, все равно разорвет!»

Как фразеологически связанное, так и самостоятельное метафорическое значение ставшего нарицательным имени *Адам* передают на русском языке эпитеты: “перепачканный”, “неопрятный”. Исторически и этимологически эта лексема прошла круг межъязыковых семантических трансформаций: от имени нарицательного «человек» (на арамейском языке) → к библейскому имени собственному «Адам» → и, в испанском языке, снова к нарицательному: ‘*неряха*’. Здесь мы наблюдаем парадоксальное противоречие между эксплицитным и имплицитным стратами слова: узуальным значением и внутренней формой. Думается, что семантика неряшливости и неприглядности закрепились за этим именем благодаря, в частности, иллюстрациям к Ветхому Завету, выполненным Гюставом Доре.

Неявная, переносная семантика лексемы *Adán/Адам* значительно различается в испанском и русском языках. В русской языковой картине мира она коррелирует с такими понятиями, как «*первородный грех*», «*древность, давность*», «*нагота*» [Федосова, Кутьева, 2022, с. 95], а также ‘человек во плоти, грешный, подверженный соблазнам’ [Дубровина, 2010, с. 23]. Не полностью преданы забвению идиоматические речения: «*в костюме Адама*», «*ветхий Адам*», «*(начать) от Адама*» [Дубровина, 2010, с. 23–24]. Фиксируются и вовсе редкие теперь, помеченные как устаревшие: «*Адамовы веки (времена)*», «*совлечь с себя ветхого Адама*» — так якобы выразился апостол Павел [Там же, с. 23–24]. Используя в речи последнее из них, мы имеем в виду следующее: нравственно переродиться, прозреть; освободиться от пороков, сбросить их с себя, как сбрасывают изношенную, ветхую одежду; стать другим, стать лучше. «Ветхость» Адама в русской фразеологической картине мира реферирует к греховности людей, то есть затрагивает глубинные, нравственные свойства личности.

В испанской лингвокультуре антропоним *Адам* играет особую роль. Он чрезвычайно рекуррентен. Его наделяют даже статусом культуремы [Luque Nadal, 2009]. Выражение *estar hecho un Adán/быть как Адам* выводит на образ ‘*hombre desaliñado, sucio o descuidado*’ [Diccionario Real Academia Española, 2014] — ‘*мужчины неряшливого, грязного, неаккуратного, не следящего за собой*’. Это тот, кто небрежен, ‘*оборван, одет в лохмотья*’/ ‘*haraposos*’. Оборот свойственен испанской разговорной речи.

На первый план в испанской фразеологической картине мира относительно этой ФЕ выступает **внешний** фактор: в качестве ассоциативной основы фразеологической метафоризации главенствует именно **внешний вид**, а не **внутренний облик** или социальная роль. Немаловажен и факт изгнания Адама

* Здесь и далее перевод наш — М. К., если не указано иное.

и Евы из Рая: в ситуации кары господней доминирует тональность неприютности и униженности, отверженности и осуждения первых людей.

Курьезен тот факт, что носителям испанского языка смешно видеть, как *Адам*, с обсуждаемым нами когнитивным грузом бомжизма и небрежности, повсюду в мире становится названием магазинов современной мужской одежды.

Magdalena / Магдалина

1) *Llorar como una Magdalena / Плакать, как Магдалина (в значении 'плакать горько, неудержимо и безудержно')*

Многострадальная Фортуната в самом известном, но по иронии судьбы так и не переведенном на русский язык романе Б. Переса Гальдоса «Фортуната и Хасинта» много плачет: “Fortunata estuvo muy desvelada aquella noche. *Lloraba a ratos como una Magdalena*, y poníase luego a recordar cuanto le dijo el padre Pintado <...>. Durmiese al fin rezando” [Pérez Galdós, 2003a, p. 482]. Перевод: «Фортуната не спала ночь напролёт. *Временами она рыдала как Магдалина*, потом припоминала все, что говорил ей падре Пинтадо <...>. Так, молясь, она заснула».

Сравнение с Магдалиной генерирует в сознании испанца только один образ: горько плачущую женщину (ранее существовала и ассоциация с проституткой). И хотя изначально библейская блудница проливая слезы от раскаяния и от гнетущего ощущения вины [García Gallarín, 2017] и в словарях она охарактеризована как *mujer penitente o visiblemente arrepentida de sus pecados / женщина, наглядно раскаявающаяся в своих грехах* [Diccionario de la Real Academia Española, 2014], сравнение с ней в современном испанском языке распространяется и на невинных девиц. По правде говоря, героине Б. Переса Гальдоса есть в чем покаяться и за что себя винить. Однако если говорить о судьбе словосочетания, то постепенно из семантики плача Магдалины как когнитивной сферы фразеологической единицы полностью вымывается греховная составляющая, то есть глубинная *причина* слез. Остаются только сами рыдания, надрывные и часто неадекватные. Заметим: далеко не все языки пошли по пути акцентуации приоритета плача в языковой концептуализации этого образа. Например, для греков «*Μαγδαλίνη* (Магдалина) — это женщина, которая, отличаясь нескромным поведением, на публике или в старости притворяется невинной» [Тресорукова, 2019, с. 104]. Как видим, тропинок семантических переосмыслений и модификаций — открытое множество.

Для вербализации сокрушенности, чувства скорби и отчаяния испанская лингвокультура гораздо интенсивнее и шире, чем русская обращается к образу Марии Магдалины. В сознании русского человека это имя связано в первую очередь с нравственными характеристиками. Главные среди них — покаяние, приобщение к святости через истовое самоотречение. Отметим, что такие морализирующие ФЕ, как «*кающаяся Магдалина*», легко подвергаются энантиосемии и приобретают иронический оттенок притворного, лицемерного раскаяния. В испанском узусе у этого антропонима преобладают изобразительные, зрительные ассоциации: слезы, зареванный вид, растрепанные длинные волосы, распухший нос. Транслируя на русский язык выражения *parece una Magdalena* (букв.: *похожа на Магдалину*), *llegó hecha una Magdalena* (пришла вся в расстроенных чувствах, как Магдалина)» [Кутьева, 2021, с. 64], переводчику приходится вводить «лишние» слова, давать пояснения и лингвокультурологические комментарии. Причина в том, что у нас плач Марии Магдалины оказался отмеченным оттенком лицедейства. Этимология фразеологического образа Магдалины опирается на Евангелие от Луки 7:38, где Мария Магдалина, осуждаемая фарисеем, плакала у ног Христа, обливая их слезами. Возможна и контаминация этого сюжета с ситуацией оплакивания Иисуса женами-мироносицами после снятия его с креста [Титаренко, 2018, с. 175].

2) *No está la Magdalena para tafetanes / Не до тафты теперь Магдалине (в значении 'не до шуток')*

Любимая героиня Гальдоса Фортуната была почти безграмотной. “La lectura la cansaba <...> y la aburría soberanamente, porque después de estarse un mediano rato sacando las sílabas como quien saca el agua de un pozo, resultaba que no entendía ni jota de lo que el texto decía. Arrojava con desprecio el libro o periódico, diciendo que ya *no estaba la Magdalena para tafetanes*” [Pérez Galdós, 2003a, p. 213]. Перевод: «Чтение утомляло ее и угнетало ужасно, потому что после того, как она полдня составляла слоги из букв, так тяжело, как будто воду черпала из колодца, оказывалось, что она не понимает из прочитанного ни слова. В отчаянии несчастная отбрасывала книгу или газету, говоря, что не до тафты уже Магдалине». В отрыве от приведенного выше контекста оборот «Магдалине не до тафты» равносителен утверждению: «Ей не до шуток». Тафта — это плотный нарядный шелк, иногда с бисером. Из такой ткани в старину шили торжественные и свадебные одежды, а теперь изготавливают театральные занавесы и праздничные скатерти. Но Мария Магдалина погружена в глубокую скорбь. Её не радует и не манит житейская роскошь. Фразеологическое сочетание “*No está Magdalena para tafetanes*” / «*Магдалине не до*

тафты» традиционно трактуется как *'ей не до веселья'* применительно к грешнице, раскаивающейся, принявшей веру и драматично переживающей мученическую смерть Христа.

В данном тексте Гальдоса происходит семантический сдвиг — по отношению к исходному значению. *Тафта* для героини романа *Фортуна* — это чтение, умение читать, которым сложно овладеть, будучи взрослым человеком. Героиня сетует, что уже не надеть Магдалине тафты, не годится для шелков и шикарных нарядов уже Магдалина — по возрасту. В Библии же имелось в виду следующее: по настроению, из-за печали. Тафта с бисером в оригинале — это безделушки, развлечения, плюс статусность, а у Гальдоса эти ткани символизируют принадлежность к высшим слоям общества, причастность к культуре, т. е. нечто большее и требующее усилий, нечто обязывающее. Поэтому возможна следующая трактовка: героиня считает грамотность высшим благом, к которому она не способна, которого она недостойна, и поэтому сокрушается, ведь ей не подняться на этот уровень. Не по зубам Фортуна-Магдалине высшие материи. Таким образом, значение *'быть далекой от развлечений'* окказионально трансформировалось в *'не соответствовать высоким требованиям и ожиданиям'*.

Примечательно, что, возможно, в испанской религиозной картине мира смешались две Магдалины: расплакавшаяся блудница, омывшая ноги Христа, и совсем другая женщина с таким же именем — сестра Марфы и Лазаря, воскрешенного Христом. Оборот *"No está Magdalena para tafetanes"* / *«Не до тафты теперь Магдалине»* возрождает в коллективном сознании испанцев историю об искреннем раскаянии блудницы, оказавшейся под сильнейшим впечатлением от гипнотической духовной мощи Христа и последовавшей за ним.

Job/Иов

Paciencia de Santo Job / Терпение Святого Иова (в значении 'ангельское терпение')

В испанской лингвокультуре Иов — терпеливый. В русской — многострадальный. Понятия эти близки, но и разница между ними весьма ощутима, если иметь в виду спектр фразеологических переосмыслений. Словарями кодифицируются фразеологизмы: *tener más paciencia que el santo Job / иметь ангельское терпение, más paciente que Job / быть терпеливее, чем Иов; acabar con la paciencia de Job / исчерпать терпение Иова* [Левинтова, 1985, с. 466]. В одном из эпизодов романа *«Фортуна и Хасинта»* заказчица, разгневанная тем, что в кузнице крючки для неё не готовы, отчитывает растерянного кузнеца: *"¿No me prometió que estarían por ayer? <...> Vaya, que ni Job tendría paciencia para aguantarle a usted. Están parados los carpinteros de armar"* [Pérez Galdós, 2003a, p. 671]. Перевод: *«Разве вы не обещали мне, что все будет готово еще вчера? <...> Боже мой, даже у Иова не хватило бы терпения выносить вас. Плотники простаивают»*.

Оборот *Paciencia de Santo Job / Терпение святого Иова* подвергся здесь как синтаксической трансформации — сужению компонентного состава (утрата слова *Santo/Святой*), так и семантическому смещению: терпение в романе понимается как отсутствие раздражительности и требовательности. Семантико-когнитивная модификация, таким образом, заключается в некотором упрощении и обытовлении исходного смысла, подразумевавшего априори безропотное, несмотря на мучения и болезни, принятие воли Всевышнего.

В русской культуре Иов символизирует скорее мужество и духовное могущество, проявляющееся в способности выносить бесконечный сонм нечеловеческих страданий [Лаврентьева, 2007, р. 135].

Таким образом, из одного источника — Библии — на базе знаковых имен собственных развились концептуально разнящиеся в испанской и русской языковой ментальности фразеологические образы [Федосова, Кутьева, 2020, с. 54]. Ассоциативные пути фразеологизации элементов библейских текстов в русском и испанском языках (а также других романских языках) далеко не всегда совпадают [Каминская, 2004, с. 15] и обнаруживают существенные расхождения.

Заключение

Итак, библеизмы проявляют себя как генераторы ассоциаций, выводящие на сюжеты Священного Писания. Однако вектор развития содержащихся в них когниций и аксиология их современной трактовки может легко меняться. И сюжеты, и герои Ветхого и Нового Заветов интерпретируются далеко не всегда однозначно. Противоречивость оказывается имманентной многим именам, прожившим долгую литературную жизнь. Погруженные в контекст, они расширяют свою лексико-семантическую сочетаемость [Зернова, 1984, с. 131]. Библейские фразеологизмы, благодаря изначально присущей им ассоциативной многоаспектности и полимодальности, сложно и разнообразно взаимодействуют с контекстом повествования, приобретая ситуативно обусловленные новые значения и оттенки смысла. Отобранные нами обороты с именами: *Adán/Адам, Magdalena/Магдалина, Job/Иов* — используются в качестве сравнения и обнаруживают функцию гиперболизации обстоятельства или качества, далеко не всегда, вопреки

ожиданиям подразумевающего отсылку к духовным добродетелям, к душевной целостности или благородным чувствам. Тем не менее Б. Перес Гальдос постоянно прибегает именно к библейским фразеологическим выражениям. Почему? Возможно, это особенность индивидуального речевого поведения языковой личности, ее субъективные предпочтения. Кроме того, в лексической системе языка, при всем ее богатстве, не так много единиц, синонимичных библейским и равнозначных им — по семантике, тональности, образности, идиоматичности и разнообразию функций. Отметим также, что контекстуальным трансформациям подвергаются те библейские фразеологизмы, которые отличаются высокой узуальностью и частотностью употребления как в речевом обиходе нации, так и в творчестве Бенито Переса Гальдоса. Благодаря рекуррентности они узнаваемы и в модифицированном виде. С помощью библейских оборотов, как ни парадоксально, писатель вносит в язык художественной литературы живое дыхание каждодневной естественной разговорности.

Подчеркнем различия в узуальности библейских оборотов в испанской и русской разговорной речи. В испанской вербалистике, воплощенной в произведениях Б. Переса Гальдоса, они буквально не сходят с языка говорящих. Повсеместная рекуррентность как в литературе, так и в жизни обуславливает их растущую вариативность: множатся и без того внушительные ряды испанских фразеологических синонимов. Функционирование библеизмов в романическом пространстве закрепляет их переосмысление в смеховом, трагическом ключе, в духе карнавального антропоморфизма [Федосова, 2011, с. 157–158]. В России эти имена окутаны флером архаичной возвышенности и сакральности. Именно сакральность изначально служила им той непробиваемой защитной броней, которая препятствовала их когнитивному переименованию. Для носителя русского языка большинство антропонимных библеизмов отстоят непреодолимо далеко от повседневной жизни и постепенно подвергаются забвению. Исключением является, пожалуй, надежно укоренившийся в русском речевом обиходе Иуда.

Испанское языковое сознание, наоборот, активно задействует их в бесконечном множестве разнообразных ситуаций и тяготеет к десакрализации и выхолащиванию глубины библейских персонажей, к иронизированию над ними. Эта тенденция представляет собой одну из основ карнавального в своей основе национального мироощущения носителей испанского языка. В целом в испанской разговорной речи, а следом за ней и в художественной литературе, происходит стилистическое снижение и обытовление изначально высокодуховных и нравственно-религиозных фразеологизмов и имен.

Список источников

1. Васильев А. Д. Два псевдоевангелия: варианты профанизации сакрального текста // Сибирский филологический форум Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. — 2020. — № 3 (11). — С. 76–88.
2. Дубровина К. Н. Библейские фразеологизмы в русской и европейской культуре. — М.: Флинта; Наука, 2012. — 264 с.
3. Дубровина К. Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов. — М.: Флинта: Наука, 2010. — 805 с.
4. Зернова Л. Г. Контекстная реализация фразеологических единиц испанского языка (на материале произведений Бенито Переса Гальдоса): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. — Киев, 1984. — 340 с.
5. Каминская Е. В. Фразеология библейского происхождения во французском и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. — СПб., 2004. — 24 с.
6. Кутьева М. В. «Параллельные» фразеологические образы, восходящие к Библии, в испанском и русском языках: иллюзорность тождественности // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. — 2021. — № 1 (30). — С. 61–67.
7. Лаврентьева А. С. Функционирование агноантропонимов в испанской лингвокультуре: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. — М., 2017. — 320 с.
8. Левинтова Э. И., Вольф Е. М., Мовшович Н. А., Будницкая И. А. Испанско-русский фразеологический словарь: 30 000 фразеологических единиц / под ред. Э. И. Левинтовой. — М.: Рус. яз., 1985. — 1080 с.
9. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Библейские фразеологизмы и паремии в современном социокультурном контексте: к концепции словарной репрезентации // Научный диалог. — 2023. — № 12(8). — С. 193–210.
10. Передерий Е. Б. Испанская фразеология в современном лексикографическом освещении // Преподаватель XXI век. — 2021. — № 1–2. — С. 303–312.
11. Титаренко Н. В. К вопросу о национально-культурной специфике межъязыковых фразеологических параллелей (на примере русских и испанских единиц с библейским именем собственным) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2018. — № 10 (133). — С. 172–176.
12. Тресорукова И. В. Библейские имена собственные в греческой фразеологической картине мира // Рема. Rhema. — 2019. — № 3. — С. 101–114.

13. Бенито Перес Гальдос. Тристана; Назарин; Милосердие : романы : пер. с исп. — Л. : Худож. лит. : Ленингр. отд-ние, 1987. — 534 с. — URL : <https://libking.ru/books/prose-/prose-classic/1087213-10-benito-peres-galdos-tristana-nazarin-miloserdie.html> (дата обращения: 01.11.2024).
14. Федосова О. В. Карнавальность и барочность как базисная диада испанской ментальности // Лексико-прагматические особенности испанского обиходного дискурса в национально-культурном аспекте : моногр. — Волгоград : Волгоград. гос. соц.-пед. ун-т «Перемена», 2011. — С. 157–164.
15. Федосова О. В., Кутьева М. В. Национально-культурная специфика библейских антропонимов в составе испанских и русских фразеологизмов: динамический аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. — 2021. — Т. 20, № 1. — С. 89–100.
16. Федосова О. В., Кутьева М. В. Библейская идиоматика в переводе на русский и испанский языки // Перевод и культура: взаимодействие и взаимовлияние : сб. тезисов IV Общерос. науч. онлайн-конф. с междунар. участием / отв. ред. А. В. Иванов. — Н. Новгород : Нижегород. гос. лингвист. ун-т им. Н. А. Добролюбова, 2020. — С. 53–55.
17. Fedulenkova T. N. Biblical phraseology: sacred and profane // Россия и Запад: диалог культур: материалы 7-й междунар. конф. МГУ им. М. В. Ломоносова. — 2000. — С. 290–299.
18. García Gallarín C. La lexicalización de los nombres bíblicos en la historia del español // Hamsa. — 2017. — Vol. 3. — Pp. 61–73. — URL : <http://journals.openedition.org/hamsa/705> (дата обращения: 18.11.2024).
19. Luque Nadal L. Los culturemas: ¿unidades lingüísticas, ideológicas o culturales? // Language Design. — 2009. — № 11. — Pp. 93–120.
20. Mejía Prieto J. Alburres y refranes de México. — México : Panorama Editorial, 1990. — 157 p. — URL : <https://books.google.com.mx/books?id=4gtEqaZkiUC&printsec=frontcover#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 17.11.2024).
21. Pérez Galdós B. La de Bringas. Biblioteca Virtual Universal, 2003. — 327 p. — URL : <https://www.biblioteca.org.ar/> (дата обращения: 21.11.2024).
22. Pérez Galdós B. El abuelo. — URL : <https://www.biblioteca.org.ar/libros/130572.pdf> (дата обращения: 10.11.2024).
23. Pérez Galdós B. Fortunata y Jacinta. Dos historias de casadas. — Madrid : Aguilar, 2003a. — 812 p. — URL : <https://www.gutenberg.org/cache/epub/17013/pg17013-images.html> (дата обращения: 10.11.2024).
24. Pérez Galdós B. Triстана. — URL : <https://www.gutenberg.org/cache/epub/66979/pg66979-images.html> (дата обращения: 15.11.2024).
25. *Real Academia Española*. Diccionario de la lengua Española. — 23^a ed. — Madrid : S.L.U. Espasa Libros, 2014. — 2432 p. — URL : <https://dle.rae.es/> (дата обращения: 09.11.2024).

References

1. Vasiliev A. D. Two pseudo-evangelies: variants of profanization of the sacred text. *Sibirskij Filologicheskij Forum Krasnojarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astafieva* [Siberian Philological Forum of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev]. 2020, no. 3 (11), pp. 76–88. DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-11-3-54>. (In Russian).
2. Dubrovina K. N. *Biblejskie frazeologizmy v russkoj i evropejskoj kul'ture* [Biblical Phraseological Units in Russian and European Culture]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2012, 264 p. (In Russian).
3. Dubrovina K. N. *Enciklopedicheskij slovar' biblejskih frazeologizmov* [Encyclopedic Dictionary of Biblical Phraseological Units]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2010, 805 p. (In Russian).
4. Zernova L. G. *Kontekstnaja realizacija frazeologicheskijh edinic ispanского jazyka (na materiale proizvedenij Benito Peresa Galdosa)* [Contextual Realization of Phraseological Units of the Spanish Language (based on the works of Benito Perez Galdos)]: Cand. Sc. Philology Thesis, 10.02.01. Kiev, 1984, 340 p. (In Russian).
5. Kaminskaja E. V. *Frazeologija biblejskogo proishozhdenija* [Phraseology of Biblical Origin in French and Russian]. Avtoreferat of Cand. Sc. Philology Thesis, 10.02.01. St. Petersburg, 2004, 24 p. (In Russian).
6. Kutjeva M. V. “Parallel” phraseological images dating back to the Bible in Spanish and Russian: the illusory identity. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovanija* [Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian studies]. 2021, no. 1 (30), pp. 61–67. (In Russian).
7. Lavrentyeva A. S. *Funkcionirovanie agioantropimov v ispanskoj lingvokul'ture* [Functioning of Hagio-anthroponyms in Spanish Linguoculture]. Cand. Sc. Philology Thesis, 10.02.05. Moscow, 2017, 320 p. (In Russian).
8. Levintova E. I., Wolf E. M., Movshovich N. A., Budnitskaya I. A. Spanish-Russian phraseological dictionary: 30,000 phraseological units. E. I. Levintova (ed). Moscow: RusskijYazik. Publ., 1985, 1080 p.
9. Mokienko V. M., Nikitina T. G. Biblical phraseological units and proverbs in modern sociocultural context: Dictionary Representation. *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue]. 2023, no. 12 (8), pp. 193–210. (In Russian).
10. Perederij E. B. Spanish phraseology in modern lexicographic coverage. *Prepodavatel' XXI veka* [Teacher of the XXI Century]. 2021, no. 1-2, pp. 303–312. (In Russian).

11. Titarenko N. V. On the issue of the national and cultural specifics of interlanguage phraseological parallels (using the example of Russian and Spanish units with a biblical proper name). *Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University]. 2018, no. 10 (133), pp. 172–176. (In Russian).
12. Tresorukova I. V. Biblical proper names in the Greek phraseological world view. *Rema. Rhema* [Rema. Rhema]. 2019, no. 3, pp. 101–114. (In Russian).
13. Benito Perez Galdos. *Tristan; Nazarin; Mercy* : novels. Leningrad, Artistic literature, Leningrad Publ. house, 1987, 534 p. Available at: <https://libking.ru/books/prose-/prose-classic/1087213-10-benito-peres-galdos-tristan-nazarin-miloserdie.html> (accessed 01.11.2024). (In Russian).
14. Fedosova O. V. Carnivality and Baroque as a basic dyad of the Spanish mentality. *Leksiko-pragmaticcheskie osobennosti ispanskogo obihodnogo diskursa v nacional'no-kul'turnom aspekte: monogr.* [Lexico-pragmatic Features of the Spanish Everyday Discourse in the National-cultural Aspect: monogr.]. Volgograd : Volgograd State Socio-pedagogical Univ. Change Publ., 2011, pp. 157–164. (In Russian).
15. Fedosova O. V., Kutyeva M.V. National and cultural specificity of Biblical anthroponyms in Spanish and Russian phraseological units: dynamic aspect. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2, Jazykoznanie* [Bulletin of the Volgograd State University. Ser. 2, Linguistics]. 2021, vol. 20, no. 1, pp. 89–100. (In Russian).
16. Fedosova O. V., Kutyeva M. V. Biblical idiomatics translated into Russian and Spanish. *Perevod i kul'tura: vzaimodejstvie i vzaimovlijanie: sb. tez. IV Obshheros. nauch. onlajn-konf. s mezhdunar. uchastiem* [Translation and Culture: Interaction and Mutual Influence. Collection of Abstracts of the IV All-Russian Scientific Online Conference with International Participation]. A. V. Ivanov (ed). N. Novgorod: Nizhegor. gos. lingvistich.univ. im. N. A. Dobroliubova Publ., 2020, pp. 53–55. (In Russian).
17. Fedulenkova T. N. Biblical phraseology: sacred and profane. *Rossija i Zapad: dialog kul'tur: Materialy 7-j Mezhdunar. konf. MGU im. M.V. Lomonosova* [Russia and the West: dialogue of cultures: Materials of the 7th International. conf. at Lomonosov Moscow State University]. 2000, pp. 290–299.
18. García Gallarín C. La lexicalización de los nombres bíblicos en la historia del español. *Hamsa*. 2017, no. 3, pp. 61–73. Available at: <http://journals.openedition.org/hamsa/705> (accessed 18.11.2024). (In Spanish).
19. Luque Nadal L. Los culturemas: ¿unidades lingüísticas, ideológicas o culturales? *Language Design*. 2009, no. 11, pp. 93–120. (In Spanish).
20. Mejía Prieto J. *Albures y refranes de México*. México, Panorama Editorial Publ., 1990. 157 p. Available at: <https://books.google.com.mx/books?id=4gtEqaZkiUC&printsec=frontcover#v=onepage&q&f=false> (accessed 17.11.2024). (In Spanish).
21. Pérez Galdós B. *La de Bringas*. Biblioteca Virtual Univ., 2003, 327 p. Available at: <https://www.biblioteca.org.ar/> (accessed 21.11.2024). (In Spanish).
22. Pérez Galdós B. *El abuelo*. Available at: <https://www.biblioteca.org.ar/libros/130572.pdf> (accessed 10.11.2024). (In Spanish).
23. Pérez Galdós B. *Fortunata y Jacinta. Dos historias de casadas*. Madrid, Aguilar, 2003a, 812 p. (In Spanish).
24. Pérez Galdós B. *Tristana*. Available at: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/66979/pg66979-images.html> (accessed 15.11.2024). (In Spanish).
25. Real Academia Española. *Diccionario de la lengua Española*. 23^a ed. Madrid, S.L.U. Espasa Libros, 2014, 2432 p. Available at: <https://dle.rae.es/> (accessed 09.11.2024). (In Spanish).

Информация об авторе

Кутьева Марина Викторовна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков № 2 Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, Москва.

Information about the author

Kutyeva, Marina V. — PhD (comparative linguistics), associate professor, Foreign Languages Dpt. no. 2, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow.

*Статья поступила в редакцию 12.11.2024;
одобрена после рецензирования 09.12.2024;
принята к публикации 12.12.2024.*

*Submitted 12.11.2024;
approved after reviewing 09.12.2024;
accepted for publication 12.12.2024.*

Иностранные языки в высшей школе. 2025. № 1 (72). С. 19–28.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2025;1(72):19–28.

Научная статья
УДК 82-31, 811.111-26
DOI: 10.37724/RSU.2025.72.1.003

Оценочная функция квазицитаты в повести “Myth Conceptions” Р. Асприна

Сергей Владимирович Лобанов

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань, Россия
s.lobanov@rsu-rzn.ru

Аннотация. В статье рассматривается стилистическое функционирование связки «эпиграф — авторство», стоящей в сильной позиции глав повести Р. Асприна “Myth Conceptions”. Предмет исследования — псевдотекст, состоящий из эпиграфической квазицитаты, представляющей собой измененный прецедентный текст, и заведомо ложно приписываемого этой цитате авторства. В результате получается оригинальная интертекстуальная языковая единица, предположительно обладающая оценочным потенциалом. Прагматилистическая оценка, то есть выражение авторского мнения за счет изменения значения одних языковых знаков под влиянием других, давно изучается лингвистами. Практической новизной данной статьи является рассмотрение функциональной оценки, создаваемой эпиграфом в повести современного американского писателя, теоретической — анализ стилистического потенциала связки «эпиграф — авторство» в художественном тексте. Ироничное сопоставление автором элементов несоприкасающихся дискурсов выводит оценочность за грань «положительное — отрицательное» и придает оценке дополнительную коннотацию. Актуальное состояние языка всегда сопряжено с регистрацией новых языковых форм, поэтому насущная потребность лингвистики — поиск и описание нестандартных авторских решений.

Ключевые слова: функциональный стиль, оценочная функция, художественная литература, юмористическое фэнтези, квазицитата, псевдотекст, прецедентный текст, эпиграф, интертекст, коннотация, аллюзия.

Для цитирования: Лобанов С. В. Оценочная функция квазицитаты в повести “Myth Conceptions” Р. Асприна // Иностранные языки в высшей школе. 2025. № 1 (72). С. 19–28. DOI: 10.37724/RSU.2025.72.1.003.

Original article

The Evaluative Function of the Pseudoquotation in R. Asprin’s “Myth Conceptions”

Sergey V. Lobanov

Ryazan State University named for S. A. Yesenin, Ryazan, Russia
s.lobanov@rsu-rzn.ru

Abstract. To investigate stylistic functioning of the “epigraph — authorship” combination the 26 such combinations in the novel “Myth Conceptions” have been studied. The epigraphs were found to be mostly pseudoquotations — quotations resembling precedent text, but actually modified to suit the author’s needs. Thus, “Hell hath no fury like a woman scorn’d” (W. Congreve) is altered to become “Hell hath no fury like a demon scorched”. What is more, the authorship is now attributed not to the British playwright Congreve, but to his contemporary, the puritan clergyman Cotton Mather of New England, unbinding the quotation from the precedent text of the “Mourning Bride” to tie it faster to the plot of “Myth Conceptions”. Presumably, the modifications are implemented to augment evaluation of the plot, the characters and the conflict in Robert Asprin’s fantasy series. The article also investigates the semantic discrepancies within the “epigraph — authorship” combination due to which irony is infallibly produced.

Keywords: functional style, evaluative function, fiction literature, fantasy writing, pseudoquotation, pseudotext, precedent text, epigraph, intertext, connotation, allusion.

For citation: Lobanov S. V. The Evaluative Function of the Pseudoquotation in R. Asprin’s “Myth Conceptions”. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2025, 1(72); (In Russ.) Pp. 19–28. DOI: 10.37724/RSU.2025.72.1.003.

Рассмотрение стилистического функционирования «прецедентного псевдотекста» продолжает предыдущее исследование [Лобанов, 2019]. В ходе изучения эпиграфических текстов, используемых в сильной позиции глав повести Роберта Асприна “Another Fine Myth”, являющейся первой частью серии

его книг (популярно известной как “Myth Adventures”), было обнаружено, что ирония — не единственная, но неперемнная цель связки «эпиграф — авторство». Поскольку иронии сопутствует категория оценочности, представляется интересным рассмотреть потенциал стилистической оценки, создаваемой такой связкой. В качестве материала для анализа были выбраны эпиграфы следующей, второй книги серии — “Myth Conceptions” [Asprin, 1985].

Под оценкой часто понимается суждение в дихотомии «положительное — отрицательное». Простейший пример — слова “good” и “bad” в их главных значениях, с антонимичной оценочной денотацией и без коннотации. Однако деконструкция художественного текста при помощи инструментария функциональной стилистики может продемонстрировать отклонения, происходящие как с узуально закрепленным значением слова, так и с его оценочной коннотацией. Примером может служить связка «эпиграф — авторство» из четырнадцатой главы повести “Myth Conceptions”, в которой как раз используется слово “good” с положительно денотируемой оценкой:

(14) “We’re looking for a few good men” — B. Cassidy.

Одно из устойчивых значений “good (man)” — «надежный (человек)», оно здесь и реализуется. Однако антитеза в виде авторства эпиграфа “B. Cassidy”, в котором читатель непременно разглядит икону американского грабителя Бутча Кэссиди, уточняет значение «надежный человек» до значения «человек, с которым можно смело идти на преступление». Можно утверждать, что “B. Cassidy” иррадирует дополнительное значение на “good”. Поскольку значение “good”/ «надежный» в этом контексте становится противоположным общепринятому, можно гипотетически создать некую шкалу значений, на которой “good” из этого контекста и будет авторской оценкой. Оценка в данном случае устанавливается, предположительно, по шкале социальной ответственности человека, а не абстрактной шкале «положительное — отрицательное». Вероятно, здесь оценивается значение «законопослушный — преступный», «добропорядочный — криминальный». Авторство «Кэссиди» активизирует вторые элементы этих пар.

Создание оценочности в тексте сопряжено с поиском «нестандартных, более привлекательных, оказывающих большое воздействие на читателя языковых средств» [Морева, 2014, с. 139]. Поскольку у Асприна связка-антитеза «эпиграф — авторство» присуща каждой главе целой серии повестей, можно говорить о том, что в “Myth Adventures” это стилеобразующее, привлекательное и экспрессивное средство оценки и установления антиципаций читателя относительно развития сюжета.

Прежде чем рассмотреть конкретный оценочный потенциал и содержание эпиграфов в каждом случае, необходимо сделать еще два замечания о характерных чертах предмета изучения, о природе эпиграфов Асприна. Во-первых, в каждом случае обязательно присутствует ирония. Подлинный смысл авторского высказывания «эпиграф — авторство» либо противоречит, либо вуалируется явно сформулированным текстом эпиграфа. В некоторых случаях доминирует эстетика черного юмора, в некоторых преобладает интеллектуально-комическое, где-то видна политическая сатира, злободневная для 1980 года, когда повесть “Myth Conceptions” была опубликована. Однако элемент «авторство» всегда имплицитно информирует, в чем-то противопоставленную эксплицитному в «эпиграфе». Во-вторых, ни в одном из случаев связку «эпиграф — авторство» нельзя воспринимать как подлинно существовавший цельный и связный прецедентный текст. Прецедентными могут быть оба элемента порознь:

(26) “All’s well that ends well” — E. A. Poe.

Указанный в главе 26 эпиграф имеет иное авторство; Эдгар По не является автором, узнаваемым по этой цитате. В данном случае читатель имеет дело с постмодернистским текстом, псевдотекстом, если под текстом понимать всю связку в целом. В большинстве случаев псевдотекст отягощен квазицитатой. Под квазицитатой понимается «воспроизведение ... части текста или всего текста в ... умышленно измененном виде» [Слышкин, 2000, с. 63]. Иногда квазицитата в эпиграфе представляет собой несколько искаженный, но хорошо узнаваемый классический текст (примеры 11, 15, 26). Иногда это стилизованное тематическое сообщение без узнаваемого авторства (1, 3, 4, 7). Иногда же (13) автор демонстрирует тонкости существования современной ему культуры, внутри которой и для носителей которой создается текст.

(1) “Life is a series of rude awakenings” — R. V. Winkle.

“A rude awakening” — идиома, зарегистрированная англоязычными словарями в значении разочарования и потрясения, когда то, что ранее представлялось верным, оказывается ложным. Подобное устойчивое значение наблюдается и в русском языке: призыв «Проснись!» применим не только к спящему, но и к неверно оценивающей ситуацию человеку. При рассмотрении эпиграфа без учета авторства (R. V. Winkle), смысл реплики заключается в пессимистическом отношении к существованию: «Жизнь — череда горьких разочарований». Псевдоавторство эпиграфа принадлежит литературному персонажу, Рипу ван Винклю, сон которого длился около двадцати лет. Рассмотрение идиомы вместе

с аллюзией создает новый текст, насыщенный мрачным юмором, появляющимся вследствие логической нестыковки двух текстов: понятие “series of (awakenings)” неприменимо к герою Вашингтона Ирвинга, так как его встреча с загадочными и волшебными владельцами напитка забвения была случайной и однократной. Однако главные герои романа Асприна постоянно попадают в ситуации тяжелых потрясений и разочарований (“rude awakenings”) в столкновениях со сверхъестественными и магическими существами. В данном случае отрицательная оценка кардинально не меняется. Меняется объект оценивания: “rude awakening” из «горько разочаровать» трансформируется в «грубо растолкать». Для первой главы повести, где закладывается экспозиция и завязывается сюжет, где нужно разбудить героя и заинтересовать, «растолкать» читателя, это адекватная трансформация.

Авторство эпиграфа возвращает буквальное, не переносное значение “awakening”: если “rude awakening” подразумевает переосмысление действительности, смену отношения к реальности, то упоминание “R. V. Winkle” де-метафоризирует идиому.

Подобную де-метафоризацию можно наблюдать и в следующем примере: (3) “Ninety percent of any business transaction is selling yourself to the client” — X. Hollander.

Из двух основных современных значений “sell oneself” (1. To convince someone else of one’s potential and worth; 2. To give up one’s moral standards) [Collins, 2006] в тексте эпиграфа реализуется первое: ориентированные на деловые, коммерческие отношения знаки “(selling oneself) to the client” и “business transaction” придают эпиграфу тематически точное значение, однозначно указывают на активацию смыслов «саморекламы», «умения подать себя». Текст приобретает вид вполне шаблонной максимы любого коммерсанта: «Успех зависит от умения подать — показать — преподнести товар». Однако упоминание Ксавьеры Холландер в качестве прецедентного текста подтверждает идею, высказанную в предыдущей статье: способность к интерпретации интертекста позволяет выявить определенный «портрет» адресата. Холландер — реальное медийное лицо, известное читателю Асприна, журналистка и мемуаристка. С биографией современного «пикаро» она как нельзя лучше соответствует типу персонажей “Myth Adventures”: бросив низкооплачиваемую бюджетную работу, Холландер стала высокооплачиваемой «девушкой по вызову», о чем впоследствии написала не одну книгу.

Таким образом, идиоматизированное выражение “sell oneself” подвергается полной деконструкции в контексте эпиграфа — в нем не реализуется ни одно из двух словарных значений. «Профессиональная» принадлежность Холландер восстанавливает буквальное отношение “sell” и “oneself” как предиката и объекта, лишая метафору цельности и неделимости, имплицитно возмущая возможность употребления местоимения “(some)body”, с акцентом на лексическом значении “body” вместо более абстрактного “oneself”. Невинно выглядящая аксиома успешного коммерсанта превращается в скабрёзное “Ninety percent (of success) is selling your body to the client”.

Следует обратить внимание и на трансформации, происходящие со словом “client”. Без указания авторства цитаты и в контексте “business transaction” оно тесно связано с понятиями «маркетинг», «коммерческий клиент», «юридическое лицо», «промышленный потребитель». Указание же автора цитаты лишает слово “client” специального юридического значения. Контраст между употреблением одного и того же слова в терминологическом значении и значении, близком к арготическому (“dependent person”), создает комический эффект.

(4) “If the proper preparations have been made and the necessary precautions taken, any staged event is guaranteed success” — Ethelred the Unready.

Прозвище английского короля X-XI веков Этельреда II Неразумного “Unready” — результат оценочной деятельности его потомков, говоривших на древнеанглийском языке. Поэтому современное написание “unready” не соответствует в полной мере значению “unraed”, от которого прозвище и произошло. “Raed” (др. англ.) — «совет», поэтому “Aethelraed Unraed” — «невразумленный», «не получивший совета». В немецкой культуре принят вариант прозвища “der Unberatene”, что подтверждает правильность такой трактовки. Впрочем, возможно Асприна интересовало лишь современное значение “unready”: весь сюжет самой короткой главы повести состоит в тщательной подготовке героев к собеседованию, маркированному как “staged event” в эпиграфе. Рассчитывая быть единственными претендентами на должность, персонажи обмануты: их ждет жесткая конкуренция. Герои оказываются совершенно не готовы (“unready”) к такой развязке. Лексический состав текста эпиграфа (“(proper) preparations”, “(necessary) precautions”, “guaranteed”) указывает на предположительную готовность к грядущим событиям. Решительное умозаключение, которое представляет собой эпиграф, является плодом фантазии автора и никак не прецедентным текстом. Если измененный исторический текст терминологически называют как «квазитекст», то рассматриваемый эпиграф можно, вероятно, назвать «псевдотекстом» — текстом, у которого описано авторство (в данном случае реальное историческое), но который никогда как текст не существовал.

Эпиграф, вероятно, несет функцию стилистической оценки по шкале «уверенность — неуверенность»: понятие «уверенность» или «решительность» тезаурально объединяет “proper”, “necessary”, “guarantee” и “success”, на которых построен текст. Примечательно, что один из вариантов эпитета-прозвища короля Этельреда на русском языке — «Нерешительный». Посыл эпиграфа полностью дезавуируется подписью: “...the Unready”. Юмористичности тексту добавляет и оксюморонный характер сочетания “Ethelred the Unready” — этимологически общий корень “raed” (др. англ.) словно удваивает ситуацию смятения и неуверенности, в которую попадают герои.

(6) “That’s entertainment!” — Vlad the Impaler.

Безобидное восклицание «Вот это развлечение!» вне контекста имеет принципиально положительную оценку. “Entertainment” состоит из понятий «веселье, радость, гостеприимство, радушие, угощение, отвлечение от обыденности и рутины». Оценочная функция такого слова — указание на концепты, к которым человек скорее желает стремиться, чем их избегать. Авторство псевдотекста приписывается реальному историческому персонажу, в русскоязычной традиции более известному как Влад III Цепеш. Однако источник псевдотекста следует искать в художественной литературе. “Vlad” — под-сказка читателю для интертекстуального поиска авторства “Dracula” из одноименного романа Брэма Стокера. Буквальный перевод “Impaler” — «сажатель на кол» — кардинально меняет семантическое наполнение понятия “entertainment”, превращая положительную оценочность в резко отрицательную. Более того, коннотации «веселья» и «радости» слова “entertainment” нельзя просто снабдить противоположным знаком и получить «невеселье — грусть» или «безрадостность», они приобретают значения «кошмар» и «ужас». Эпиграф предвосхищает события главы, в которой главный герой участвует в конкурсе и проходит испытания. То, что служит «развлечением» организаторам состязания, до ужаса пугает героя. Оценка событий главы находится на шкале «радостное — ужасное».

Следующий эпиграф иллюстрирует прецедентность как «контекст ... ценностей данной культуры» [Слышкин, 2000, с. 63], как явление, в основе которого стоит культурная и социопсихологическая значимость:

(7) “Numerical superiority is of no consequence. In battle, victory will go to the best tactician” — G. A. Custer.

Как феномен вне дискурса, приведенный эпиграф является расхожей максимой в военном деле. Вероятно, в каждой культуре есть свой военачальник, герой, которому принадлежит идея ведения боя «не числом, а умением». Поэтому сама идея не нова, и оценочный потенциал “numerical superiority” в контексте противопоставления “best tactician” имеет значение, скорее, чего-то постыдного, имплицитно высочайшую терпимость к боевым потерям и отсутствие тактических умений. В связке с авторством суть утверждения компрометируется. Джордж Армстронг Кастер, или “G. A. Custer” из эпиграфа, — известный исторический персонаж гражданской войны в США и войн с индейцами. Кастер — достаточно популярная в современной мировой (а не только американской) массовой культуре личность. Черты его характера, отмеченные в эпиграфе, послужили темой для аллюзий и воплощений в художественной литературе, кинематографе, музыке и компьютерных играх, что объясняется высокой социальной значимостью феномена Кастера в англоязычной культуре.

В качестве источника прецедентного текста выступает, вероятно, единственная крупная печатная работа Кастера “My Life on the Plains” — повествование о сражениях армии США с индейцами. Как обычно, Роберт Асприн не использует точную цитату — текста, соответствующего эпиграфу, в этой книге нет [Custer, 1874].

Можно предположить, что в “Myth Conceptions” создается отсылка на событие, произошедшее после публикации книги Кастера, а именно на битву при Литл-Бигхорне в 1876 году — последнюю битву Кастера. Причины, по которым можно сделать такое заключение, изложены в рассмотрении следующего эпиграфа (10). Результат этого допущения состоит в создании характерного для стиля Асприна модуса черного юмора: беллетризованный генерал Кастер выглядит бескомпромиссным и упертым человеком, готовым и после смерти отстаивать свою точку зрения, несмотря на ее явную ошибочность в контексте конкретной битвы.

Если бы прецедентный текст Кастера действительно существовал, то, вероятно, его смысл был бы диаметрально противоположен смыслу эпиграфа: тактическое мастерство Кастера не спасло его малочисленный отряд от уничтожения значительно превосходящими силами индейцев. Оба предложения эпиграфа же содержат идею необходимости наличия умений и анализа ситуации в бою: “numerical superiority (is unwise)”, “(being) best tactician (is wise)”. Осмысление дискурса с упоминанием автора создает впечатление, что критическому осмеянию подвергается честность Кастера, его неспособность к рефлексии,

полная субъективность и нереалистичность заявления. Вероятно, оценка в данном случае проходит по шкале «объективное — (смехотворно) необъективное мнение».

Доказательством истинности такого прочтения могут служить положения исторического подхода к анализу художественного текста. Д. С. Лихачев рассматривает текст как окно в прошлое, в биографию автора текста, историю создания произведения: «Создание произведения есть факт биографии автора, биография же автора — факт истории» [Лихачев, 1989, с. 22]. Текст эпитафии завуалированно отражает и поясняет обстоятельства гибели Кастера (то есть историко-биографические сведения), высмеивая его тактическое решение, недалекость и тщеславие. По теории Д. С. Лихачева, этот эпитаф — факт биографии Р. Асприна и в его тексте — оценка Дж. Кастера как полководца.

С эпитафом (7) переключается и состоит во внутритекстовой связи эпитаф (10):

(10) “One need not fear superior numbers if the opposing force has been properly scouted and appraised” — S. Bull.

«Сидящий Бык» (Sitting Bull) — вождь и духовный лидер одного из племен сиу. Ему приписывается пророческое видение разгрома индейцами солдат армии США непосредственно перед событиями при Литтл-Бигхорне. Именно у этой реки пересеклись биографии реальных исторических персонажей, обозначенных Р. Аспином как “S. Bull” (10) и “G. A. Custer” (7). В обоих эпитафах речь идет, видимо, об одном и том же событии, затрагиваются темы численного превосходства и тактического планирования. Как мы уже обратили внимание, текст эпитафа (7) при таком прочтении становится посмертным, что усиливает в нем эффект черного юмора. Юмористически выглядит и текст эпитафа Сидящего Быка: индейский вождь изображается неким военным мемуаристом, пишущим от первого лица. Истоки прецедентного текста, на котором построен эпитаф, следует искать, видимо, в мемуарах, подобных следующему: “The Sioux ... was in so deep you couldn't see 'em 'til you got there. Custer's scouts hadn't seen nor known of our bein' there” [Johnson, 1891]. Воспоминания очевидца событий кратко пересказывают общеизвестный факт: разведчики Кастера не обнаружили всех противостоящих им индейцев, Кастер принял поспешное решение, не желая упускать легкую, как ему казалось, добычу. В эпитафе это решение саркастически описывается как результат «должным образом проведенной разведки» (“properly scouted and appraised”). В десятой главе романа Асприна, из которой и взят эпитаф, главные герои заняты разведкой, в результате которой они принимают решение отступить, увидев многократно превосходящие силы противника. Иными словами, героями движет страх поражения, что в эпитафе предвосхищается призывом: “One need not fear...”. Юмористически описанный контраст декларируемого и фактических действий персонажей в повести Асприна содержит коннотируемую оценку по шкале «опасное (непрогнозируемое) — безопасное (исследованное, известное)».

Дополнительную выразительность оценке придает яркий образ: перед сражением у исторического Сидящего Быка было пророческое видение, мистическое откровение, в то время как его литературный alter ego опирается на более материальные и реалистические разведанные: “(opposing force should be) properly scouted”.

В некоторых случаях интертекстуальность не подразумевает глубокого проникновения в прецедентный текст. Претекст лишь позволяет активировать смыслы, важные для интерпретации текста. Язык повести Р. Асприна “Myth Conceptions” зачастую ориентирован на речевое восприятие, активное участие читателя в звуковой, а не только графической интерпретации, как, например, в эпитафе следующей главы:

(8) “Anything worth doing, is worth doing for a profit” — Teresias.

Здесь для понимания текста важное значение имеет игра слов, интонация, звуковая форма. Восьмая глава, эпитаф которой имеет авторство “Teresias”, написана в основном диалогом. Суть его — переговоры главных героев о более выгодных условиях трудового контракта. Язык переговоров гротескно комичен. Доводы в пользу повышения оплаты труда основаны не на логике, а на попытках переговорщиков сжульничать и поймать друг друга на слове. Без указания авторства эпитаф не особенно привлекает внимание читателя, хотя и соответствует общей идее текста. Во-первых, обращает на себя внимание стилизованная идеологема «если что и делать, то только ради выгоды», соответствующая пикарескному типу героев. Во-вторых, прослеживается аллюзия на расхожее присловье “whatever is worth doing at all, is worth doing well”, считающееся авторским, но приписываемое не Тересию. При этом оценка Ааза и Скива, главных героев произведения, неприглядна: выглядят они жуликоватыми, беспринципными и жадными. Однако появление мифологического греческого пророка Тересия (в орфографии Асприна — “Teresias”) и экспонирование претекста в ином свете, позволяет перечитать и услышать по-новому “for profit”, интерпретировать это сочетание как “for prophet” и переосмыслить весь претекст как фонологическую шутку.

Поскольку оценочность текста изменилась, новое прочтение убирает акцент со слова «выгода». Вероятно, текст стоит понимать так, что не выгоды одной искали Ааз со Скивом, не только лишь корысть приписывает героям автор. Поступки героев оцениваются теперь не «корыстными» и «бесчестными», а, скорее, «безобидными», «смешными». Если же внимательнее взглянуть на перипетии судьбы Тиресия, изощренные наказания богов, выпавшие ему, и провести параллели с незащищенностью Ааза и Скива перед силами, между которыми они оказались, то герои выглядят трогательными и ранимыми, а не жадными и расчетливыми. Таким образом, оценочная модальность, с которой читателю предлагают взглянуть на текст, соответствует шкале «милосердие, призрение — безжалостный расчет».

(11) “Should old acquaintance be forgot...” — Count of Monte Cristo.

Эта строка наиболее известна по песне на стихотворение Роберта Бернса “Auld Lang Syne”, ставшего важным межкультурным явлением, символом дружбы и всепрощения в англоязычном мире. Главные образы этой застольной песни — дружба, кружка, доброта. Перед нами редкий для Асприна случай использования не квазитекста, а точной неизменной цитаты, если учесть, что в распространенном английском варианте вместо “auld” используется “old”. Сослагательная форма “should ... be forgot” в исходном тексте Бернса создает картину печали и тоски по возможно утраченной дружбе, воспоминаниям о былом. Оценочное отношение к событию — тихая грусть по неотвратимому, радость того, что это неотвратимое еще не наступило. Однако, ставя автором строки графа де Монте-Кристо, Асприн полностью меняет ее смысл.

Все культурные и литературные ассоциации, связанные с именем графа Монте-Кристо, придают этому сослаганию совершенно иной смысл. Очевидно, что на первое место выдвигается идея безжалостной мести. Эмотивная оценка теплоты чувств трансформируется в столь же эмотивную оценку мщения Эдмона Дантеса. Таким образом, оценочный потенциал связки «эпиграф — авторство» добавляет в текст значение угрозы и опасности, что подтверждается текстом “Myth Conceptions”: в действие вступает героиня, знакомая читателю по первому тому серии “Myth Adventures”. Введение в сюжет «старой знакомой» объясняет смысл эпиграфа, а ее профессиональные навыки раскрывают аллюзию на героя Дюма: “Tanda's main calling, at least the only one mentionable in polite company, was Assassin.”

(13) “Hold the pickles, hold the lettuce” — Henry VIII.

Американскому читателю Асприна в 1980, году публикации “Myth Conceptions”, был хорошо знаком джингл сети ресторанов быстрого питания “Burger King”: “Hold the pickles, hold the lettuce, special orders don’t upset us”. Этот джингл, короткая рекламная песенка, в середине семидесятых продвигал идеологию “Burger King”: припевом и основным слоганом служила фраза “Have it your way!”. Текст эпиграфа превосхищает экспозицию главы. Действие происходит в кабачке, однако каменная гаргуля, обслуживающая клиентов, никак не похожа на улыбчивых официанток Бургер-Кинга, поэтому лозунг «Будь по-вашему!» (“Have it your way!”) здесь выглядит смешным и неуместным. Четкая оценочность в связке «эпиграф — авторство» в этом конкретном случае уступает игре словами “Burger King” vs “King Henry VIII”. Игра слов неочевидна, это, скорее, игра импликаций, так как читатель должен догадаться, что и текст джингла, и имя «Генрих» отсылают нас к понятию «король». Доминантная функция эпиграфа в этой главе подобна таковой же в примере (8) — фонографическое сходство “prophet / profit” служит созданию юмористического модуса. Однако в примере (8) один из элементов противопоставления (“profit”) формально указан в тексте, догадаться нужно лишь о наличии второго (“prophet”). В примере же (13) формально отсутствуют оба элемента, догадаться об общей словоформе “king” нужно, сопоставив референты семиотического треугольника, то есть проведя экстралингвистическое рассмотрение ситуации. Здесь следует отметить, что в ситуации, когда референт крепко связан с языковым знаком в исходном языке, но отсутствует в языке перевода (джингл Бургер-Кинга 70-х годов), перевод теряет свой коннотационный потенциал: «Держите соленья, держите салат» [Асприн, 2001, с. 264].

Функция стилистической оценки в эпиграфе (13) находится на шкале «свобода выбора — отсутствие выбора». Особенностью политики Бургер-Кинга в отношении клиентов была возможность для клиента варьировать состав и количество ингредиентов в заказе — отсюда и “Have it your way!” Слоган «Будь по-вашему!» в авторстве своевольного короля-реформатора Генриха VIII смешит читателя своей нереалистичностью.

(15) “I’ll worry about it tomorrow” — S. O’Hara.

Программная реплика Скарлетт О’Хары, главной героини «Унесенных ветром», оставлена почти без изменений. “I’ll think of it tomorrow/ I’ll think of it all tomorrow/ I’ll think about it tomorrow” — характерологические рефрены, неоднократно звучащие в романе. Это — стилистический повтор, ценность которого подтверждается сильной финальной позицией. Одним из таких повторов заканчивается книга:

“I’ll think of it tomorrow, at Tara. ... After all, tomorrow is another day.” В речи героини М. Митчелл “I’ll think” имеет смысл «я приложу умственные и душевные усилия; я слишком слаба сейчас, поэтому решение приму когда-нибудь потом». В этой ключевой фразе можно услышать капризную слабость южанки, стремление к безответственности и усталость от принятия решений; эмоции героини доминируют над разумом. Такая интерпретация текста, послужившего источником квазицитаты (15), проверяется контекстом, расположенным в непосредственной близости: “I’ll go crazy if I think about (it) now / I can’t stand it if I (think about it now) / I can stand it then (not now)” Скарлетт на грани нервного срыва, и решение «подумать завтра, но не сейчас» для нее — психоэмоциональное облегчение.

Аспринское “worry about it tomorrow” на первый взгляд выглядит попыткой нарочито небрежного воспроизведения оригинала. Более глубокое осмысление квазицитаты показывает, что общая стилистическая иррадиация текста не изображает главных героев (вполне способных постоять за себя мужчин) изнеженными и капризными существами. В “worry” звучит больше от сленгового и беззаботного «не париться, не брать в голову», чем от “think”, в котором заметно желание «сохранить спокойствие и разум». Оценка, вероятно, имеет более характерологическую природу и демонстрирует расчетливую беззаботность героев, оптимизацию затрат душевных сил: «сегодня я не планирую беспокоиться; волноваться и переживать примусь завтра». Псевдотекст переосмысливает исходный текст, оценивая бесстрашие персонажей перед нервными потрясениями, их высокий эмоциональный «болевым порог», толстокожесть.

(17) “Diplomacy is the delicate weapon of the civilized warrior” — Hun, A. T.

Текст псевдоцитаты содержит две группы слов с противопоставленными значениями: “diplomacy”, “delicate”, “civilized” с одной стороны и “weapon”, “warrior” с другой. Концепции первой группы — мир, переговоры, закон; вторая группа на первый взгляд служит для описания военного решения конфликтов. Однако “weapon” используется как метафора (“diplomacy is weapon”). К тому же эпитет “delicate” находится в явном противоречии с основными качествами настоящего, обычного оружия, превращая сочетание “delicate weapon” в оксюморон. Эпитет “civilized” у слова “warrior” также разрушает его предметную отнесенность, оставляя в значении слова лишь концепцию «защитник» и не выдвигая как важные концепции «активное применение оружия», «агрессия». “Diplomacy” и “civilized” создают концепт, скорее, мирного государственного деятеля, для которого конвенциональные виды оружия и средства ведения войны неприемлемы, а не императора-завоевателя. Аккумуляция всех этих единиц в одном смысловом поле обращает внимание на их письменную отнесенность, нежели принадлежность к устной речи, вследствие чего создается ощущение более высокого «штиля». Все это характеризует автора текста крайне положительно, «языковой паспорт» адресанта описывает его как интеллектуала, гуманиста, прогрессивного и миролюбивого государственного деятеля, не чуждого обычаю записывать свои мысли.

Однако, обратив внимание на авторство “Hunn, A. T.”, можно предположить, что в такой номенклатурно-энциклопедической форме Асприн указывает на предводителя гуннов Аттилу. Метафора Аттилы — жестокость и безжалостность, а не дипломатия, что явно противоречит описанному гуманистическому портрету. Текст цитаты превращается в фарс. Черным юмором окрашена стилистическая оценка событий главы, кратко изображенная в эпитафии — поведение героев оценивается по шкале «вежливое — агрессивное».

Как уже отмечалось, эпитафии, созданные Аспином, иллюстрируют такое качество прецедентного текста, как обширность «контекста ценностей культуры». У следующего, по-мильтоновски звучащего эпитафия, долгая история в англоязычной литературе, журналистике, публицистике и даже кинематографе XX века:

(19) “What if they gave a war and only one side came” — Lucifer.

В англоязычной культуре существует немало расхожих фраз, напоминающих эту. Вероятно, оригинальный претекст — строка из “The People, Yes” Карла Сэндберга: “Sometime they’ll give a war and nobody will come.” У Сэндберга звучит мечта о мирном будущем (“Sometime...”) и недопущении войны (“nobody”). Эта стихотворная строка инспирировала заголовок журнальной статьи [Keyes, 1966], которая стала межкультурным достоянием пацифистского движения. Провидческое “sometime” сменилось гипотетическим “suppose”, но смысл остался: войны не будет, если солдаты не придут.

Подлинный смысл цитаты генерируется указанием автора (Lucifer) и противоположен ортодоксальному восприятию цитируемого текста. Сослагание “suppose...” мало чем отличается от “what if...”. Однако указание на дьявола (Lucifer) в качестве адресанта трансформирует “if” в дьявольское искушение. «Что, если...» в новой итерации выглядит как предложение преступить заповедь, нарушить закон. Люцифер, таким образом, в псевдотексте выражает желание, чтобы объявили войну. А “nobody came”,

ставшая “only one side came”, демонстрирует желательный автору цитаты исход этой войны. Смысл квазицитаты теперь — стремление не к миру, а к победе.

Люцифер Асприна напоминает Аттилу-дипломата (17): гуманизм и доброта дьявола бесспорны, если он хочет, чтобы обошлось без столкновений, чтобы объявили войну и сразу же — победителя, чтобы просто настал новый порядок. Латеральное, парадоксальное прочтение расхожей фразы также может оценивать ее автора как жуликоватого типа: он хочет, чтобы все случилось без усилий с его стороны, просто по его воле и желанию: “what if...”.

Аспринское прочтение этого важного культурного лозунга, возможно, дало тому неожиданную новую жизнь. Синтаксическая структура фразы изменилась, “suppose” стало “what if”. Именно такую конструкцию можно наблюдать в броских заголовках американских журналов [Davidson, 1999 ; Knickerbocker, 2011]. Сэндберговская мечта “nobody came” сохранилась, однако превалирует аспринский искус — “What if...?” Такое прочтение и узнавание слогана подразумевает его установившуюся культурную ценность.

(22) “Hell hath no fury like a demon scorched” — С. Mather.

Эпиграф к этой главе состоит из нескольких образов, иллюстрирующих ее содержание. Один из двух главных героев — «демон», но не в христианском понимании этого слова, а в понимании фантастической вселенной произведения. “Demon” это “dimension (traveler)”, «путешественник по измерениям», мирам вселенной Асприна. В главе (22) «демон» подвергается сожжению на костре, что и продемонстрировано импликацией референта «огонь» (“scorched”). Второй главный герой шокирован, разъярен (“fury”) зрелищем казни друга и планирует месть, которую «и в аду не сыскать» (“hell has no...”). Дескриптивная функция текста, реализованная в этих образах, несет и оценочный характер, клеймя антагонистов как вероломных и жестоких людей.

Скрытое послание квазицитаты активизируется авторством эпиграфа, связывающим текст и реальные исторические события. Коттон Мэзер (Cotton Mather) — пуританский священник и памфлетист, активист «охоты на ведьм», описавший процесс в Салеме в 1692–1693 годах. В своих публикациях рассуждал о «невидимом мире», описывая его обитателей. Ирония состоит в том, что именно этим — описанием параллельного мира и его обитателей — занимается Р. Асприн, но как писатель-фантаст и юморист. Очевидно, сопоставление литературного творчества Асприна и Мэзера демонстрирует насмешливое отношение к последнему, представляя священника злым выдумщиком.

Наконец, сам текст цитаты представляет собой искаженное расхожее присловье “Hell hath no fury like a woman scorned”. Прецедентным текстом к этому выражению служит заключительная строка третьего акта пьесы У. Конгрива “The Mourning Bride”: “Heav’n has no rage like love to hatred turn’d, // Nor hell a fury like a woman scorn’d.” Фонетическое обыгрывание сходно звучащих форм “woman” / “demon” и “scorn’d” / “scorched” — стилиобразующая черта текста Асприна, как мы уже наблюдали. Это один из способов создания юмористической модальности, в которой написаны все повести серии “Myth Adventures”.

Можно заметить, что общий метод создания оценочного текста из связки «эпиграф — авторство» в рассматриваемом произведении — это контраст между широко известными сведениями об авторе эпиграфа и качествами, декларируемыми в эпиграфе:

(25) “Is everybody happy?” — Machiavelli.

Прилагательное “Machiavellian” в современном английском имеет не только значение отнесенности к итальянскому философу, но и нарицательное значение “a cunning, amoral, and opportunist person”, что мало коррелирует с понятием “happy”. Аналогично прилагательное “Poesque”, или “Poean” описывает не столько авторство Э. По, сколько кратко отображает суть жанровой литературы По: “mystery and macabre”. Эти эпитеты контрастируют с идеей текста эпитета (неизмененного в данном случае), для которого выбрано название комедии У. Шекспира:

(26) “All’s well that ends well” — Е. А. Пое.

К каким выводам можно прийти в результате проведенного исследования? Можно обратить внимание на некоторые статистические данные, которые не были целью настоящего исследования, но, тем не менее, накопились во время работы над двумя книгами Асприна и вполне могут стать предметом дальнейшего изучения. Эти данные относятся к литературоведению и культурологии, однако предмет изучения в этой статье — аспект функционирования интертекста, а это явление на стыке лингвистического и экстралингвистического. При соотношении авторов эпиграфов с их культурной принадлежностью нельзя не заметить американоцентричный и евроцентричный характер аллюзий. Автор эпиграфа должен легко и быстро опознаваться читателем Асприна. При декодировании интертекста полезно знать

тонкости биографии упоминаемого персонажа, но для предвосхищения событий каждой главы достаточно поверхностного ознакомления с основными широко известными (для носителя языка и культуры) данными об объекте аллюзии. А значит, объекты эти должны быть частью общего образования, культурного фона или ежедневного обихода читателя. В двух первых книгах “Myth Adventures” — 52 эпиграфа. Половина авторств эпиграфов относят нас к феноменам культуры США. Это указывает на то, что даже юмористическое фэнтези, в жанре которого работал Асприн, может быть национальной литературой не только по языку, но и по духу.

Непосредственный предмет исследования в этой статье — оценочная функция квазицитат. Понимая под «функцией» ее прямое математическое толкование, то есть зависимость величины одной переменной от другой, можно обобщить накопленные данные следующим образом. В повести “Myth Conceptions” Роберт Асприн использует эпиграфы для создания эффекта предвосхищения событий каждой главы. Эти эпиграфы — «зависимые переменные». Помимо предвосхищения событий, эпиграф позволяет автору дать ироничную оценку главным героям, их антагонистам, элементам экспозиции, характеру конфликта. Ирония создается контрастом между эксплицируемым в тексте эпиграфа и модальностью, которая имплицитно указывается к каждому эпиграфу неожиданным и нетривиальным авторством. Авторство становится «величиной», от которой зависит функция.

Обнаруженные функции соответствуют, но не ограничиваются дихотомией «положительное — отрицательное». Антитеза, на которой построена каждая пара «эпиграф — авторство», подсказывает читателю, что ко всем событиям можно отнестись по-разному — с юмором или без. Языком культурологической загадки автор оценивает события как захватывающие или скучные, приличные или фривольные, радостные или ужасные, опасно непрогнозируемые или исследованные, объективные или ложные; герои при помощи этих эпиграфов могут быть охарактеризованы и оценены как уверенные или неуверенные в себе, безответственные или подготовленные, милосердные или безжалостные, рассудительные или снедаемые эмоциями; вопросы, которые их беспокоят, — это свобода выбора или судьба, толстокожесть, безразличие или снисхождение, вежливое или агрессивное отношение, жуликоватость или честность. Все эти общечеловеческие качества и проблемы выглядят как кульминации конфликтов средневековых европейских баллад, в духе которых созданы стилизованные под средневековые повести “Myth Adventures”.

Список источников

1. Асприн Р. Еще один великолепный МИФ; МИФОтолкования; МИФОуказания : романы / пер. с англ. О. Колесникова. — М. : АСТ, 2001. — 544 с.
2. Лихачев Д. С. О филологии. — М. : Высшая школа, 1989. — 208 с.
3. Лобанов С. В. Жанровые особенности апеллятивной функции интертекста (на материале эпиграфа в серии романов Р. Асприна “MythAdventures”) // Иностранные языки в высшей школе. — 2019. — № 1 (48). — С. 25–33.
4. Морева А. В. О некоторых стилистических функциях англо-американизмов в немецкоязычном художественном тексте // Филологические науки. — 2014. — № 4 (34) : в 3 ч. — Ч. I. — С. 137–140.
5. Слышкин Г. Г. Прецедентный текст: структура концепта и способы апелляции к нему // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. — Саратов, 2000. — С. 62–68.
6. Asprin R. Myth Conceptions. — Ace Fantasy Books, 1985. — 217 p.
7. Collins English Dictionary. — HarperCollins Publishers. — 8th ed., first publ. in 2006.
8. Custer G. A. My life on the plains or, personal experiences with Indians. N. Y., Sheldon and Company, 1874. — URL : <https://www.gutenberg.org/cache/epub/73498/pg73498-images.html> (дата обращения: 27.12.2024).
9. Davidson A. J. What if You Took Viagra and Nobody Came? // Mother Jones magazine. — 1999, Jan.–Feb. — URL : <https://www.motherjones.com/politics/1999/01/what-if-you-took-viagra-and-nobody-came> (дата обращения: 25.12.2024).
10. Johnson, W. Fletcher. Life of Sitting Bull and History of the Indian War of 1890–’91. — Edgewood Publ. Comp. — 1891. — URL : https://archive.org/stream/bp_203835/bp_203835_djvu.txt (дата обращения: 28.12.24).
11. Keyes Ch. E. Suppose They Gave a War and No One Came // McCall’s magazine. — 1966, Oct. — URL : <https://www.genekeyes.com/CHET/Chet-1.html#Suppose> (дата обращения: 26.12.2024).
12. Knickerbocker B. What if they gave a debate and nobody came? // The Christian Science Monitor. — 2011, Dec. 09. — URL : <https://www.csmonitor.com/USA/Politics/The-Vote/2011/1209/Donald-Trump-to-moderate-GOP-debate.-But-what-if-nobody-shows-up> (дата обращения: 26.12.2024).

References

1. Asprin R. *Yescho odin velikolepnyj MYF; MYFotolkovaniya; MYFoukazaniya : romany* [Another Fine Myth; Myth Conceptions; Myth Directions] Transl. by O. Kolesnikov. Moscow, AST Publ., 2001, 544 p. (In Russian).
2. Likhachev D. S. *O filologii* [On Philology]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1989, 208 p. (In Russian).
3. Lobanov S. V. The Appellative Function of the Intertextual Elements as a Peculiarity of the Genre (Reading the Epigraph in R. Asprin's "MythAdventures"). *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2019, iss. 1 (48), pp. 25–33. (In Russian).
4. Moreva A. V. O nekotorykh stylisticheskikh funktsiyakh anglo-amerikanismov v nemetskoyazychnom khudozhestvennom tekste [On Some Stylistic Functions of Anglo-Americanisms in German Fiction]. *Filologicheskiye nauki* [Philological Sciences]. 2014. no. 4 (34) : in 3 parts. Part I, pp. 137–140. (In Russian).
5. Slyshkin G. G. Precedent Text: the Structure of the Concept and the Ways to Appeal to it. *Problemy rechevoy kommunikatsii: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Problems of Speech Communication. Intersarsity Collected Works]. Saratov, 2000, pp. 62–68. (In Russian).
6. Asprin R. *Myth Conceptions*. Ace Fantasy Books, 1985, 217 p.
7. *Collins English Dictionary*. HarperCollins Publishers. 8th ed., first publ. in 2006.
8. Custer G. A. *My life on the plains or, personal experiences with Indians*. N. Y., Sheldon and Company, 1874. Available at: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/73498/pg73498-images.html> (accessed 27.12.2024).
9. Davidson A. J. What if You Took Viagra and Nobody Came? *Mother Jones magazine*. 1999, Jan.–Feb. Available at: <https://www.motherjones.com/politics/1999/01/what-if-you-took-viagra-and-nobody-came> (accessed 25.12.2024).
10. Johnson W. Fletcher. *Life of Sitting Bull and History of the Indian War of 1890–'91*. 1891, Edgewood Publ. Comp. Available at: https://archive.org/stream/bp_203835/bp_203835_djvu.txt (accessed 28.12.2024).
11. Keyes Ch. E. Suppose They Gave a War and No One Came. *McCall's magazine*. 1966, October. Available at: <https://www.genekeyes.com/CHET/Chet-1.html#Suppose> (accessed 26.12.2024).
12. Knickerbocker B. What if they gave a debate and nobody came? *The Christian Science Monitor*. 2011, Dec. 09. Available at: <https://www.csmonitor.com/USA/Politics/The-Vote/2011/1209/Donald-Trump-to-moderate-GOP-debate.-But-what-if-nobody-shows-up> (accessed 26.12.2024).

Информация об авторе

Лобанов Сергей Владимирович — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков института истории, философии и политических наук Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

Information about the author

Lobanov, Sergey V. — candidate of philology, associate professor, chair of Foreign Languages, Institute of History, Philosophy and Political Sciences, Ryazan State University named for S. A. Yesenin.

*Статья поступила в редакцию 03.01.2025;
одобрена после рецензирования 09.01.2025;
принята к публикации 14.01.2025.*

*Submitted 03.01.2025;
approved after reviewing 09.01.2025;
accepted for publication 14.01.2025.*

Иностранные языки в высшей школе. 2025. № 1 (72). С. 29–38.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2025;1(72):29–38.

Научная статья
УДК 81'42
DOI: 10.37724/RSU.2025.72.1.004

Принципы разграничения и особенности функционирования интертекстуальных маркеров в детективных рассказах (на материале рассказов Э. К. Бентли и Г. К. Честертон)

Мария Кирилловна Оводова

Московский государственный лингвистический университет
ovodova.mary@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена феномену интертекстуальности, который исследуется на материале семи детективных рассказов Э. К. Бентли и Г. К. Честертон. В фокусе нашего внимания находится взаимодействие библейских аллюзий с библейскими прецедентными выражениями и именами, а также их декодирование в детективном дискурсе. Изучаемая проблема заключается в сложности разграничения этих двух классов интертекстуальных маркеров, поскольку прецедентные выражения и имена имеют аллюзивную природу. В нашем исследовании осуществлена попытка выделить критерии, по которым становится возможным разграничить два класса маркеров: 1) объем охвата плана выражения и плана содержания; 2) сложность декодирования; 3) характер взаимодействия с библейским сюжетом в детективном дискурсе (модификация или усиление); 4) механизмы отсылки. В анализируемых рассказах были выявлены сложно-декодируемые библейские аллюзии, охватывающие и план выражения, и план содержания текста (8 примеров), модифицированные библейские прецедентные выражения (4 примера), а также одно библейское прецедентное имя. Все выявленные интертекстуальные маркеры, выраженные в имплицитной или эксплицитной форме, в большей или меньшей степени указывают на связь Библии и детектива. Основываясь на результатах исследования детективных рассказов, мы можем сделать вывод о том, что библейские аллюзии и библейские прецедентные выражения и имена, с одной стороны, могут укрепить связь с библейским сюжетом, охватывая план содержания текста; с другой стороны, они модифицируют сюжет, акцентируя внимание читателя на определенных деталях в тексте, проявляясь в плане выражения.

Ключевые слова: аллюзия, тематическая интертекстуальность, материальная интертекстуальность, прецедентные выражения, прецедентные имена, Библия, детективный дискурс, интертекстуальные маркеры.

Для цитирования: Оводова М. К. Принципы разграничения и особенности функционирования интертекстуальных маркеров в детективных рассказах (на материале рассказов Э. К. Бентли и Г. К. Честертон) // Иностранные языки в высшей школе. 2025. № 1 (72). С. 29–38. DOI: 10.37724/RSU.2025.72.1.004.

Original article

Principles of differentiation and features of functioning of intertextual markers in the detective stories (based on the stories by E. K. Bentley and G. K. Chesterton)

Maria K. Ovodova

Moscow State Linguistic University
ovodova.mary@yandex.ru

Abstract. The paper deals with the phenomenon of intertextuality, which is studied on the material of 7 detective stories by E. K. Bentley and G. K. Chesterton. The research focuses on the interaction of biblical allusions and biblical precedent expressions and names, and their decoding in the detective discourse. The problem resides in the differentiation of the two classes of intertextual markers, as precedent expressions and names also have allusive nature. In the present paper we have attempted to develop a set of the criteria with which it becomes possible to differentiate both classes of intertextual markers: 1) coverage scope of the plane of content and the plane of expression; 2) difficulty in decoding; 3) the nature of interaction with the biblical plot in the detective discourse (either modification or enhancing the biblical plot); 4) mechanisms of reference. In the detective stories under analysis, we have found biblical allusions that are difficult to decode, they cover both the plane of content and the plane of expression (8 instances). We have identified modified biblical precedent expressions (4 examples) as well as one biblical precedent name. All identified markers, revealed either explicitly or implicitly, point to a greater or lesser extent to the connection of the Bible with the detective text. Based on the results of the analysis of the stories we can assume that, on the one hand, biblical allusions and biblical precedent expressions and names can enhance the connection with the Biblical plot through the covering of

the plane of content. On the other hand, they modify the plot, making emphasis on the specific details in the text of the detective by revealing themselves in the plane of expression.

Keywords: allusion, thematical intertextuality, material intertextuality, precedent expressions, precedent names, the Bible, detective discourse, intertextual markers.

For citation: Ovodova M. K. Principles of differentiation and features of functioning of intertextual markers in the detective stories (based on the stories by E.K. Bentley and G.K. Chesterton). *Inostrannyye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2025, 1(72); (In Russ.) Pp. 29–38. DOI: 10.37724/RSU.2025.72.1.004.

Введение

В современной лингвистике активно изучаются языковые феномены, относящиеся к интердискурсивности и интертекстуальности. Исследования интертекстуальности, в частности, проводятся с различных точек зрения, например, общие положения о диалогичности слова в целом и полифоническом диалоге субъектов [Бахтин, 1963], положения о присутствии одного текста в другом через аллюзии, цитаты, плагиат, пародии, коллажи т. д. Таким образом, любое произведение может носить интертекстовый характер [Пьеге-Гро, 2019]. Классические и современные исследования фокусируются на изучении данного феномена в когнитивном и лингвокультурологическом аспекте, где текст представляет собой двуплановую структуру, а интертекстуальность выступает в качестве трансляции культурных кодов, или как средство лингвокреативности (см. подробнее [Бахтин, 1963 ; Кристева, 2004 ; Genette, 1997 ; Пьеге-Гро, 2019 ; Фатеева, 2000 ; Зыкова, 2021а, 2021б ; Олизько, 2009 ; Москвин, 2021]).

В связи с тем, что интертекстуальность проявляется в тексте при помощи множества различных маркеров, как на уровне плана выражения, так и на уровне плана содержания текста, встает вопрос об их (т. е. маркерах) разграничении. В качестве маркеров интертекстуальности в детективном произведении выступают библейские прецедентные феномены и библейские аллюзии.

Целью нашего исследования является установление особенностей функционирования указанных маркеров, а именно библейских аллюзий и библейских прецедентных феноменов в детективных рассказах начала и середины XX века. Под интертекстуальными маркерами мы понимаем различные способы апеллирования к ранее созданным текстам: цитаты, аллюзии, прецедентные феномены. Нами предпринимается попытка не только выявить в рассказах аллюзии и прецедентные феномены, но и разработать критерии их разграничения, а также определить особенности их идентификации и функционирования в одном и том же тексте. Оба класса маркеров могут проявляться как в плане выражения, то есть быть маркерами материальной интертекстуальности (термин В. П. Москвина), так и в плане содержания текста (маркеры тематической интертекстуальности (термин В. П. Москвина), являясь близкими друг другу языковыми феноменами.

Основная часть

Ключевые понятия и методика исследования

Аллюзия, или словесный намек, изучается с различных позиций. С точки зрения традиционного подхода, аллюзия представляет собой стилистическую фигуру, которая ассоциативно отсылает к общеизвестному факту или литературному произведению. Например, М. И. Киосе определяет аллюзию как «социально обусловленный стилистический прием и одновременно средство его создания». Составляют аллюзию сложные системы грамматических, лексических и прагматических компонентов [Киосе, 2002, с. 6].

Также мы находим определения, указывающие на то, что аллюзия является элементом интертекстуальности. Такого взгляда придерживается, например, Н. А. Фатеева, которая рассматривает данное языковое явление как элемент, заимствованный из претекста [Фатеева, 2000]. В. П. Москвин подчеркивает, что аллюзия отсылает к некоторой части прецедентного текста, при этом имея различную форму, от слова до его фонетического или орфографического варианта. Важно отметить, что для аллюзии может быть характерна сложно распознаваемая форма, которая не отражает позиционных или структурных особенностей исходного текста [Москвин, 2021]. Отличительной чертой аллюзии можно назвать и ее способность единовременной активации двух текстов. С одной стороны, это прием формирования интертекстуальной связи, с другой — маркер, принадлежащий другому тексту [Hebel, 1991].

Н. А. Фатеева делит аллюзии на атрибутированные, то есть отсылающие к претексту с большей степенью эксплицитности, и неатрибутированные, иными словами, сложно-декодируемые аллюзии. Вслед за Н. А. Фатеевой мы будем анализировать эти два типа аллюзии на материале детективных рассказов. С опорой на подход В. П. Москвина мы будем рассматривать, как аллюзии проявляются в элементах

плана выражения текста, в терминологии В. П. Москвина «материальная интертекстуальность» (например, буква, слово, контекстуальный синоним), и в элементах плана содержания текста, «тематическая интертекстуальность», (мотив, сюжет, а также отсылка к прецедентной ситуации, образ). В этом случае аллюзия выражена имплицитно, и читателю требуется усилие, чтобы ее распознать.

Помимо аллюзий в качестве маркеров интертекстуальности принято рассматривать и прецедентные высказывания, и прецедентные имена. Согласно исследованиям В. В. Красных и Д. Б. Гудкова, прецедентные высказывания и имена являются вербальными феноменами, за которыми стоят прецедентные тексты или ситуации, хранящиеся в когнитивной базе носителей лингвокультуры в виде инвариантов. Прецедентные высказывания и имена, как лингвистически выраженные прецедентные феномены, делают отсылку к этому инварианту восприятия прецедентного текста или ситуации. «За прецедентными высказываниями всегда стоит комплекс когнитивных структур (содержательная форма кодирования и хранения информации), феноменологических (знания об экстралингвистических феноменах) и лингвистических (знания о законах языка)» [Красных, 2002: 107] Прецедентные высказывания и имена имеют устойчивую связь с источником (текстом или ситуацией), и неоднократно воспроизводятся в речи, имея динамичный характер воспроизведения, т. е. феномены подвержены определенной степени модификации [Красных, 2002].

Итак, опираясь на работы В. П. Москвина, Н. А. Фатеевой, Х. Ф. Плетта и некоторых других исследователей по интертекстуальности и научные труды В. В. Красных, Д. Б. Гудкова, Е. В. Бобыревой и В. И. Карасика по прецедентности, мы предприняли попытку выделить и обосновать критерии разграничения библейских аллюзий, с одной стороны, и библейских прецедентных высказываний и имен, с другой. Мы можем представить выделенные в нашей работе критерии в виде таблицы (см. табл. 1):

Таблица 1

Критерии разграничения аллюзии и прецедентных выражений и имен

Критерий	Аллюзии	Прецедентные выражения, имена
Объем охвата плана выражения и плана содержания	План выражения и план содержания	План выражения
Степень сложности декодирования	Сложно-декодируема. Может быть выражена имплицитно через слог, звук, букву.	Выражены более эксплицитно, легче декодируемы
Характер взаимодействия с библейским сюжетом	Усиление или модификация сюжета	Усиление мотива, усложняющего сюжет
Механизмы отсылки к тексту-источнику	Ассоциативный механизм	Лингвистические когнитивные структуры

В настоящем исследовании для анализа детективных рассказов были применены следующие методы: лексико-стилистический анализ и когнитивно-дискурсивный анализ. Материалом исследования послужили рассказы Г. К. Честертона и Э. К. Бентли, основоположников жанра классического детектива, которые закладывали в свои произведения принципы христианского вероучения и ценностей. Г. К. Честертон часто писал свои рассказы в виде притчи, делая в них отсылки к христианству и отстаивая ценность семьи и веры, так как он сам являлся теологом и философом. В рассказах Э. К. Бентли отсылка к библейским текстам и христианским ценностям выражена более имплицитно.

Для определения имплицитной или эксплицитной отсылки к библейскому тексту мы использовали поэтапный алгоритм анализа.

На первом этапе выделяется фрагмент, содержащий любую отсылку (имплицитную или эксплицитную) к Библии.

На втором этапе в выбранном фрагменте выделяется конкретная фраза, словосочетание, слово или имя, непосредственно указывающее на связь с библейским текстом.

На третьем этапе определяется степень эксплицитности и имплицитности отсылки, уровень сложности декодирования.

На последнем этапе, после определения языковой единицы как аллюзии или прецедентного феномена соответственно выведенным критериям, рассматривается характер воздействия на библейский сюжет или мотив в детективном тексте. При этом стоит отметить, что отсылка делается к Библейскому

тексту, поскольку в классическом детективе изначально делается акцент на христианскую мораль. Более того, в английской культуре начала XX столетия источником образов, сюжетов были архетипичные образы и сюжеты из Библии.

Представим подробнее результаты исследования.

Результаты исследования

В анализируемых рассказах в большем количестве представлены библейские аллюзии, в качестве маркеров тематической и материальной интертекстуальности. Нам представляется целесообразным сначала привести несколько иллюстративных примеров сложно-декодируемых библейских аллюзий (далее БА), затем перейти к описанию библейских прецедентных выражений и имен (далее БПВ и БПИ соответственно), которые в тексте детектива могут быть представлены в модифицированной форме.

Ярким примером БА как маркера тематической интертекстуальности, выраженной на уровне плана содержания текста, является рассказ Э. К. Бенгли *The Vanishing Lawyer*.

(1) “I don’t. I want to know about something quite different. The question is whether a man can **disguise his complexion** in such a way that it will **look natural** by daylight and not be detected at all.”

Eunice reached to a row of small bottles on a shelf by the mirror. ‘You could do it with this **wash**,’ she said. ‘It will change that light gingerbread colour of yours to an interesting paleness, and if you renew it two or three times a day it will look all right to anyone who doesn’t know you. **But with anyone who does, it would be very hard to change your complexion so that he couldn’t tell it was faked.** And now will you tell me why you should be thinking of trying to look like a turnip?’ ...

‘If that’s his type,’ Eunice said, ‘you can get lotions which claim to give you a healthy tan that you haven’t deserved. **But it never looks as good as the real thing, and, like the other, it wouldn’t deceive his friends. The only convincing way for a pale man to get brown is nature’s way.**’ ...

‘Oh yes; Sims told me that. But on those occasions, you see, Gayles was wearing **a sham bald head**, such as you’ve often seen on the stage. Now and then, when he meant to be caught that way, he would wear **his bald pate, and the wig over that**. He was seen so only for a moment, with **the light behind him, and the effect was quite convincing**. All the same, it was just that that gave me my first idea about the **whole fraud**. He was always **seen by people** whose duty it was to come into his room **at that precise moment**. You know that he insisted on the strictest punctuality. When I realized that he would naturally be most careful to have his **wig** in place at those times, the great idea began to dawn on me. At last I saw that he had planned to disappear by shedding **a few things that were not genuine, and giving himself an entirely new appearance** that anyone could see was **genuine**. Quite a good notion, I thought” [*The Vanishing Lawyer*].

Процитированный отрывок позволяет создать образ человека, который, изменив свою внешность, пытался скрыть от закона кражу. Выделенные языковые единицы *disguise his complexion; look natural; it would be very hard to change your complexion so that he couldn’t tell it was faked; But it never looks as good as the real thing ... it wouldn’t deceive his friends...; a sham bald head; the effect was quite convincing; whole fraud* позволяют проследить имплицитную аллюзию на библейского персонажа Иакова, который, переодевшись, обманным путем добился, а фактически украл благословение отца, которое принадлежало первенцу. Сравним отрывки:

“And Jacob said to Rebekah his mother, Behold, Esau my brother is a hairy man, and I am a smooth man: My father peradventure will feel me, and I shall seem to him as **a deceiver**; and I shall bring a curse upon me, and not a blessing... And Rebekah took **goodly raiment** of her eldest son Esau, which were with her in the house, and **put them upon Jacob** her younger son: **And she put the skins of the kids of the goats upon his hands, and upon the smooth of his neck**: And she gave the savoury meat and the bread, which she had prepared, into the hand of her son Jacob. And he came unto his father, and said, My father: and he said, Here am I; who art thou, my son? And Jacob said unto his father, I am Esau thy firstborn; I have done according as thou badest me: arise, I pray thee, sit and eat of my venison, that thy soul may bless me. ... And Jacob went near unto Isaac his father; and he felt him, and said, **The voice is Jacob’s voice, but the hands are the hands of Esau...** for he hath **supplanted** me these two times...” [Gen 27:11–12; 15–19; 22; 36].

В данном фрагменте выделенные языковые единицы также указывают на значительную перемену внешности. Хотя для тех, кто физически видел Иакова на тот момент, обман был очевиден, для ослепшего Исаака, отца, сын был практически вне подозрений.

В детективном рассказе делается акцент на волосах адвоката (*wig, never looked like his own hair, he could have lost his hair*), изменении цвета кожи (*pale face; disguise his complexion*) и на использовании тонированных очков (*tinted glasses*), что позволяет предположить тематическую параллель с образом

Иакова — изменение волосяного покрова (*the skins of the kids of the goats*) и одежды (*goodly raiment*). Соответственно, мы можем обнаружить латентную параллель между языковыми единицами:

– *The only convincing way for a pale man to get brown is nature's way vs Esau my brother is a hairy man, and I am a smooth man;*

– *it would be very hard to change your complexion so that he couldn't tell it was faked vs And she put the skins of the kids of the goats upon his hands;*

– *But it never looks as good as the real thing ... it wouldn't deceive his friends... the effect was quite convincing vs The voice is Jacob's voice, but the hands are the hands of Esau;*

– *whole fraud vs a deceiver, supplanted.*

Еще одной имплицитной аллюзией является схожесть характеров главных героев историй, что проявляется в контекстуальной синонимичности следующих языковых единиц: *so much for being a very reserved character vs Jacob was a plain man.*

Сложно-декодируемой аллюзией как маркера материальной интертекстуальности, имплицитно подтверждающей отсылку к библейскому сюжету, является срок наказания адвоката в рассказе и годы службы Иакова у Лавана за двух дочерей. (2) Two months later John Charlton Gayles... was sentenced to **fourteen years'** penal servitude. В Библии: ... I served thee **fourteen years** for thy two daughters... [Gen 31:41].

Приведенные фрагменты являются неатрибутированной, имплицитной аллюзией на библейский сюжет, который в детективном рассказе сильно модифицирован. Акцент делается на мошенничестве (detective — **fraud** vs biblical — **supplant**), на мотиве обмана и кражи и перемене внешности (тематическая интертекстуальность). Адвокат, проигравшись в азартные игры, сначала заставляет окружающих привыкнуть к своей странной внешности, окружая себя таинственностью, давая возможность взглянуть на себя только в определенное время и в определенном освящении, а затем скрывается, на этот раз без применения маскировки.

Примером аллюзии, охватывающей уровень плана выражения и плана содержания текста, может служить рассказ Г. К. Честертонa *The Paradise of Thieves*, в котором модифицируется следующий библейский сюжет: Аврааму и Лоту после ссоры пастухов приходится идти разными дорогами. Лот выбрал плодородные земли Иорданской долины, Авраам — земли Ханаана.

В рассказе герои попадают в цветущее место среди гористой и довольно пустынной местности. Приведенное описание обрисовывает райское место: (3) And yet however **high** they went, the desert still **blossomed like the rose. The fields were burnished in sun** and wind with **the colour of kingfisher and parrot and humming-bird; the hues of a hundred flowering flowers.** There are no lovelier meadows and woodlands than the English; no nobler crests or chasms than those of **Snowdon and Glencoe.**

Выделенные слова и фразы имплицитно указывают на краткое, но достаточное для представления описание земель Содомы и Гоморры: And Lot **lifted up** his eyes, and beheld all the plain of Jordan, that it was well watered every where, before the LORD destroyed Sodom and Gomorrah, even as the garden of the LORD, like the land of Egypt, as thou comest unto Zoar [Gen 13:10].

Территория Содомы и Гоморры до их истребления была одной из самых процветающих и плодородных [см. подробнее Walton, 2000], что подтверждается ярким сравнением *as the garden of the LORD, like the land of Egypt.*

В приведенном фрагменте детективного рассказа сначала описывается цветущий сад с красочными полями и удивительными цветами, затем следует описание английских лугов, после чего автор обращается к вершинам Сноудона и Гленко. Это повторяет градуальную последовательность перечислений библейского текста: *garden of the Lord — blossomed like the rose The fields were burnished in sun and wind with the colour of kingfisher and parrot and humming-bird* (небесные красоты), *Egypt — English* (лучшие территории земли), *Zoar* (территория Иорданской долины до Сигора, в которую входили Содом и Гоморра) *Sodom and Gomorrah — Snowdon and Glencoe.* Выделенные нами графемы подтверждают аллюзию, в данном случае как маркера материальной интертекстуальности, на библейский текст. Более того, слова отца Брауна: *a thing can be violent and yet fruitful*, усиливают этот эффект сходства, если считать прилагательные *wicked* и *violent* контекстуальными синонимами. Сравним с исходным текстом: ...the men of Sodom were **wicked** and sinners before the LORD exceedingly ... [Gen 13:13].

Еще одним подтверждением библейского сюжета служит отрывок беседы двух друзей. Два близких друга разговаривают после борьбы с представителями закона, в ходе которой выясняются детали произошедшего спектакля. Один из них, поэт, выбирает семейную жизнь с дочерью разорившегося банкира, другой, оказавшийся актером и любителем приключений, — жизнь в «цивилизованных обществах». Рассмотрим отрывок:

(4) “And where are you going next?” he asked him over his shoulder.

“Birmingham,” answered the actor, puffing a cigarette. “Didn't I tell you I was a Futurist? I really do believe in those things if I believe in anything. Change, bustle and new things every morning. I am going to Manchester, Liverpool, Leeds, Hull, Huddersfield, Glasgow, Chicago — in short, to enlightened, energetic, **civilised society!**”

“In short,” said Muscari, “to **the real Paradise of Thieves.**”

Находясь в параллельных конструкциях, словосочетание *civilised society* эксплицитно соответствует фразе *the real Paradise of Thieves*. Исходя из приведенного выше анализа, это процветающее общество с грешными и жестокими людьми, что подтверждает аллюзию к библейскому сюжету.

Еще одной иллюстрацией аллюзии, проявляющейся на уровнях плана выражения и плана содержания текста, может послужить рассказ *The Sweet Shot*, написанный Э. К. Бентли. Капитан Ройден убивает мужа своей сестры, так как узнает, что последняя терпит побои и унижения. Согласно проведенному исследованию в основу рассказа *The Sweet Shot* положен сюжет из Библии, повествующий о совершенном насилии над дочерью Иакова, Диной, сыном хананейского князя. Узнав об этом, несмотря на желание хананейнина честно жениться на девушке, старшие братья убили всех мужчин города, в том числе князя и его сына.

Рассмотрим Библейский текст более подробно:

And when Shechem the son of Hamor the Hivite, prince of the country, saw her (Dinah) **he took her**, and lay with her, and **defiled her**... And it came to pass on the third day, when they were sore, that two of the sons of Jacob, Simeon and Levi, **Dinah's brethren**, took each man his sword, and came upon the city boldly, and slew all the males. And they slew Hamor and Shechem his son with the edge of the sword, and **took Dinah out of Shechem's house**, and went out... [Gen 34:1–2, 25–26].

(5) ‘However, I didn't worry much about it, for one. Edith — Mrs Freer, that is: **Royden's sister** — must have **had a terrible life of it with a man** like that ... Since she's been **living with her brother** she has been looking far better and happier than she ever succeeded in doing while Freer was alive.’

Из приведенных отрывков мы видим, что эксплицитно выраженных элементов интертекстуальности не наблюдается, но тематическая интертекстуальность проявляется в пересечении сюжетной схемы: оскорбление сестры → подготовка к совершению мести → реализация мести.

Аллюзию на библейский сюжет подтверждает анализ речи тех людей, которые решили совершить самосуд. Рассмотрим отрывки из детектива и Библии более подробно:

“And the sons of Jacob came out of the field when they heard it: and the men **were grieved**, and they **were very wrath**, because **he had wrought folly** in Israel in lying with Jacob's daughter; which **thing ought not to be done**... Simeon and Levi, Dinah's brethren, took each man his sword, and came upon the city boldly, and slew all the males... And they said, **Should** he deal with our sister as with an harlot?” [Gen 34:7, 25, 31]

(6) Suppose that somebody whom he was much attached to was in the power of a **foul-tempered, bullying brute**; and suppose he found that the **bullying** had gone to the length of **physical violence**; and suppose that the situation was hell by day and by night to this man of yours; and suppose there was **no way on earth of putting an end** to it except **the way he took**.

В тексте-источнике мы находим модальные глаголы *ought not to*, *should*, которые используются для усиления эмоционального состояния братьев Симеона и Левия. В детективном рассказе этот эффект достигается при помощи таких идиоматических выражений, как *no way on earth*, *putting an end to*, что придает больше образности персонажу детектива, капитану Ройдену. Важно отметить, что в обоих случаях оскорбление сестре наносится физически: *because he had wrought folly... in lying with vs bullying, physical violence*. В детективном рассказе, как и в библейском сюжете, брат, совершивший самосуд, не считает себя виновным. Это выражено при помощи косвенного вопроса, а также языковой единицы с очень негативной коннотацией *harlot*, которые используются для оправдания действий братьев: *Should he deal with our sister as with an harlot?* В детективном рассказе такой эффект самооправдания передается с помощью сослагательного наклонения, а также наречия *except: and suppose there was no way on earth of putting an end to it except the way he took*.

Как маркер материальной интертекстуальности едва уловимая аллюзия на библейский образ обнаруживается в повторении фонемы *di* в именах *Dinah* — *Edith*, что позволяет провести ассоциацию между этими двумя персонажами.

Как мы видим, ярко выраженных отсылок к тексту-источнику нет, но проанализированные отрывки позволяют говорить о сложно-декодируемой, имплицитной аллюзии как маркера тематической интертекстуальности на библейский сюжет о Дине и братьях.

Аллюзию как маркер материальной интертекстуальности на книгу Екклесиаста мы находим в следующем высказывании детективного текста:

(7) ‘You bear your **sorrow** like a man,’ Trent remarked; and Royden **laughed**...

Сравним с Библейским текстом: **Sorrow** is better than **laughter**... [Екк 7:3]

Эта неатрибутированная аллюзия порождает новый смысл в контексте рассказа, и читатель его считывает при помощи первоначальной последовательности лексических единиц *sorrow*, *laughed*, что создает определенный образ капитана Ройдена не только как брата с оскорбленными чувствами, но и человека, презирающего свое положение или скрывающего истинные факты. В тексте детектива вместо существительного автор ставит глагол, тем самым придавая своему персонажу характеристику несчастного человека, его реакция на замечание сыщика Трента, смех, является нарушением адекватной реакции (*adjacency pair*) на серьезное, сочувствующее высказывание сыщика.

Рассказ *The Invisible Man* Г. К. Честертон объединяет в себе два модифицированных библейских сюжета: соперничество Каина с Авелем, завершившееся убийством последнего, и убийство Аодом Моавитского царя, Еглона. Имплицированная сложно-декодируемая аллюзия тематической интертекстуальности заключается в так называемой загадке «закрытой двери» и незаметном уходе преступника: ...therefore they took a key, and opened *them*: and, behold, their lord *was* fallen down dead on the earth. And Ehud **escaped while they tarried**, and **passed beyond** the quarries, and **escaped** unto Seirath [Jud 3:25–26].

(8) A man did go into the house, and **did come out of it**, but **they never noticed him**... “A **mentally invisible man**,” said Father Brown.

Также встретившиеся в тексте рассказа Э. К. Бентли *The Inoffensive Captain* сложно-декодируемые аллюзии, относящиеся к тематической интертекстуальности, позволяют распознать сильно модифицированный библейский сюжет об Аоде и Еглоне (еврейский судья убивает царя, захватившего израильские земли, и исчезает незаметно для слуг дворца, оставив за собой закрытую дверь), при этом акцентируется внимание реципиента на закрытой двери и беспрепятственном уходе преступника. В рассказе преступник — вор, скрылся на глазах у ничего не подозревающих детектива и полицейского:

(9) As the two men reached the first landing they heard the sound of a **door closed gently** on the one above and of light-stepping feet. A tall girl, in neat and obviously expensive tailor-made clothes, appeared at the head of the short stairway and, apparently not seeing them, stood for a moment adjusting her hat and veil...; ‘**It’s locked! Double-locked from outside!** Here, Hudson!’; ...‘What, I don’t see,’ he mumbled, ‘is **where** she, or he, or whoever it was, **got the key from**.’

Проанализированные фрагменты мы определили как сложно-декодируемые аллюзии, поскольку они охватывают план содержания текста. Очевидной отсылки к тексту-источнику, Библии, нет, и их декодирование требует определенного усилия от читателя.

Далее представим анализ встретившихся БПВ и БПИ.

В рассказе Э. К. Бентли *The Inoffensive Captain*, повествующем об украденных бриллиантах и преступнике, совершившем кражу и незаметно скрывшемся, оставив после себя «тайну закрытой двери», мы находим два высказывания, отсылающих к библейским прецедентным текстам: *we are taking them to our bosom, then his eyes brightened*.

Несмотря на то, что выражение *we are taking them to our bosom* во фрагменте является фразеологизмом, на наш взгляд, оно имеет прецедентную природу, поскольку отсылает к библейскому тексту молитвы Моисея, ср.:

(10) ‘Gratifying for them, ’ remarked Trent. ‘They will feel the English are not making strangers of them — that **we are taking them to our bosom**, as it were...’

‘Have I conceived all this people? have I begotten them, that thou shouldst say unto me, **Carry them in thy bosom**, as a nursing father beareth the sucking child, unto the land which thou swarest unto their fathers?’ [Num 11:1].

Таким образом, фразеологизм придает детективу некоторую ироничность отношений американцев и англичан, поскольку речь шла о том, что американцы невольно помогли скрыться бежавшему из тюрьмы преступнику англичанину. В данном примере мы наблюдаем имплицитную связь с библейским текстом внутри самого фразеологизма, при этом языковая единица не влияет на сюжетную линию.

В рассматриваемом рассказе вторая фраза *then his eyes brightened* (в примере (11)), по нашему мнению, является БПВ в контексте детектива, поскольку она имплицитно отсылает к книге Царств об Ионафане, который, поев меда, обрел силу победить врагов, ср.:

(11) Mr Muirhead took the letter and conned the words carefully. ‘I’m no German scholar,’ he began, and **then his eyes brightened**...

‘But Jonathan heard not when his father charged the people with the oath: ... dipped it (his hand) in an honeycomb, and put his hand to his mouth; and **his eyes were enlightened**’ [1Sam 14:27].

Считая глаголы *brightened* и *enlightened* контекстуальными синонимами, мы можем провести параллель с пришедшим озарением у М-ра Мёрхеда после внимательного прочтения письма и затем понявшего его истинный смысл, и библейским героем, который получил силу для дальнейшей борьбы. В данном случае БПВ подкрепляет связь с Библейским сюжетом.

В рассказе Г. К. Честертон The Blue Cross встречаем фрагмент, где прецедентный текст, взятый из Библии [Matt 7:16], трансформирован в тексте рассказа:

(12) Perhaps he (Valentin, the detective) had dragged the two English policemen to the wastes of a nocturnal heath on an errand no saner than seeking **figs on its thistles**. For the two priests were talking **exactly like priests**, piously, with learning and leisure, about the most aerial enigmas of theology.

Выделенное высказывание имеет прецедентную природу, поскольку раскрывает библейский текст: Ye shall know them by their fruits. Do men gather grapes of thorns, or **figs of thistles**? [Matt 7:16].

Несмотря на приобретенное новое значение в приведенном тексте (бесплезное дело), благодаря последующему наречию и сравнению *exactly like priests* возникает отсылка к инвариантному образу о несоответствии внешнего облика и внутреннего содержания человека. Предложение *Ye shall know them by their fruits* согласуется с действием священников, т. е. их плоду — разговору о тайнах теологии. Таким образом, на уровне плана выражения при помощи словосочетаний и отдельных слов формируется сложно-декодируемая отсылка через модифицированные БПВ к библейскому тексту, которая подтверждает основной мотив рассказа о скрытом зле в облике священнослужителя.

Примером использования модифицированного БПВ может послужить рассказ Г. К. Честертон The Secret Garden, повествующий об инспекторе полиции, Валантэне, который убивает человека за его готовность пожертвовать большую часть своего состояния церкви:

(13) The devil **was cast out** of the house — **he has cast himself out**.

В примере (13) видим языковую единицу *he has cast himself out*, которую можно классифицировать, согласно разрабатываемому нами подходу, как модифицированное БПВ. Полную цитату находим в Евангелии от Матфея: And if **Satan cast out Satan**, he is divided against himself; how shall then his kingdom stand? [Mat 12:26].

Интересно отметить тот факт, что в приведенном отрывке из детектива в первом предложении приводится пассивная форма *the devil was cast out*, но во второй части пассивная конструкция сменяется активной *he has cast himself out*, тем самым отсылая к инварианту — библейской цитате. Раскрывающийся смысл разделения в самом себе подчеркивает основной мотив рассказа — гордость, которая проявилась в самосуде. Еще один мотив, прослеживающийся в рассказе, — противостояние Церкви, приведшее к гибели Валантэна. Этот мотив также имеет подтверждение в Библейском тексте: O LORD God of our fathers, art not thou God in heaven? and rulest not thou over all the kingdoms of the heathen? and in thine hand is there not power and might, so that **none is able to withstand thee**? [2Ch 20:6].

В рассказе The Paradise of Thieves встречается легкоузнаваемое БПИ *Noah*, которое укрепляет важность роли отца Брауна как «вестника Божественной воли», а также его образа как единственного праведника среди грешников.

Из проведенного анализа следует, что библейские прецедентные выражения могут быть представлены в модифицированной форме, но при этом легко декодируются на уровне плана выражения текста. Отсылка к инвариантам при помощи лингвистических когнитивных структур позволяет увидеть эксплицитную и имплицитную связь с Библией.

Заключение

Проанализировав семь рассказов двух авторов — Г. К. Честертон и Э. К. Бенгли, мы обнаружили гораздо меньшее количество употреблений БПВ и БПИ (4 примера), чем аллюзий, как маркера тематической интертекстуальности (4 примера) и материальной интертекстуальности (4 примера). Полученные результаты мы систематизировали в сводной таблице (см. табл. 2).

При этом анализ показал, что особенность функционирования аллюзии состоит в модификации библейского сюжета, составляющего основу детективного рассказа, чего не наблюдается у прецедентных феноменов. БПВ и БПИ лишь подкрепляют связь с библейским сюжетом.

В соответствии с принципами разграничения аллюзий и прецедентных феноменов мы отмечаем, что БА проявляются как в плане содержания, так и в плане выражения текста, при этом они имплицитно выражены, для их декодирования при помощи ассоциации от читателя требуется усилие. БПВ и БПИ, напротив, легко узнаваемы и проявляются в плане выражения текста эксплицитно. БА могут модифицировать сюжет рассказа, БПВ и БПИ, в свою очередь, подчеркивают мотив и укрепляют сюжет.

Количественные результаты исследования

Интертекстуальный маркер/ Автор	Э. К. Бенгли	Г. К. Честертон
Библейская аллюзия	2 примера аллюзии как маркера тематической интертекстуальности 1 пример на аллюзию, охватывающую и план выражения, и план содержания текста 2 примера на аллюзию, охватывающую план выражения	2 примера аллюзии, охватывающей план выражения и план содержания текста 2 примера аллюзии как маркера тематической интертекстуальности
Библейское прецедентное высказывание или имя	2* трансформированных библейских прецедентных высказывания (* один пример — фразеологизм, имеющий прецедентную природу)	1 модифицированное БПВ 1 БПИ

Как мы отмечали ранее, оба интертекстуальных маркера имеют аллюзивную природу, в этой связи может возникнуть вопрос о целесообразности одновременного рассмотрения обоих феноменов в тексте. Анализировать эти маркеры по отдельности друг от друга нам представляется непродуктивным, так как они гармонично дополняют друг друга, указывая на различные связи с Библейским текстом, ассоциативные и при помощи когнитивных структур. Таким образом, возможно получить более полные лингвистические данные о связи Библии и детективных рассказов. В произведениях Г. К. Честертон эта связь выражена в более эксплицитной форме, а у Э. К. Бенгли — в более имплицитной.

Список источников

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. — М., 1963. — 167 с.
2. Зыкова И. В. Интердискурсивные параметры лингвокреативности (на материале кинодискурса) // Критика и семиотика. — М., 2021. — № 2. — С. 11–29.
3. Зыкова И. В. Интердискурсивность как лингвокреативная апроприация дискурсов: авангард и Андрей Тарковский // Слово.ру: балтийский акцент. — 2021. — Т. 12, № 4. — С. 65–85.
4. Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов : коллектив. моногр. / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, В. П. Москвин. — 4-е изд., стер. — М. : ФЛИНТА, 2021. — 352 с.
5. Киосе М. И. Лингво-когнитивные аспекты аллюзии: на материале заголовков английских и русских журнальных статей : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. — М., 2002. — 28 с.
6. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : курс лекций — М. : Гнозис, 2002. — 284 с.
7. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / пер. с франц. — М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2004. — 656 с.
8. Олизько Н. С. Интердискурсивность как категория постмодернистского письма // Вестник ЧелГУ. — 2007. — №15. — С. 96–104.
9. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности / пер. с фр., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. — М. : УРСС: ЛЕНАНД, 2019. — 240 с.
10. Фатеева Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. — М. : Агар, 2000. — 280 с.
11. Bentley E. K. Trent intervenes. — London: Collins Crime Club, 2017. — 229 p.
12. Gennette G. Palimpsests. — Univ. of Nebraska Press, 1997. — 490 p.
13. Chesterton G. K. The Complete Father Brown Stories. — London : Wordsworth classics, 2006. — 797 p.
14. Hebel Udo J. "Towards a Descriptive Poetics of Allusion" In Intertextuality / ed. by Heinrich F. Plett. — Berlin : de Gruyter, 1991. — Pp. 135–164.
15. Holy Bible. King James Version. — Vereeniging : Christian Art Publishers, 2016. — 1002 p.
16. Plett H. F. Intertextualities // Intertextuality. Research in Text Theory. — Berlin ; N. Y. : Walter de Gruyter, 1991. — 268 p.
17. Walton John H., Matthews Victor H., Chavalas Mark W. The IVP background Bible commentary: Old Testament. — Downers Grove, Illinios : InterVasity Press, 2000. — 1338 p.

References

1. Bakhtin M. M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow, 1963, 167 p. (In Russian).
2. Zykova I. V. Interdiscursive parameters of linguocreativity (based on the material of film discourse). *Interdiskursivnye parametry lingvokreativnosti (na materiale kinodiskursa)* [Criticism and semiotics]. Moscow, 2021. no. 2, pp. 11–29. (In Russian).
3. Zykova I. V. Interdiscursivity as a linguocreative appropriation of discourses: the avant-garde and Andrei Tarkovsky. *Slovo.ru: baltiyskiy akcent* [Word.ru: Baltic accent]. 2021, vol. 12, no. 4, pp. 65–85. (In Russian).
4. *Intertekstual'nost' i figury interteksta v diskursah raznyh tipov: kollektiv. monogr.* [Intertextuality and figures of intertext in discourse of different types: collective monogr.]. Ed. T. N. Kolokoltseva, V. P. Moskvina. 4th ed. Moscow, Flinta Publ., 2021, 352 p. (In Russian).
5. Kiose M. I. *Lingvo-kognitivnye aspekty allyuzii: Na materiale zagolovkov anglijskih i russkih zhurnal'nyh statej* [Linguistic and cognitive aspects of allusion: Based on the headlines of English and Russian articles]. Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Philological Sciences: 10.02.20. Moscow, 2002, 28 p. (In Russian).
6. Krasnyh V. V. *Etnopsiholingvistika i lingvokul'turologiya: kurs lekcij* [Ethnopsycholinguistics and linguoculturology. Course of lectures]. Moscow, Gnozis Publ., 2002, 284 p. (In Russian).
7. Kristeva Y. *Izbrannye trudy: Razrushenie poetiki* [Selected works: The destruction of poetics]. Transl. from French. Moscow, Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN) Publ., 2004, 656 p. (In Russian).
8. Olizko N. S. Interdiscursivity as a category of postmodern writing, *Vestnik CHelGU* [Bulletin of CHelSU]. 2007, no. 15, pp. 96–104. (In Russian).
9. Piege-Gros N. *Vvedenie v teoriyu intertekstual'nosti* [Introduction to the theory of intertextuality]. Transl. from French. General ed. and intr. by G. K. Kosikov. Ed. Stereotype. Moscow, URSS, LENAND, 2019, 240 p. (In Russian).
10. Fateeva N. A. *Kontrapunkt intertekstual'nosti, ili Intertekst v mire tekstov* [The counterpoint of intertextuality, or Intertext in the world of texts]. Moscow, Agar Publ., 2000, 280 p. (In Russian).
11. Bentley E. K. *Trent intervenes*. London, Collins Crime Club, 2017. 229 p. (In English).
12. Chesterton G. K. *The Complete Father Brown Stories*. London, Wordsworth classics, 2006, 797 p.
13. Genette G. *Palimpsests*. Univ. of Nebraska Press, 1997, 490 p. (In French).
14. Hebel Udo J. "Towards a Descriptive Poetics of Allusion." *Intertextualit.* Ed. by Heinrich F. Plett, Berlin, de Gruyter, 1991, pp. 135–164.
15. Holy Bible. *King James Version*. Vereeniging, Christian Art Publishers, 2016, 1002 p.
16. Plett H. F. Intertextualities. *Intertextuality. Research in Text Theory*. Berlin, N. Y., Walter de Gruyter, 1991, 268 p.
17. Walton John H., Matthews Victor H., Chavalas Mark W. *The IVP background Bible commentary: Old Testament*. Downers Grove, Illinois, InterVarsity Press, 2000, 1338 p.

Информация об авторе

Оводова Мария Кирилловна — аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания, Московский государственный лингвистический университет.

Information about the author

Ovodova, Maria K. — postgraduate student at the department of general and comparative linguistics, Moscow State Linguistic University.

*Статья поступила в редакцию 27.12.2024;
одобрена после рецензирования и доработки 13.01.2025;
принята к публикации 20.01.2025.*

*Submitted 27.12.2024;
approved after reviewing and revision 13.01.2025;
accepted for publication 20.01.2025.*

Иностранные языки в высшей школе. 2025. № 1 (72). С. 39–47.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2025;1(72):39–47.

Научная статья
УДК 81'27
DOI: 10.37724/RSU.2025.72.1.005

Иранский военнослужащий как продуцент исходного текста и реципиент текста перевода

Рулькова Софья Михайловна

Военный учебный центр при МГЛУ, Москва, Россия
e-mail: sofya-rulkova@mail.ru

Аннотация. В статье предлагается собирательный образ высокопоставленного иранского военнослужащего в структуре вооруженных сил Исламской Республики Иран во время работы с иностранными делегациями дружественных стран, где коммуникация сопровождается устным последовательным переводом. Выделяются отличительные черты и поведенческие модели иранского военнослужащего на трех уровнях: дискурсивном, макротекстуальном и микротекстуальном. Приводятся примеры и предлагаются варианты переводов лексических особенностей, устоявшихся речевых форм, религиозной, военно-технической лексики и та'арофа в военном подязыке с персидского на русский языки.

Подчеркивается необходимость расширения лингвистических и экстралингвистических знаний действующих устных переводчиков и студентов для осуществления адекватного перевода, более точного переводческого прогнозирования и достижения прагматических целей коммуникации.

Ключевые слова: речевой портрет, языковая личность, иранский военнослужащий, персидский язык, военный перевод, военный подязык, устный последовательный перевод, дискурс, макротекст, микротекст.

Для цитирования: Рулькова С. М. Иранский военнослужащий как продуцент исходного текста и реципиент текста перевода // Иностранные языки в высшей школе. 2025. № 1 (72). С. 39–47. DOI: 10.37724/RSU.2025.72.1.005.

Original article

Iranian soldier as producer of an original text and recipient of a translated text

Sofia M. Rulkova

Lecturer at the Military Training Centre, Moscow State Linguistic University
sofya-rulkova@mail.ru

Abstract. This article presents a collective image of a high-ranking Iranian military serviceman in the structure of the armed forces of the Islamic Republic of Iran during work with friendly countries foreign delegations where communication is accompanied by consecutive interpretation. The article highlights distinctive features and behavioral models of the Iranian military man at three levels: discursive, macro-textual and micro-textual. It gives examples and proposes translation variants of lexical features, established speech forms, religious, military and technical vocabulary and ta'arof in the military sublanguage from Persian into Russian.

This article emphasizes the need to expand the linguistic and extralinguistic knowledge of current interpreters and students in order to carry out adequate interpretation, more accurate translation forecast and achieve pragmatic communication goals.

Keywords: speech portrait, linguistic personality, Iranian military serviceman, Persian language, military translation, military sublanguage, consecutive interpretation, discourse, macrotext, microtext.

For citation: Rulkova S. M. Iranian soldier as producer of an original text and recipient of a translated text. *Inostrannyye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2025, 1(72); (In Russ.) Pp. 39–47. DOI: 10.37724/RSU.2025.72.1.005.

Введение

Устный переводчик всегда является участником коммуникативной ситуации, в которой он использует надлежащие средства общения и учитывает все ситуативные переменные и коммуникативное поведение во время обеспечения общения адресанта и адресата, говорящих на разных языках. Для достижения информационно-коммуникативных и прагматических целей общения, переводчик также должен

учитывать коммуникативные особенности участников беседы, обладать достаточными экстралингвистическими знаниями, использовать уместный языковой код, а также уметь «считывать» языковой портрет языковой личности коммуникантов.

«Языковая личность» — это, в первую очередь, личность речевая — человек как носитель языка, его способности к речевой деятельности, т. е. комплекс психофизиологических свойств индивида, позволяющий ему производить и воспринимать речевые произведения [Богин, 1984]. Ю. Н. Караулов, исследователь в области теории языка, русистики, социолингвистики, прикладной лингвистики, выделяет три уровня структуры языковой личности:

- 1) вербально-семантический;
- 2) когнитивный;
- 3) прагматический или мотивационный [Караулов, 1987].

Все три уровня отражают различные социолингвистические процессы во время коммуникации, в том числе обосновывают выбор при употреблении тех или иных лексических единиц, жанра и стиля.

Языковая личность не может рассматриваться отдельно от понятия «речевой портрет». При составлении речевого портрета могут учитываться все или некоторые аспекты речевых особенностей говорящего на фонетическом, лексическом и синтаксическом уровнях. Е. Д. Павлычева определяет речевой портрет, как «совокупность личностно-коммуникативных языковых черт индивида, представленных в виде открытой модели, отражающей также и коллективное описание представителя какой-либо конкретной культуры, обладающего способностью к проведению аналитических операций» [Павлычева, 2015]. Необходимо учитывать, что некоторые особенности могут быть присущи непосредственно говорящему и быть отражением конкретной поведенческой модели собственно личности, а некоторые аспекты речевого портрета могут быть характерной чертой небольшой социальной группы или социума в целом.

Речевой портрет иранского военнослужащего

Стоит обратить внимание, что предметом настоящего исследования является собирательный образ иранского военнослужащего, занимающего высокую должность в системе вооруженных сил (ВС) и осуществляющего коммуникацию в ходе переговоров по военно-техническому сотрудничеству с дружественными странами. Общение сторон в таких случаях сопровождается устным последовательным переводом.

В целях более глубокого изучения лингвистических особенностей речи предмета исследования как продуцента высказываний предлагается рассмотреть отличительные черты и поведенческие «паттерны» на трех уровнях: дискурсивном, макротекстуальном и микротекстуальном.

Для составления полноценной картины необходимо исследовать и проанализировать не только синтаксические, лексические и фонетические особенности речи, но и характеристики личности, отражающие ее социальные, этнокультурные, возрастные и гендерные особенности, например, уровень образования, профессионализм, социальный статус, пол, возраст индивидуума и его происхождение (национальность).

В Исламской Республике Иран (ИРИ) стать профессиональным военным может только мужчина. Женщины могут находиться на военной службе только в качестве врачей или медсестер, а также в качестве представителей так называемой «полиции нравов» или назидательного патруля Сил охраны правопорядка (СОП, аналог современной российской полиции). Поступать на военную службу юноша может с 16 лет на добровольной основе и с 19 лет на основе всеобщей воинской повинности. Юноши также могут связать свою профессию с ВС, поступив в военные училища Армии или Корпуса стражей исламской революции (КСИР). Прием в такие училища осуществляется до достижения абитуриентом 22-х лет.

Выпускнику военного училища присваивается младшее офицерское звание, которое потом повышается в зависимости от выслуги лет и получения дополнительного образования в системе училищ, университетов и академий ВС ИРИ.

Система высшего военного образования в ВС ИРИ представляет собой ряд учебных заведений, которые под эгидой министерства обороны проводят подготовку военнослужащих для каждой из трех составляющих ВС ИРИ — Армии, КСИР и СОП. Таким образом, иранский военнослужащий обладает высоким уровнем образованности, что выражается во владении литературным языком, военным подязыком (языковым кодом), и, конечно, профессиональным жаргоном (языковым субкодом).

В соответствии со статьей 143 и 144 Конституции ИРИ, «Армия Исламской Республики Иран призвана охранять независимость, территориальную целостность и исламский республиканский строй страны». Она «должна быть исламской, т. е. религиозной и народной армией, и должна принимать

на службу достойных лиц, преданных целям исламской революции и готовых пожертвовать собой ради них» [Конституция ИРИ, с. 336–337]. Военнослужащие КСИР, считающиеся элитным составом ВС, при подготовке подвергаются серьезной религиозно-идеологической обработке, что сказывается на их образе жизни и мировоззрении. Следовательно, в иранском военнослужащем воспитывается боевой дух, религиозный фанатизм и готовность пожертвовать собой ради страны и веры (мученичество).

Можно сделать вывод, что базовый собирательный образ иранского военнослужащего, занимающего высокую должность и работающего с иностранной делегацией, представляет собой иранца 35–60 лет, имеющего диплом о высшем общем или специальном образовании, закончившего Командно-штабную академию Армии ИРИ или Высший национальный оборонный университет Генерального штаба ВС ИРИ, крайне религиозных взглядов и всецело поддерживающего политическую и духовную власть в стране.

Дискурсивный уровень

При изучении речевого портрета важнейшую роль играет анализ дискурса ведущих переговоры иранских военнослужащих, включающий изучение структуры и наиболее общих характеристик речи, проявляющихся в момент коммуникации. С этой точки зрения представляется целесообразным, в частности, обращать особое внимание на проявления интертекстуальности, для чего необходимо ответить на следующие вопросы:

- 1) Какие ключевые темы часто поднимаются или никогда не поднимаются в речи? Как это влияет на восприятие и интерпретацию текста?
- 2) Как определенные языковые и поведенческие нормы и привычки проявляются в конкретных группах или сообществах, отражая их ценностные ориентиры и убеждения?

В условиях официально-деловой или военно-технической коммуникации представитель ВС ИРИ редко будет вести беседы на отвлеченные темы с представителями иностранного государства. Зачастую, помимо вопросов, вынесенных на повестку дня, могут подниматься, так называемые «безопасные» темы, например, погода или ситуация на дорогах. При более близком профессиональном общении могут затрагиваться темы личных профессиональных достижений, карьерного роста и образования. Представляется возможным выделить некоторые нежелательные для обсуждения темы.

Вопросы религиозного характера. Обсуждение конфессий и религии может спровоцировать межконфессиональный конфликт сторон.

Сотрудничество с иными иностранными государствами. Данный вопрос считается табуированным при всех международных переговорах.

Национальная принадлежность участников коммуникации. Учитывая разнообразный этнический состав населения Ирана, граждане этой страны часто подчеркивают принадлежность к той или иной этнической группе или меньшинству. В непринужденной социальной обстановке национальная принадлежность нередко становится объектом шуток и юмористического фольклора. Тем не менее, в контексте делового общения с иностранцами иранцы склонны избегать упоминания об этнической специфике своего происхождения. Так, человек, относящийся к миноритарным этническим группам, таким как турки, азербайджанцы, гиляки, белуджи или арабы, будет идентифицировать себя исключительно как «иранец», что подчеркивает единство национальной идентичности в рамках международного взаимодействия.

Личная жизнь и атрибутика. Иранцы ценят сакральность личной жизни и никогда не будут обсуждать семью и близких в рамках делового общения с представителем иностранной делегации, хотя анекдоты «про тещ» нередко можно услышать в ходе переговоров для разрядки обстановки или заполнения паузы, так как такие шутки являются безымянными, унифицированными и присущи многим культурам. Вопросы о личной атрибутике (кольца, четки, браслеты) также не приветствуются, поскольку могут раскрывать финансовое положение и статус человека.

Должности и звания. Иранская сторона на переговорах зачастую не выдает подробной информации о должностях и званиях военнослужащих, участвующих в переговорах, ограничиваясь лаконичной фразой «технический специалист» или «представитель министерства обороны».

В иранском обществе наблюдается устойчивая традиция выражения уважения к старшим и лицам, занимающим высокие должности. Данная иерархия находит отражение в устоявшихся моделях поведения, что может выражаться выполнением определенных действий или жестов. В качестве примеров можно привести ряд поведенческих особенностей.

- 1) Иранцы встают и приветствуют вошедшего человека, особенно если он выше по статусу и социальному положению. При работе с иностранной делегацией иранцы также приветствуют приход

гостей стоя и садятся за стол переговоров только после того, как глава делегации жестом разрешит занимать места.

2) Иранцы никогда не позволяют себе перебивать речь старшего по возрасту и социальному положению человека;

3) Иранцы пропускают собеседника вперед перед входом в помещение или лифт. В персидской культуре более молодой или низший по статусу человек должен подождать, пока старший войдет первым, показывая тем самым свое уважение и признание статуса. Гостя также всегда пропускают вперед в качестве жеста гостеприимства и знака особого уважения.

4) Иранцы прижимают правую руку к сердцу и совершают небольшой поклон корпусом при выражении благодарности или признательности;

5) На прощание иранские мужчины всегда жмут друг другу руки и дружески хлопают по плечу.

Макротекстуальный уровень

На макротекстуальном уровне объектом исследования является текст как лингвистическая единица. На данном уровне уместно рассмотреть следующие вопросы:

1) Каковы основные модели построения речевого высказывания иранского военнослужащего во время коммуникации в рамках военно-технического сотрудничества с иностранными представителями?

2) Каким образом адресант реализует различные языковые стратегии (например, риторические вопросы, метафоры, повторы) для достижения коммуникативных целей?

Из многообразия моделей построения речевого высказывания особый интерес представляет модель построения текста с использованием стратегий дискредитации и солидарности с группой — текстовая оппозиция «мы-они».

По О. С. Иссерс модель дискредитации проявляется через критику, высмеивание противоположной стороны, а стратегия солидарности с группой выражается в использовании инклюзивных формулировок, общего языка, апелляции к общим ценностям и переживаниям с целью показать общий благоприятный фон единства мнений [Иссерс, 2017].

В официальных речах иранского военного руководства стратегия «мы-они» проявляется в противопоставлении дружественных для ИРИ стран и организаций Израилю и западным странам во главе с США.

در زمان حاضر بیشتر کشورهای دنیا از اینکه آمریکا برای حل مشکلات داخلی و مالی خود، از دلار به عنوان سلاح و یا ابزار کنترل دیگر کشورها استفاده می‌کند، ناراضی هستند. دنیا بریکس را با هدف تلاش برای کاستن از قدرت دلار و افزایش مبادلات با پول‌های ملی می‌شناسد.

Сегодня многие страны мира недовольны тем фактом, что США используют доллар как оружие или инструмент контроля над другими странами для решения своих внутренних и финансовых проблем. Мир знает, что целью БРИКС является ослабление доллара и увеличение объема торговли в национальных валютах.

Из речи президента ИРИ Масуда Пезешкиана на пленарном заседании саммита БРИКС в Казани 2024 г. [tasnimnews]

ترامپ قمار باز! من خودم به تنهایی در مقابله می ایستم. ما ملت، حوادث سختی را پشت سر گذاشته‌ایم. جنگ را شما شروع می کنید اما ما به پایان می رسانیم، بروید از پیشینیان خود بپرسید. پس ما را تهدید به کشتن نکنید. ما آماده هستیم در مقابله بایستیم.

Трамп, ты — азартный игрок! Я один стою перед тобой. Мы, нация, пережили трудные события. Вы начинаете войну, а мы ее заканчиваем, идите и спросите своих предшественников. Не надо угрожать нам смертью. Мы готовы противостоять вам!

Из речи генерала Касема Сулеймани 2018 г. [iranjib]

Такие высказывания отражают противопоставление «мы» (дружественные страны и организации) и «они» (противники — США, Запад и Израиль), что является характерной чертой военной риторики Ирана.

Иссерс также подчеркивает, что обе стратегии могут использоваться как во время публичного выступления, так и в личной беседе. Эффективное управление этими стратегиями является важным аспектом успешной коммуникации.

Для достижения коммуникативных целей во время обсуждения технических вопросов иранские представители ВС часто прибегают к определенным речевым «паттернам», например, «паттернам» визуализации. Иранские военно-технические специалисты зачастую приводят примеры, где имитируют

различные ситуации, используя подручные предметы, такие как канцелярские принадлежности или бутылки с водой. Такой подход позволяет иноязычным адресатам лучше понять прагматический посыл сообщения и способствует более эффективному решению проблемных ситуаций. Кроме того, иранцы нередко графически изображают на бумаге или доске условную ситуацию, что позволяет оппонентам визуализировать определенные сценарии в процессе обсуждения. Для представителей иранской культуры приведение примеров и описание вымышленных ситуаций существенно упрощает восприятие информации и способствует более глубокому пониманию поставленных вопросов.

Микротекстуальный уровень

С учетом значительного уровня грамотности и образования иранские военнослужащие и высшее военное руководство ИРИ уверенно используют и активно применяют высокостилистическую лексику, в том числе уничижительные и уважительные формы. Данный специфический слой лексики выполняет функцию выражения уважения к собеседнику, что представляет собой важный аспект межличностного взаимодействия в традиционном иранском языковом сообществе. Например, глагол «говорить» можно выразить тремя формами:

1) <i>уничижительной</i> (используется только по отношению к говорящему)	2) <i>разговорной</i> (общепринятой)	3) <i>уважительной</i> (используется только по отношению к собеседнику)
[arz kardan] عرض کردن	[goftan] گفتن	[farmudan] فرمودن

Следовательно, фразы «я говорю, что...» — عرض می‌کنم به [arz mikonam ke...] и «вы говорите, что...» — شما می‌فرمایید که [shoma mifarmāid ke...] переводятся с использованием разных лексических единиц. Другими примерами стилистически высокой (уничижительной) лексики являются:

Таблица 1

	Уничижительная форма	Разговорная форма	Уважительная форма
местоимение «я»	[bande] بنده	[man] من	—
предлог «к»	—	[be] به	[xedmat-e] خدمتِ
глагол «уходить»	[moraxas sodan] مرخص شدن	[raftan] رفتن	[tasrif bordan] تشریف بردن
глагол «делать»	—	[kardan] کردن	[nemudan] نمودن
глагол «понимать»	—	[fahmidan] فهمیدن	[dark kardan] درک کردن

Как можно заметить, не только глаголы, но и другие части речи имеют аналог в более высоком языковом регистре. В высшем иранском обществе использование подобной лексики считается обязательным, так как оно показывает уровень воспитания и образованности говорящего. Переводчик как посредник между двумя коммуникантами должен владеть разным языковым регистром и уместно употреблять соответствующие речевые формы.

Помимо высокого лексического стиля в деловом общении распространены фиксированные формы вежливости — «та'ароф». «В персидской культуре — это этикет, комплекс поведенческих и речевых норм, регулирующих как формальное, так и неформальное общение членов социума» [Никитенко, 2022]. Некоторые исследователи считают, что функция *та'арофа* в ситуации как формального, так и неформального общения — обозначить и подчеркнуть свой статус; другие же склоняются к тому, что «выбор вежливых форм и обмен любезностями при общении не всегда призван подчеркнуть разницу в статусе — он может обозначать стремление определить отношения как формальные, лишённые малейшего оттенка панибратства». [Там же, 2022]. В ВС, как иерархичной структуре, четко прослеживаются статусно-ролевые отношения, которые в том числе выражаются надлежащим *та'арофом*.

Ниже в таблице 2 представлены предложения, содержащие формы *та'арофа*, их дословный перевод и вариант их передачи на русский язык.

С точки зрения перевода, сложность устоявшихся речевых форм вежливости в том, что зачастую они не передаются дословно на язык реципиента, а иногда совсем не подлежат переводу. Следовательно, переводчику необходимо иметь в запасе несколько устоявшихся штампов в русском языке, чтобы заполнить паузу, вызванную речевой лакуной.

Таблица 2

Предлагаемый вариант перевода	Дословный перевод	Предложение, содержащее <i>ta'arof</i>
Приветствую вас, уважаемые коллеги!	Скромно выражаю приветствия и справляюсь о вашем самочувствии, дорогие коллеги!	سلام و احوال پرسى خدمت شما عرض می‌کنم همکاران گرامی!
Спасибо!	Я умру ради вас!	قربان شما!
Пожалуйста!	Будьте живы! Вы милость имеете!	زنده باشید، شما لطف دارید!
Здравствуйте! Простите, подскажите, как я могу к вам обращаться?	Не уставайте, дорогой господин! Прошу прощения, какое ваше благородное имя?	خاسته نباشید، آقای عزیز! ببخشید، اسم شریفتون چیست؟

С подобными проблемами сталкивается переводчик и при переводе религиозно-окрашенной лексики, которую некоторые лингвисты выделяют как отдельную лексическую группу, а не включают в понятие *ta'arof* несмотря на то, что употребление подобных слов и фраз крайне клишировано. К широко употребляемой религиозной лексике можно отнести следующие слова:

Таблица 3

Перевод	Транскрипция	Религиозное высказывание
Во имя Аллаха всемилостивого, милосердного!	[be-sm-ellāh-e-r-rahman-or-rahim]	بسم الله الرحمن الرحيم
Дай Бог!	[enšāallā]	انشاءالله
Дай Бог ему долгих лет жизни	[abqāhallah]	ابقاهالله
Помолитесь за меня	[eltemās-e do'ā]	التماس دعا

Данные слова используются и в официально-деловой речи, что иногда в таком контексте для русского человека может звучать комично:

مصمم هستم که خدا ما را پیگیری بکند. و انشاءالله در اولین فرصتی که امکان داشته باشد نهایی می‌کنیم و ... [این تقاضا] رو امضا خواهیم کرد.

Я уверен, что Бог последует за нами. И дай Бог, мы доработаем и подпишем [это соглашение] в кратчайшие сроки.

Из речи президента ИРИ Масуда Пезеикуана в рамках встречи с В. В. Путиным на саммите БРИКС в Казани 2024 г.

Несмотря на то что военный подъязык характеризуется минимальным использованием стилистически окрашенной лексики и экспрессивных прилагательных, иранцы нередко прибегают к стилистической окраске своих высказываний, применяя разнообразные средства усиления и делая речь изобилующей прилагательными. Это явление может показаться непривычным для носителей русского военного языка, в силу их более сдержанного подхода к языковому выражению в военной сфере.

همه عملیات خوب بود و زیبایی و شیرینی خودش را داشت و عملیات فاو برایم خیلی شیرین بود.

Все операции [Ирано-Иракской войны] были хорошими и имели свою красоту и сладость, а операция «Фау» для меня была особенно сладостной.

Из интервью командующего генерального штаба ВС ИРИ генерала Багери

امروز فاجعه‌ای غزه و نسل‌کشی بی‌رحمانه‌ی رژیم غاصب صهیونیست و کشتار هزاران کودک و زن و مرد بی‌دفاع و غیر مسلح، و آنگاه پشتیبانی و حمایت حکومت‌های به اصطلاح لیبرال غربی از این گرگ خونخوار، معنی آزادی و حقوق بشر غربی را آشکار می‌سازد.

Сегодня трагедия Газы и жестокий геноцид узурпирующего сионистского режима и убийства тысяч беззащитных и безоружных мужчин, женщин и детей, а затем содействие и поддержка этого кровавого волка со стороны так называемых либеральных западных правительств, раскрывают значение свободы и прав человека на Западе.

Из послания духовного лидера — верховного главнокомандующего ВС ИРИ — на шестой сессии Ассамблеи экспертов [farsi.khatenei.ir]

در طی اجرای پروژه نقایص و نقض های جدی از جمله موارد مشرحه ذیل شده روی داده و این عملکرد، موجب نگرانی و ناخشنودی مصرف کنندگان نهایی شده و برنامه های ایشان را تحت الشعاع قرار داده است.

В ходе реализации проекта произошли серьезные дефекты и нарушения, подобные инцидентам, описанным ниже, и данное исполнение вызвало беспокойство и недовольство конечных потребителей и затмило (досл. покрыло тенью) их планы.

Из иранского письма МОПВС российской компании N

При наличии столь широкого диапазона прилагательных и стилистически окрашенной лексики, речь профессионального военного насыщена специализированной терминологией. Более того, значительная часть специальной военно-технической лексики в данном контексте заменяется англицизмами, что свидетельствует о влиянии международной военно-технической среды и актуальности использования англоязычных терминов в профессиональной коммуникации.

Некоторые замены военно-технических терминов иностранными (английскими) заимствованиями представлены в таблице 4.

Таблица 4

курс, направление полета	heading	هدینگ
тяга	thrust	تراست
топливный коллектор	fuel terminal	ترمینال سوخت
проводка	wire and wiring	وایر و وایرینگ
осциллограф	oscilloscope	اسیلوسکوپ
выравнивать, настраивать	to adjust	ادجست کردن
отказывать (об устройстве)	to fail	فیل دادن
зависать (об устройстве)	to frieze	فریز شدن

Причинами подмены персидской терминологии английской могут служить:

- ведение всей технической документации по образцам или изделиям на английском языке;
- выполнение надписей, символов и нанесение маркировки на изделиях и образцах иностранных ВВСТ на английском языке;
- обучение иностранных специалистов на английском языке;
- использование в устной части переговоров лексики контракта, составленного на английском языке для облегчения взаимодействия и большего коммуникативно-прагматического эффекта [Рулькова, Лешин, 2023];
- желание продуцента высказывания продемонстрировать статус и уровень образования.

При анализе микротекста на фонетическом уровне можно отметить, что в речи военнослужащих, несмотря на этническое разнообразие и неоднородность происхождения представителей ВС ИРИ, преобладает тегеранский диалект. Использование других языков и диалектов, таких как, например, мазандеранский, гилянский, белуджский, не приветствуется. Это демонстрирует стремление к унификации повседневного общения, способствует облегчению коммуникации, сохраняет определенный уровень формальности и официальности при ведении переговоров.

Последняя крайне специфическая особенность заключается в широком использовании рукописных текстов во время делового общения. В странах с восточной культурой наблюдается проявление особого уважения к рукописному письму. Это связано не только с художественной ценностью арабской вязи, но и с культурными и историческими традициями, в которых рукописные тексты считаются более личными и значимыми.

В отличие от европейского общества, в странах, использующих арабскую вязь, наблюдается тенденция к написанию от руки промежуточных документов: заметок, неформальных соглашений, которые затем могут парафироваться для наделения их юридической силой. Для представителей восточной культуры рукописное письмо — это не просто средство передачи информации, но и важный элемент культурной идентичности и социальной практики.

Работа с рукописным текстом представляет нелегкую задачу для переводчиков и требует наличия особых навыков. По причине того, что почерк может существенно отличаться от стандартного печатного текста, процесс распознавания символов может быть длительным и затруднительным из-за индивидуальных особенностей почерка.

Указанные особенности представляют собой значительную проблему для переводчика, поскольку требуют не только обширного лексического запаса, но и глубокого понимания контекстуальных границ,

8. Tasnimnews. پزشکیان در بریکس: خواستار آتش‌بس فوری در فلسطین هستیم (дата обращения: 25.11.2024).
9. URL : <https://www.tasnimnews.com/fa/news/1403/08/02/3184504/> - پزشکیان-در-بریکس-خواستار-آتش-بس-فوری- (дата обращения: 25.11.2024).
10. iranjib . سردار قاسم سلیمانی: ترامپ قمار باز! من خودم به تنهایی در مقابلت می‌ایستم (дата обращения: 24.03.2018) <https://www.iranjib.ir/shownews/51430/> - سردار-قاسم-سلیمانی: -ترامپ-قمار-باز! -من-خودم-به-تنهایی-در-مقابلت- (дата обращения: 28.11.2024).
11. PersiaTV (07.07.2016) . عملیات خارق‌العاده فو از زبان رئیس جدید ستاد کل نیروهای مسلح — URL : <https://www.youtube.com/watch?v=YSbhNji2jx0&t=311s> (дата обращения: 28.11.2024).
12. Guzarishgar (23.11.2024) . صحبت‌های ضد امریکایی مسعود پزشکیان در دیدار با پوتین — URL : <https://youtu.be/jHurx60ZVcs?si=mCSq7EaJD0xIEbCt> (дата обращения: 02.11.2024).
13. Farsi.khamenei. پیام رهبر انقلاب به مناسبت آغاز به کار ششمین دوره مجلس خبرگان رهبری (дата обращения: 21.05.2024). — URL : <https://farsi.khamenei.ir/message-content?id=56421> (дата обращения: 25.11.2024).

References

1. Bogin G. *Model yazykovoy lichnosti v eye otnoshenii k raznovidnostyam tekstov* [Model of language personality in its relation to the kinds of texts]. Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Philological Sciences 10.02.20. SPb., 1984, 200 p. (In Russian).
2. Issers O. *Kommunikativnyye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. Publ. 8. Moscow, URSS Publ., 2017, 320 p. (In Russian).
3. Karaulov Y. *Lingvodidactic presentation of the linguistic personality and its structure. Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost* [Russian language and linguistic personality]. Moscow, 1987, p. 56. (In Russian).
4. Constitution of the Islamic Republic of Iran. Available at: <https://kitaboxu.com/wp-content/uploads/2023/03/конституция-исламской-республики-иран.pdf> (accessed 20.11.2024). (In Russian).
5. Nikitenko E. Ta'arof. *Bolshaya rossiyanskaya entsiklopediya: nauch.-obrazovat. portal* [The Great Russian Encyclopedia: scientific and educational portal]. Available at: <https://bigenc.ru/c/taarof-0dd4af/?v=4061939> (accessed 17.11.2024).
6. Pavlycheva E. Characteristics of the features of the concept “speech portrait”. *Vestnik MGOU. Ser. “Lingvistika”* [MGOU Review. Ser. “Linguistics”]. 2015. no. 6. pp. 110–115. (In Russian).
7. Rulkova S., Leshin A. Situations and mechanisms of displacement of native Persian military terms by foreign borrowings. *Vestnik MGLU. Gumanitarnyye nauki* [MSLU Review. Ser. “Humanities”]. 2023, no. 12 (880), pp. 83–88. (In Russian).
8. Tasnimnews. پزشکیان در بریکس: خواستار آتش‌بس فوری در فلسطین هستیم (10.11.2014) Available at: <https://www.tasnimnews.com/fa/news/1403/08/02/3184504/> - پزشکیان-در-بریکس-خواستار-آتش-بس-فوری-در-فلسطین-هستیم (accessed: 25.11.2024).
9. iranjib. سردار قاسم سلیمانی: ترامپ قمار باز! من خودم به تنهایی در مقابلت می‌ایستم (24.03.2018) <https://www.iranjib.ir/shownews/51430/> - سردار-قاسم-سلیمانی: -ترامپ-قمار-باز! -من-خودم-به-تنهایی-در-مقابلت- (accessed: 28.11.2024).
10. PersiaTV (07.07.2016) . عملیات خارق‌العاده فو از زبان رئیس جدید ستاد کل نیروهای مسلح — URL : <https://www.youtube.com/watch?v=YSbhNji2jx0&t=311s> (accessed: 28.11.2024).
11. Guzarishgar (23.11.2024) . صحبت‌های ضد امریکایی مسعود پزشکیان در دیدار با پوتین — URL : <https://youtu.be/jHurx60ZVcs?si=mCSq7EaJD0xIEbCt> (accessed: 02.11.2024).
12. Farsi.khamenei. پیام رهبر انقلاب به مناسبت آغاز به کار ششمین دوره مجلس خبرگان رهبری (21.05.2024) Available at: <https://farsi.khamenei.ir/message-content?id=56421> (accessed: 25.11.2024).

Информация об авторе

Рулкова Софья Михайловна — преподаватель военного учебного центра при Московском государственном лингвистическом университете

Information about the author

Rulkova, Sofia M. — Lecturer at the Military Training Centre, Moscow State Linguistic University.

Статья поступила в редакцию 20.12.2024; доработана 16.01.2025;
одобрена после рецензирования 05.02.2025; 12.02.2025;
принята к публикации 02.12.2025.

Submitted 20.12.2024; revised 16.01.2025;
approved after reviewing 05.02.2025; 12.02.2025;
accepted for publication 12.02.2025.

РАЗДЕЛ II

ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНИСТИКИ И КИТАИСТИКИ

Иностранные языки в высшей школе. 2025. № 1 (72). С. 48–53.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2025;1(72):48–53.

Научная статья
УДК 81'25
DOI: 10.37724/RSU.2025.72.1.006

Соответствия-аналоги в китайско-русском переводе XVIII века как средство трансфера знания

Ван Тин

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
wangting.64@qq.com

Аннотация. Подбор окказионального соответствия-аналога является одним из способов передачи реалий, он был широко распространен в разные исторические периоды как средство трансфера знаний. Цель данной статьи заключается в том, чтобы раскрыть когнитивный потенциал этого переводческого приема на первоначальном этапе знакомства одной культуры с другой. Методология работы включает учет классификации переводческих соответствий В. Н. Комиссарова, а также опирается на исследования передачи культурных реалий в художественном переводе. В качестве материала для исследования выбран перевод русского китаеведа XVIII века А. Л. Леонтьева (1716–1786) — «Кратчайшее описание городам, доходам и протчему Китайского государства, а при том и всем государствам, королевствам и княжествам, кои китайцам ведомы», на основе которого анализируется роль соответствий-аналогов в процессе передачи реалий и делается вывод о том, что использование соответствий-аналогов превосходит другие способы перевода по объяснительному потенциалу, когда в переводящем языке отсутствует устойчивый эквивалент.

Ключевые слова: соответствия-аналоги, когнитивный потенциал, культурные реалии, отсутствие эквивалента, А. Л. Леонтьев.

Для цитирования: Ван Тин. Соответствия-аналоги в китайско-русском переводе XVIII века как средство трансфера знания // Иностранные языки в высшей школе. 2025. № 1 (72). С. 48–53. DOI: 10.37724/RSU.2025.72.1.006.

Original article

Correspondences-analogues in Chinese-Russian translations of the XVIII century as a means of knowledge transfer

Wang Ting

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
wangting.64@qq.com

Abstract. The selection of occasional correspondence-analogy is one of the ways of transferring realities, it has been widely used in different historical periods as a means of knowledge transfer. The aim of this article is to reveal the cognitive potential of this translation technique at the initial stage of acquaintance of one culture with another. The methodology of the work includes V. N. Komissarov's classification of translation correspondences and also relies on the research of analogies for the transfer of cultural realities. The translation of the 18th century Russian Chinese scholar A. L. Leontiev (1716–1786) — “A brief description of the cities, revenues and other things of the Chinese state, and also of all states, kingdoms and principalities which are known to the Chinese” is chosen as the material for the study, the role of correspondences-analogues in the process of transferring realities is analyzed, and it is concluded that the use of correspondences-analogues is superior to other translation methods in terms of explanatory potential when there is no stable equivalent in the target language.

Keywords: correspondences-analogies, cognitive potential, cultural realities, lack of equivalent, A. L. Leontiev.

For citation: Wang Ting. Correspondences-analogues in Chinese-Russian translations of the XVIII century as a means of knowledge transfer. *Inostrannyye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2025, 1(72); (In Russ.) Pp. 48–53. DOI: 10.37724/RSU.2025.72.1.006.

© Ван Тин, 2025

Введение

Явление аналогии как логико-философской операции обладает немалыми когнитивными возможностями, которые еще недостаточно изучены как в словообразовательных процессах, так и в процессе перевода при сопоставлении объемов значений единиц в двух языках. В переводе соответствия-аналоги широко употребляются для трансфера знания о предмете или явлении при встрече с незнакомой для понимания информацией. Цель данной статьи — установить функциональные возможности окказиональных соответствий-аналогов в когнитивном аспекте перевода. Однако для того, чтобы выделить роль аналогии, нам потребуется исключить влияние устойчивых вариантов перевода, закрепленных в словарях или предшествующих переводных текстах. По этой причине мы выбрали в качестве материала один из первых русских переводов с китайского языка, когда язык и культура Поднебесной были настолько незнакомы в России, что переводчик не мог прибегнуть ни к каким справочным источникам и не мог опереться на фоновые знания получателя. Подобная ситуация особенно интересна с точки зрения выбора собственно переводческих способов трансфера новой, непривычной информации.

С точки зрения В. Н. Комиссарова, окказиональные переводческие соответствия можно классифицировать следующим образом: 1) соответствия-заимствования, повторяющие форму исходного языка; 2) соответствия-кальки, воспроизводящие состав морфем в слове или элементы в словосочетании; 3) соответствия-аналоги, выбираемые переводчиком из единиц переводящего языка, хотя эти единицы не полностью эквивалентны по смыслу исходным единицам и могут быть использованы в определенных ситуациях; 4) соответствия-лексические замены, замещающие отдельные единицы исходного языка (далее ИЯ) на лексические единицы языка перевода (далее ПЯ) по различным логическим и ассоциативным отношениям; 5) соответствия-описания, представляющие собой развернутые словосочетания для толкования значения [Комиссаров, 2017, с. 169–170].

В своем исследовании Н. П. Чепель установила, что при передаче культурно-исторических реалий в художественном тексте переводчик предпочитает применять аналогии в комментариях и примечаниях, чтобы воссоздать исторический колорит ИЯ и трансформировать значение в ПЯ. Этот способ придает привычную, повседневную окраску соответствующим словам в переводе [Чепель, 2005, с. 71–73]. Он может создавать в переводе отсылку к истории, хотя в некоторых случаях не вносит никаких новых черт. По мнению Н. П. Чепель, мотивацией к использованию соответствий-аналогов является семантическое значение реалий как культурно-специфичных наименований [Там же, с. 114]. Другими словами, переводчик выбирает соответствия по функциональной близости между предметной семантикой реалий в ИЯ и в ПЯ.

А. Л. Леонтьев был одним из первых русских китаеведов XVIII века. Он внес большой вклад в культурный обмен между Россией и Китаем и за свою жизнь опубликовал более 20 переводов по широкому кругу вопросов, включая китайскую историю, географию, уголовное право, этику, философию, этнографию, административную систему, культуру и искусство, государственные отношения. В 1778 году была издана книга «Кратчайшее описание городам, доходам и протчему Китайского государства, а при том и всем государствам, королевствам и княжествам, кои китайцам ведомы», взятая из китайской государственной географии. Оригинал был опубликован в Пекине во время правления императора Канси из империи Цин. В переводе представлен реферативный обзор географии Китая с описанием городов, сел, деревень и т. д.

Благодаря переводам А. Л. Леонтьева русский читатель получил первоначальное представление о географии Китая. В тексте переводчик в основном использовал транслитерацию, калькирование, соответствия-аналоги, соответствия-лексические замены и описания для передачи информации об империи Цин. Далее рассмотрим следующие примеры, где переводчик использовал вышеназванные способы для передачи знаний о культуре Китая.

Использование аналогов в сочетании с другими видами окказиональных соответствий

Изучая способы передачи китайских реалий в русском переводе А. Л. Леонтьева, мы обратили внимание, что соответствия-аналоги нередко встречаются в сочетании с другими видами окказиональных соответствий: заимствованиями, кальками, описаниями, лексическими заменами. Это наблюдение требует уточнения роли аналогов в подобных случаях, т. е. мы попробуем объяснить, почему русский переводчик XVIII века не ограничился одним видом соответствия, но добавил к нему аналог.

Пример 1: «В ней войска — 103580 человек, в сем числе комплектного войска, кое состоит из природных Китайцев под знаменем зеленым, и под управлением 6 Гянгюнев и 31 полковника, 31000 человек (31 полк)» [Леонтьев, 1778, с. 4].

Гянгюнь, по-китайски — 将军, обозначает генерала. Переводчик передал слово 将军 транслитерацией «гянгюнь», а не современным ему эквивалентом «генерал», потому что среди гянгюней династии Цин были не только те, кто отправлялся воевать на поле боя, или те, кто держали гарнизоны. Было ещё особого рода звание «гянгюнь», которое не давалось посторонним и могло быть пожаловано в качестве наследственных титулов членам императорской семьи и знати. Обладатель этого титула также получал огромное количество денег и зерна от императорского двора. Высшие военные должности в династии Цин включали «ти ду/提督» и «командир императорских телохранителей/领侍卫内大臣», а в Российской империи генерал представляет собой высший разряд воинских званий. Ранговая система династии Цин отличалась от российской, поэтому переводчик сохранил колорит оригинала с помощью фонетической транскрипции.

Причина выбора аналога «полковник» в вышеприведенном примере заключается в том, что официальные титулы глав цинских войск были разными, но все они выполняли функцию управления подразделениями армии, что соответствует значению русского слова «полковник». Чтобы избежать множества транслитерированных названий, которые могут вызвать проблемы с пониманием у читателя, переводчик нашел аналогичное наименование.

Пример 2: «Гуан лу сы (3), приказ столовой, шесть советников» [Леонтьев, 1778, с. 10].

Гуан лу сы является одним из 26 присутственных мест. Организация отвечает за жертвоприношения, пиры и придворные трапезы, а также за богослужения и все дела, связанные с приемами и пирами во время докладов, важных церемоний и приема послов [景瑜, 2022]. А. Л. Леонтьев объясняет назначение этого института в сноске, находя аналогичное выражение «здешняя придворная контора». Хотя подобная сноска функционирует как толкование значения заимствования, она, по сути, представляет собой описание через подбор аналога, так как придворная контора в понимании русского получателя также занималась обслуживанием дворцовых мероприятий разного характера.

Пример 3: «8 Жертвенников. 1. Жертвенник неба, стоит в 4 стене на южной стороне, в нем отправляется молебствие в солнечной зимний поворот. 2. Жертвенник земли, за первую стеною на северной стороне, отправляется в нем молебствие в солнечной летний поворот. 3. Жертвенник Царя Вышнего, в одном месте с первым жертвенником, в нем отправляется молебствие в первом месяце года. 4. Жертвенник солнца, за первую стеною на восточной стороне, в нем отправляется молебствие в весеннее равноденствие. 5. Жертвенник луны, за первую стеною на западной стороне, отправляется в нем молебствие в осеннее равноденствие. 6. Жертвенник жизни вечной, в четвертой стене, отправляется в нем молебствие в первой день нового года. 7. Жертвенник пашен, близко 6 жертвенника, молебствие в нем отправляется в начале пашенных работ. 8. Жертвенник плодов земных, во второй стене, в нем отправляется молебствие в начале весны и в начале осени» [Леонтьев, 1778, с. 6].

Здесь описываются 8 жертвенников в Пекине: 天坛, 地坛, 祈谷坛, 日坛, 月坛, 太岁坛, 先农坛, 社稷坛. Переводчик использовал два способа передачи реалий. 天, 地, 日, 月 имеют устойчивые соответствия в русском языке — Небо, Земля, Солнце и Луна, поэтому с их помощью можно применить калькирование. Но «祈谷», «太岁», «先农» и «社稷» не имеют соответствующих выражений в русском языке, а при прямой фонетической транслитерации они не могут отразить то, чему эти жертвенники посвящены.

祈谷坛 — главное место, где весной император поклоняется Богу Неба и молится о хорошем урожае [江山携手, 2019]. Видно, что это был алтарь, посвященный верховному божеству в пантеоне языческих богов Китая, поэтому переводчик передал его в соответствии с христианской традицией как «жертвенник Царя Вышнего». Подобное соответствие, безусловно, является аналогом, поскольку передает лишь часть значения лексической единицы оригинала, когда Вышним Царем в православной традиции именуется единый Бог. Однако выбор соответствия-аналога здесь обусловлен прагматической адаптацией текста перевода, чтобы русский читатель мог адекватно воспринять исходную информацию и подумать, что китайцы, несмотря на языческие верования, все-таки признают единого Бога как главного над всеми.

太岁坛 — это место, где император поклоняется Богу Тай-Суй (кит. 太岁) или великому божеству времени [闻一, 2017]. Император приносит жертвы дважды в год: в благоприятный день в первой половине первого месяца года и в конце декабря по лунному календарю — во имя удачи и мира нации на долгие годы. Русский синолог XVIII века перевел это место в соответствии с символизмом 太岁 и пожеланиями людей как «жертвенник жизни вечной». Выражение «жизнь вечная» также является аналогом по отношению к китайскому наименованию, поскольку соотносится с христианским понятием вечной

жизни в ином мире — Царствии Небесном, где нет времени, болезни, печали. Этим русский переводчик адаптировал свой перевод для адекватного восприятия читателем, которому соответствие-аналог «жизнь вечная» мог быть понятен только в православном религиозном контексте.

Остальные наименования А. Л. Леонтьев передал в соответствии с функцией жертвенников, чтобы читателям было легче понять, в чем заключалась та или иная религиозная практика. 先农坛 — это место, где древние императоры поклонялись императору Янь ди — Шэнь-нун. Китай является большим сельскохозяйственным государством [王郢文, 2024], и правители всех династий почитали сельское хозяйство и проводили здесь церемонии в поддержку пахоты, поэтому переводчик назвал его «жертвенником пашен». 社稷坛 был местом, где императоры династий Мин и Цин поклонялись богам земли и зерна [黑龙江波涛, 2020]. А. Л. Леонтьев объединил «землю» и «зерно» и передал это как «жертвенник плодов земных». Это явно коррелирует с одним из прошений ектеньи в православном богослужении, когда христиане молятся «о изобилии плодов земных и временех мирных». При этом выбор слова «жертвенник» указывает на использование переводчиком смыслового развития, поскольку поклонение не всегда было связано с жертвоприношением, но элемент аналогии с привычной для русского языка библейской культурой делал такой перевод доступнее для читателя.

Пример 4: *«Лань и Вей (3), приказ выездов Ханских, четыре члена»* [Леонтьев, 1778, с. 11]. Здесь представлен государственный орган «Лань и Вей», по-китайски 鸾仪卫. Переводчик дает читателю более четкое представление о функциях этого учреждения через описание: «В нем ведомы такие люди, которые употребляются в церемонных выездах Ханских, с разными регалиями». Таким образом, описание дает дополнительную информацию о деятельности этого приказа. Отметим, что соответствие «приказ» для обозначения государственного органа тоже является аналогом, поскольку российские приказы допетровского времени отличались от китайских органов исполнительной власти по целому ряду параметров.

Итак, мы видим, что использование русским переводчиком XVIII века окказиональных заимствований, калек, описаний и лексических замен обязательно сопровождалось добавлением соответствия-аналога для облегчения понимания реалии читателем и ее адекватного восприятия, так как проведение аналогии с привычными понятиями создает благоприятный эмоциональный фон для представления чужой культуры.

Среди вышеперечисленных переводческих способов русский синолог чаще всего использовал метод аналогии, который представляет собой распространенный инструмент для межкультурного обмена знаниями. Аналогия способна лучше интерпретировать культурные реалии и передать информацию в определенной ситуации.

Место и роль соответствий-аналогов в русском переводе для интерпретации китайских реалий

Далее мы рассмотрим соответствия-аналоги, применяемые А. Л. Леонтьевым в тексте «Кратчайшее описание городам, доходам и протчему Китайского государства, а при том и всем государствам, королевствам и княжествам, кои китайцам ведомы», чтобы определить, как русский переводчик XVIII века интегрировал их в текст перевода. Обладая рядом преимуществ перед другими видами окказиональных соответствий, аналоги, тем не менее, отличаются тенденцией к доместикации иноязычной культуры, заменяя чужие реалии на свои. По этой причине нам важно понять, какое место и какую роль в тексте перевода отвел им А. Л. Леонтьев.

Пример 5: *«Имеет расстояние между востоком и западом на 1228 Ли между югом и севером на 1628 Ли (1)»* [Леонтьев, 1778, с. 3].

Сноска: *«(1) Ли: Китайская верста, в ней 300 сажен Российских».*

При описании расстояния между границами областей, районов и т. п. в Китае использовалась единица измерения «ли». Переводчик сначала транслитерировал «里» в «ли» непосредственно в тексте перевода, а затем добавил объяснение в сноске ниже, где употреблялась «китайская верста» как соответствие-аналог, чтобы русские читатели сразу поняли, что «ли» используется как единица расстояния, а затем также пересчитал «ли» в русскую сажень, чтобы читатели имели более четкое представление о длине Ли.

Пример 6: *«С них за пашни казна получает в год хлеба разного — 118162 Даня (2)»* [Леонтьев, 1778, с. 3]

Сноска: *«(2) Дань: Китайская четверть, в ней 10 Ду их четвериков, а Ду имеет 100 горстей.»*

В тексте была упомянута единица веса, и переводчик транслитерировал слово 石 как «дань», а в сноске объяснил его как «китайская четверть». Это делает определение 石 гораздо более четким.

Пример 7: «Серебра — 2422128 лан (1)» [Леонтьев, 1778, с. 4].

Сноска: «(1) Лана: Китайской рубль, состоит не в монете, а в весу, в нем наших 8 золотников; делится на 10 чин, (гривен сказать можно) на 100 Фун (копеек) и на 1000 Ли.»

В этом предложении, вводящем денежную единицу, А. Л. Леонтьев передал слово 两 транскрипцией как «лана», а затем пояснил в сноске, что 两 означает «китайская рубль». Также переводчик ввел несколько русских наименований денежных единиц (золотник, гривна, копейка) в качестве аналогов для пояснения значения китайской реалии. Это дает читателям конкретное представление об этой денежной единице.

Если предположить, что в переводе отсутствуют транслитерированные слова «Ли», «дань» и «лана», это не вызовет больших затруднений в понимании читателя, но без их аналогов — «китайская верста», «китайская четверть» и «китайская рубль» — невозможно передать денотативное значение реалий 里, 石 и 两.

Пример 8:

«Либу, бу начальническая, или назвать разрядная.

Хубу, бу всех государственных доходов.

Лыбу, бу благочиния, и посольская.

Бинбу, бу военная.

Синбу, бу правосудия.

Гунбу, бу строений (2).» [Леонтьев, 1778, с. 4]

Сноска: Оные бу во всем подобны нашим коллегиям.

В этом примере упоминаются некоторые организации государства, и А. Л. Леонтьев сначала через способ транслитерации перевел 部 в «бу», чтобы сохранить национальный колорит, но понимая, что этого недостаточно для адекватного восприятия текста читателем, русский синолог нашел аналог в родном языке — «коллегия», и таким образом мы узнаем, что 部 представляет собой «министерство государства».

В подобных примерах можно заметить, что переводчик не использовал описательный метод для подробного объяснения функций этих государственных учреждений в развернутом описании. Вместо этого он употреблял соответствия-аналоги, которые позволяли представить предметную семантику реалии в простой, краткой и понятной форме.

Обобщая анализ рассмотренных примеров, отметим, что окказиональные соответствия-аналоги в китайско-русском переводе XVIII века по страноведению Китая встречаются обычно в сносках, выполняя роль пояснения денотативного значения реалии. Выбор такого положения и роли аналогов в русском переводе позволил А. Л. Леонтьеву сохранить национальный колорит китайской культуры в ткани самого текста и при этом достичь адекватного понимания перевода получателем в сносках.

Заключение

В заключение можно сделать вывод, что на первоначальном этапе знакомства одной культуры с другой использование аналогии как способа подбора соответствий для передачи незнакомых реалий является наиболее распространенным переводческим приемом. Транскрипция сохраняет особенности оригинального текста, а аналогия и описание обеспечивают его дальнейшую интерпретацию. В условиях отсутствия устойчивых эквивалентов аналогия является более эффективным способом решения переводческих задач, чем описание. Соответствия-аналоги легче воспринимаются читателями, чем заимствованные слова, и при этом они способны играть практически ту же функциональную роль, что и наименования в оригинале, в отличие от описаний или лексических замен. Учитывая эти преимущества, мы можем сделать вывод, что в сочетании с другими переводческими приемами использование соответствий-аналогов может, во-первых, облегчить читателям первоначальное понимание ранее незнакомой культуры, во-вторых, значительно помогает сделать переводной текст привычным и доступным для получателя, адаптируя передаваемые реалии в принимающей культуре.

Список источников

1. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение : учеб. пособие / под ред. Д. И. Ермоловича. — М. : Р. Валент, 2017. — 407 с.

2. Леонтьев А. Л. Кратчайшее описание городам, доходам и протчему Китайского государства, а при том и всем государствам, королевствам и княжествам, кои китайцам ведомы // Выбранное из китайской

государственной географии, коя напечатана в Пекине на китайском языке при нынешнем хане Кян Луне. — СПб. : Имп. акад. наук, 1778. — 332 с.

3. Чепель Н. П. Прагматические аспекты перевода исторических реалий с русского языка на английский язык : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. — М., 2005. — 114 с.

4. 黑龙江波涛。社稷坛 // 城门、公园、故居。— 2020。[Жертвенник плодов земных // Городские ворота, парки, дома-музеи. — 2020]. — URL : http://www.360doc.com/content/20/0629/21/26561818_921351698.shtml (дата обращения: 10.10.2024).

5. 江山携手。京城九坛——祈谷坛 // 老北京的那些事。— 2019。[9 столичных жертвенников — Жертвенник Царя высшего // Истории в старом Пекине. — 2019]. — URL : http://www.360doc.com/content/19/0912/20/9570732_860647404.shtml (дата обращения: 07.10.2024).

6. 景瑜。馆藏系列 | 光禄寺全宗档案 // 皇史宬。— 2022。[Коллекционная серия: полный архив храма приказа столового // Императорский архивный отдел. — 2022]. — URL : <https://goo.su/BEHH1m> (дата обращения: 01.11.2024).

7. 闻一。北京有哪九坛 // 新湘评论。— 2017。[Какие девять жертвенников есть в Пекине // Синь Сян пинлунь (Обозрение нового Хунаня) : журн. — 2017]. — URL : <https://goo.su/q4j3d> (дата обращения: 09.10.2024).

8. 王郅文。先农坛：见证中国农耕文明的传承 // 中国档案报。— 2024。[Жертвенник пашен: доказательства преемственности китайской земледельческой цивилизации // Чжунго данъань (Китайский архив) : журн. — 2024.]. — URL : <https://goo.su/MrVskgU> (дата обращения: 09.10.2024).

References

1. Komissarov V. N. *Sovremennoe perevodovedenie* [Modern Translation Studies]. Moscow, R. Valent Publ., 2017, 407 p. (In Russian).

2. Leontev A. L. *Kratchaishee opisanie gorodam, dohodam i protchemu Kitaiskago gosudarstva, a pri tom i vsem gosudarstvam korolevstvam i knyazestvam, koi kitaicam svedomi* [A brief description of the cities, revenues and other things of the Chinese state, and also of all states, kingdoms and principalities which are known to the Chinese.]. St. Peterburg, Imp. akad. nauk Publ., 1778, 332 p. (In Russian).

3. Chepel N. P. *Progmaticheskie aspekti perevoda istoricheskikh realii s ruskogo yazika na angliiskii yazik* [Prognatic aspects of translating historical realities from Russian into English]. Dissertation of a candidate of philological sciences: 02.10.20. Moscow, 2005, 114 p. (In Russian).

4. 黑龙江波涛。社稷坛。城门、公园、故居、2020。[Sheji altars. City gates, parks, former homes. 2020]. Available at: http://www.360doc.com/content/20/0629/21/26561818_921351698.shtml (accessed 10.10.2024). (In Chinese).

5. 江山携手。京城九坛——祈谷坛。老北京的那些事、2019。[Nine Altars of the Capital — Pray Valley Altar. *Things in Old Beijing*. 2019]. Available at: http://www.360doc.com/content/19/0912/20/9570732_860647404.shtml (accessed 07.10.2024). (In Chinese).

6. 景瑜。馆藏系列 | 光禄寺全宗档案。皇史宬、2022。[Collection Series: Court of Imperial Entertainments. *Imperial Archives*. 2022]. Available at: <https://goo.su/BEHH1m> (accessed 01.11.2024). (In Chinese).

7. 闻一。北京有哪九坛。新湘评论、2017。[What are the nine altars in Beijing. *Xin Xiang Review*. 2017]. Available at: <https://goo.su/q4j3d> (accessed 09.10.2024). (In Chinese).

8. 王郅文。先农坛：见证中国农耕文明的传承。中国档案报、2024。[Temple of Agriculture: Witness the inheritance of Chinese farming civilization. *China File News*. 2024]. Available at: <https://goo.su/MrVskgU> (accessed 09.10.2024). (In Chinese).

Информация об авторе

Ван Тин — аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания Московского государственного лингвистического университета.

Information about the author

Wang Ting — postgraduate student of the Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University.

Статья поступила в редакцию 05.01.2025;
одобрена после рецензирования 16.01.2025;
принята к публикации 20.01.2025.

Submitted 05.01.2025;
approved after reviewing 16.01.2025;
accepted for publication 20.01.2025.

Иностранные языки в высшей школе. 2025. № 1 (72). С. 54–59.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2025;1(72):54–59.

Научная статья
УДК 811.521
DOI: 10.37724/RSU.2025.72.1.007

Семантико-контекстуальный анализ японских посессивных слов с формантом マイ *my* на основе корпусных данных

Елизавета Олеговна Гераймович

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия
geraimovicheo@mgpu.ru

Аннотация. Цель исследования заключается в описании семантических особенностей группы японских слов со значениями обладания, включающих продуктивный деривационный формант マイ *my*. Семантико-контекстуальный анализ посессивных слов японского языка, образованных с помощью заимствованного из английского языка личного местоимения *my*, проводится впервые на материале корпусных данных. Характеристика семантических особенностей данных слов, реализуемых в различных контекстах, направлена на уточнение лексикографического описания форманта マイ и выявление когнитивных механизмов, стоящих за вербализацией концептуальных отношений личного пространства в современном японском языке. Результаты анализа демонстрируют, что формант マイ , как правило, сочетается с заимствованными словами и используется посессором для акцентуации обладания объектом. Как показало исследование, формант マイ может свободно присоединяться к исконно японским словам, что подтверждает продуктивность этой деривационной частицы.

Ключевые слова: концептуализация, личное пространство, семантико-контекстуальный анализ, посессивные отношения, корпус, японский язык.

Для цитирования: Гераймович Е. О. Семантико-контекстуальный анализ японских посессивных слов с формантом マイ *my* на основе корпусных данных // Иностранные языки в высшей школе. 2025. № 1 (72). С. 54–59. DOI: 10.37724/RSU.2025.72.1.007.

Original article

Semantic-contextual analysis of Japanese possessive words with formant マイ *my* based on corpus data

Elizaveta O. Geraimovich

Moscow City University, Moscow, Russia
geraimovicheo@mgpu.ru

Abstract. The aim of the study is to describe the semantic features of a group of Japanese words that convey possessive meanings, particularly focusing on the productive derivational formant マイ *my*. This study conducts a semantic-contextual analysis of possessive words of the Japanese language formed using the personal pronoun *my* for the first time, utilizing corpus data. The characterization of these words, realized in various contexts, seeks to refine the lexicographic description of the formant マイ and to identify the cognitive mechanisms underlying the verbalization of conceptual relations related to personal space in contemporary Japanese. The analysis reveals that the formant マイ is typically combined with borrowed words and is used by the possessor to emphasize ownership of an object. However, as this study demonstrates, the formant マイ can also be freely attached to native Japanese words, which confirms the productivity of this derivational particle.

Keywords: conceptualizing, personal space, semantic-contextual analysis, possessive relations, corpus, Japanese language.

For citation: Geraimovich E. O. Semantic-contextual analysis of Japanese possessive words with formant マイ *my* based on corpus data. *Inostrannye yazyki v vyshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2025, 1(72); (In Russ.) Pp. 54–59. DOI: 10.37724/RSU.2025.72.1.007.

Введение

Категория посессивности становилась объектом изучения как отечественных, так и зарубежных лингвистов (А. В. Бондарко, А. Е. Кибрик, О. Н. Селиверстова, Х. Сейлор, Б. Хайне, Р. Ультан и др.).

Существуют различные исследовательские подходы к определению посессивности. Западная традиция рассматривает посессивность с точки зрения ономаσιологического подхода как «биокультурный концепт», в который входит система отношений человека с окружающими его в пространстве предметами и лицами. Отечественные лингвисты, в частности А. В. Бондарко и его последователи, понимают под посессивностью функционально-семантическое поле и, в зависимости от атрибутивных и предикативных функций посессивных конструкций, в нем выделяют два центра [Милованова, 2007, с. 95–96].

Посессивность включает в себя совокупность значений, связанных с отношениями собственности и приватизации, в основе которых лежит связь между посессором и обладаемым [Милованова, 2007, с. 95]. Арсенал средств выражения посессивных отношений в различных языках значительно варьирует; их использование определяется рядом факторов, среди которых необходимо выделить особенности культуры и менталитета носителей языка. В фокусе настоящего исследования система посессивных отношений японского языка, а именно посессивные слова с продуктивным формантом マ イ , описывающие отношение обладания посессором того или иного объекта. Рассмотрим, каким образом определяются слова, для которых возможно использование マ イ в качестве средства выражения посессивности, и каким образом マ イ модифицирует лексическое значение этих слов.

Обособление личности и проявления индивидуализма, характерные для Запада, находят иные способы реализации на Востоке [Япония: цивилизация, культура, язык, 2022, с. 9]. Японский язык располагает имплицитными и эксплицитными способами вербализации отношений личного пространства. Оригинальный японский концепт *内 свое* и *外 чужое* регламентирует выбор языковых средств выражения отношений обладания [Гераймович, 2024, с. 256]. Рассмотрим средства вербализации посессивных отношений в японском языке с помощью грамматических конструкций, которые были исследованы лингвистами ранее. По наблюдениям У. П. Стрижак, исходным и единственным грамматическим способом кодирования посессивности в японском языке является генитив [Стрижак, 2024, с. 127]. Проведенные ранее компаративные исследования категории посессивности в японском языке в сопоставлении с айнским языком показали, что ограниченный инструментарий вербализации отношений обладания в японском языке не позволяет передать все значения обладания, для которых существуют языковые способы выражения в других языках [Момоути, 2004, с. 22]. В работе П. В. Гращенкова, посвященной типологии именной посессивности, анализируются и описываются способы маркирования посессивных отношений в различных языках мира. Так, среди способов объективации категории посессивности выделяются аналитическое кодирование, зависимостное маркирование с помощью предлогов, послелогов и клитик, вершинное и вершинно-зависимостное маркирование, согласуемый посессор, слабый генитив и порядок слов [Гращенков, 2007, с. 28].

Таким образом, грамматически стандартный вариант передачи в японском языке отношения принадлежности предполагает генитивную конструкцию *私* *я* + *の* показатель родительного падежа. Однако в современном японском языке имеет место морфологический способ образования слов, включающих посессивные значения, с помощью форманта マ イ , заимствованного из английского языка. Отдельные случаи аналитического кодирования в японском языке мы наблюдаем на примере слова *私好み* *мой любимый, предпочитаемый [вид, предмет и т.д.]*, в котором соположены *私* *я* и *好み* *предпочтение* без дополнительных грамматических показателей. Образование новых слов с помощью форманта マ イ также носит аналитический характер, данный способ кодирования посессивности не требует генитива и модифицирует значение существительного, «присваивая» его посессору. Рассмотрим ряд вхождений письменного корпуса японского языка для описания групп слов, с которыми возможно сочетание данного форманта, с целью определения его семантических характеристик. Объяснительная сила семантического признака поможет получить более точное семантическое описание анализируемых единиц [Методология современных семантических исследований..., 2018, с. 7].

Основная часть

Семантика слов с формантом マ イ и оригинальных средств выражения посессивности

Для анализа семантики слов с формантом マ イ обратимся к лексикографическим источникам на японском языке, выясним, как коррелирует значение английского местоимения *ты* с заимствованным в японском языке формантом マ イ , какие существуют варианты перевода слов и словосочетаний с *ты* средствами японского языка, и далее проведем компонентный анализ вхождений с японскими словами, в составе которых изучаемый формант обозначает принадлежность.

Практический словарь выражений японского онлайн-словаря Weblio описывает употребление английского притяжательного местоимения *my* следующим образом: «Оно используется в случаях, когда необходимо указать на вещь, которая принадлежит говорящему, или подчеркнуть связь между говорящим и неким человеком. Например, “my book” означает “私の本”» [Weblio]. Электронная версия словаря общего назначения Дайдзисэн, представленная сервисом Goo, приводит следующее лексикографическое описание *マイ* *my*: «Морфема, перед другими заимствованными словами *gaiрайго* означает “мой”, “принадлежащий мне”» [Goo]. Однако произошли концептуальные изменения в семантике форманта *マイ* с заимствованием *my* японским языком, расширившие ряд посессивных значений и сместившие фокус с оригинального «мой» в английском языке.

Обратимся к анализу вариантов перевода английского притяжательного местоимения *my* на японский язык, чтобы подтвердить данное утверждение. Результаты поисковой операции в англо-японском словаре Eijiro, предоставляющем доступ к параллельному корпусу переводов слов и словосочетаний, по запросу «*my*» показали 10 142 вхождения. Компонентный анализ 100 вхождений показал, что *my* кодируется оригинальными японскими языковыми средствами, такими как личными местоимениями «я» в сочетании с генитивом, например *私の*, *我が*, а также различными лексическими единицами, в структуре которых значение принадлежности эксплицитно не выражено. Например, *当社* и *弊社* *моя, наша компания*, *拙著* *моя книга*, *моя [скромная] работа* и другие слова, которые относятся к регистру уважительной речи. В синонимическом ряду *私の*, *我が* и *マイ* доминантой является нейтральное *私の*, когда как *我が* *мой, наш, собственный* привносит оттенок патетичности и по этой причине имеет ограничение на лексическую сочетаемость. Например, *我が子* *моё дитя*, *我が家* *мой дом*, *我が国* *моя Родина*, *我が心* *моя душа* и т. д. Таким образом, *我が* модифицирует слова, обозначающие объекты, с которыми у говорящего установлена сильная эмоциональная связь. Варианты обратного перевода на английский язык заимствованных японских посессивных слов, включающих формант *マイ*, не содержат *my*. В качестве примера приведем слово *マイカー* — *my car*, для которого в словаре Eijiro указаны переводы “private car”, “privately owned car”, “family car”, что подтверждает смещение значения с «мой» на «личный», «для личного пользования».

Опираясь на словарные определения и варианты переводов *my* и *マイ* из Eijiro, мы можем заключить, что формант *マイ* используется говорящими для акцентуации факта единоличного обладания объектом в контрасте с другими аналогичными объектами «общего» использования. Анализ контекстов со словами, включающими формант *マイ*, поможет уточнить его семантику и выявить принципы образования посессивных слов.

Компонентный состав групп слов с формантом *マイ*

Первичный анализ, выполненный с помощью онлайн-сервиса Chunagon для письменного корпуса Национального института японского языка (現代日本語書き言葉均衡コーパス BCCWJ), включил ручную обработку 500 вхождений. Общее количество вхождений в корпусе с *マイ* *my* с учетом повторений составило 2 489. На данном этапе работы с материалом корпуса необходимо решить проблему отсеивания вхождений с ошибочной машинной разметкой вследствие омонимии, поскольку в некоторых вхождениях, которые лексически классифицированы системой BCCWJ как *my* и *名詞* *имя существительное*, просматриваются единичные случаи использования японского женского имени *マイ* *Май*. Например,

マイちゃん、あそんであげてね。マイは、リンゴちゃんをだきあげました。 Май-тян, поиграйся. Май обняла Яблочко.

Другим случаем омонимии являются вхождения со словами, записанными катаканой, сегментированные до минимальной единицы *マイ*, которая входит в более крупное слово. Например, слово *お終い* *конец*, для экспрессии записанное катаканой как *オシマイ*, или *マイクラ* *майкура*, сокращение от *マインドクラッシャー* *mind crusher*. Фонетическая и грамматическая омонимия в японском языке нередко осложняет поиск искомого слова среди множества вхождений корпуса.

Данная проблема снимается двумя способами: обязательным условием поиска *マイ* в связке с последующими за ним именами существительными, что поможет отсеять имя собственное и омонимичные части сегментированных слов, и ограничением подкорпусами, доступными для поиска по корпусу BCCWJ. В данном случае регистр коррелирует с лексикой. Например, в подкорпусах газет и журналов из 166 доступных вхождений с *マイ* 118 вхождений включало слова с заимствованным из английского языка компонентом; для подкорпуса книг из 303 вхождения 288 позиций соответственно; для под-

корпусов веб-сервиса Yahoo!Chiebukuro и блогов из 1 101 вхождения 855 позиций с *gaiрайго*. В подкорпусе протоколов заседаний Парламента Японии было обнаружено 7 вхождений и 1 вхождение со словом *マイペース* *my pace* в подкорпусе учебных текстов. Данный результат указывает на основные сферы использования слов с *マイ* в письменной речи — это публицистика, литература и комментарии пользователей на сайтах в сети Интернет.

В целом, результаты количественного анализа вхождений подтвердили, что с формантом *マイ* преимущественно сочетаются заимствованные лексические единицы *gaiрайго*. Число вхождений по условию поиска *マイ* + имя существительное *gaiрайго* составило 1 898 вхождений против 36 вхождений для *マイ* + имя существительное *ваго* и 64 вхождения для *マイ* + имя существительное *канго*.

При отборе материала и формировании условных групп посессивных слов с *マイ* мы руководствовались типологией объектов, которые входят в зону обладания посессора. Таким образом, мы выделили три группы слов, значение которых модифицируется носителями языка формантом *マイ*, им акцентируется ряд посессивных отношений от эксклюзивности и единоличного обладания до обозначения прямой связи с посессором. Для наиболее частотных слов с *マイ* отдельно в скобках мы указали количество вхождений по всему корпусу BCCWJ.

Первую многочисленную группу составляют слова, обозначающие вещественные объекты. В данном случае ключевым является семантический компонент использования и владения объектом. Далее разделим ее на две подгруппы:

1) «личная собственность»: противопоставление аналогичным объектам — арендованным и общественным использованиям. Сюда отнесем следующие примеры вхождений:

– *my home* (199 вхождений в корпусе): *マイホームに向けて、しっかり貯金したい。 сконцентрировавшись на своем собственном доме, [Осава] хочет откладывать побольше денег;*

– *my room*: *マイルームやオフィスのデスク стол в личной комнате или в офисе;*

– *my car* (207 вхождений в корпусе): *マイカー旅行用の素泊まりのミニホテル。 Мини-отель для ночлега для поездок на личном автомобиле;*

2) «личные вещи»: противопоставление одноразовому и совместно используемому. Посессор подчеркивает, что право обладания объектом принадлежит исключительно ему, в таких случаях предмет используется повторно. Эта подгруппа широко представлена предметами быта, кухонными приборами, гигиеническими принадлежностями и другими различными инструментами:

– *my bag* (99 вхождений в корпусе): *お買い物にはマイバッグで毎月5日は「お買い物にはマイバッグ」の日です。 Для покупателей со своим личным шоппером пятого числа каждого месяца День «для Ваших покупок — Ваша сумка»;*

– *マイ食器* *личные столовые приборы и посуда* — *マイはし* *личные палочки для еды*: *まずはあなたのクラス全員で先陣を切って「マイはし」を持参してはどうでしょうか。 Прежде всего, как насчет того, чтобы каждый в вашем классе взял на себя инициативу принести “свои палочки” для еды?,* *マイ麵棒* *своя скалка*: *彼女はいきなりマイ麵棒を持参で餃子をつくり始めた。 Она неожиданно принесла свою собственную скалку и начала делать гёдза,* *マイ鍋* *свой котелок набэ*: *マイ包丁、マイフライパン、マイ鍋* *и т.д. Свой кухонный нож, своя сковородка, свой котелок набэ,* а также *マイスプーン* *my spoon,* *マイフォーク* *my fork,* *マイカップ* *my cup* и другие инструменты;

– *マイ毛抜き* *мои щипчики для волос*: *あたしの斜め前のおっさん、マイ毛抜きでひげをチャッチャと軽快に抜いてます。 Дядька, сидящий по диагонали передо мной, быстро и легко выщипывает свою бороду собственным пинцетом.*

Апеллирование к эксклюзивным характеристикам объекта становится стратегией в маркетинге для обозначения сервисов и продуктов. Ср., например, название капель для увлажнения глаз *マイティアー my tear*.

Вторую группу слов формируем из непредметных, абстрактных объектов, в ней по аналогии с первой группой также выделим две небольшие подгруппы:

1) «индивидуальный стиль жизни»: элементы противопоставления общепринятым нормам, правилам и принципам. Например,

– *my pace* (221 вхождение в корпусе): *これからあるパーティや忘年会を楽しむためにも、マイペースで楽しめます。 И для того, чтобы насладиться грядущими вечеринками и проводами Старого года, будем делать это в своем темпе;*

– *my rule* (64 вхождения в корпусе): *マイルール禁止=自分のルールを押し付けないでね。 Свои правила под запретом = не навязывай свои правила,* в данном случае примечательно перефразирование *マイ* с помощью японского притяжательного местоимения *自分* *я,* *свой* с показателем родительного падежа;

– единичное вхождение со словом マイ花見スポット *my Hanami spot*: 此処はマイ花見スポット。Здесь моя [лучшая, любимая] точка для любования цветами сакуры. Используя マイ, говорящий подчеркивает, что это уникальное место для наблюдения за цветущей сакурой, он нашел его сам и оно во многом положительно отличается от других общественных мест, где любуются цветением;

– единичное вхождение со словом 마이レボリューション *my revolution*, с помощью которого говорящий выразил решимость полностью изменить свою жизнь;

2) «кастомизированные цифровые инструменты»: широкий пласт слов английского происхождения, относящихся к сфере Интернета, компьютеризации и информационных технологий. Например, マイピクチャ — *My picture*, マイペンシル *My pencil*, マイドキュメント *My document* (134 вхождения в корпусе) и другие. Возможны варианты словообразования с японскими словами: マイカゴ *Моя корзина*, マイふるさと *Моя глубинка*, マイ情報 *Моя информация*, マイ保育園 *Мой детский сад*. Встречаются примеры *vasэйэйго* — английского языка, используемого японцами исключительно в японском языке. Например, マイパソコン *My pasokon* (*My personal computer*), сокращенное до マイパソ *My paso*.

В третью группу слов с формантом マイ объединим наименования людей, с которыми связывает себя говорящий: マイパートナー *my partner*, マイガールフレンド *my girlfriend*, マイフレンド *my friend*, マイブラザー *my brother* и другие. Контексты использования данных обращений носят ироничный характер, например: 何か言うことはあるかい、マイフレンド。Тебе есть, что сказать [напоследок], друг мой?

Таким образом, выделенные группы отражают основные сферы личного пространства, для вербальной объективации которых используется эксплицитный маркер possessивности マイ: личный, эксклюзивный характер использования и обладания вещественными предметами в противопоставление общественным и одноразовым аналогам, индивидуальные особенности стиля жизни и кастомизация непредметных объектов, а также личные отношения между посессором и упоминаемым в речи лицом.

Заключение

Результаты проведенного контекстуального анализа вхождений со словами, включающими формант マイ, позволили сформулировать условия его использования и семантический признак «единолично-го обладания объектом». В отличие от иных оригинальных способов передачи значения possessивности, マイ употребляется в речи в случаях, когда говорящему необходимо настоять на персональном обладании объектом, выделить характер использования объекта или подчеркнуть, что он относится к сфере ближайшего личного пространства. Рассмотренные ограничения эксплицитного грамматического инструментала японского языка частично компенсируются лексическими средствами, которые образуются с помощью существующих в современном языке продуктивных деривационных формантов.

Список источников

1. Гераймович Е. О. Отношение к личному пространству в английской и японской лингвокультурах // Казанская наука. — 2024. — № 6. — С. 255–257.
2. Гращенков П. В. Типология possessивных конструкций // Вопросы языкознания. — 2007. — № 3. — С. 25–54. — URL : <https://elibrary.ru/item.asp?id=9521264> (дата обращения: 29.12.2024).
3. Методология современных семантических исследований в развитии и перспективе. — М. : ФЛИНТА, 2018. — 304 с.
4. Милованова М. В. Понятие possessивности: проблемы определения и структуры // Вестник ВолГУ. Сер. 2, Языкознание. — 2007. — № 6. — С. 95–102. — URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-posessivnosti-problemy-opredeleniya-i-struktury> (дата обращения: 29.12.2024).
5. Османов Е. М., Филиппов А. В., Габитова А. И. [и др.]. Япония: цивилизация, культура, язык. — СПб. : Art-xpress, 2022. — 693 с.
6. Стрижак У. П. Агентивный потенциал вторичных актантов в японском предложении (опыт корпусного исследования) // Вестник Московского университета. Сер. 13, Востоковедение. — 2024. — Т. 68, № 1. — С. 117–134.
7. Chunagon : прил. для поиска в корпусе. — URL : <https://chunagon.ninjal.ac.jp/> (дата обращения: 28.12.2024).
8. Eijiro : англ.-яп. слов. — URL : <https://eow.alc.co.jp/> (дата обращения: 28.12.2024).
9. Goo : электрон. слов. сервис. — URL : <https://dictionary.goo.ne.jp/> (дата обращения: 28.12.2024).

10. Momouchi Y. Fundamental Study of Expressions for Inalienable Possession // Proceedings of the Fuzzy System Symposium. — 2006. — Vol. 22. — Pp. 19–24. — URL : https://www.jstage.jst.go.jp/article/fss/22/0/22_0_7/_article/-char/ja/ (дата обращения: 29.12.2024).

11. Weblio : слов. яп. яз. — URL : <https://www.weblio.jp/> (дата обращения: 29.12.2024).

References

1. Geraimovich E. O. Attitudes towards personal space in English and Japanese linguistic cultures. *Kazanskaja nauka* [Kazan science]. 2024, iss. 6, pp. 255–257. (In Russian).

2. Grashchenkov P. V. Typology of possessive constructions. *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the study of language]. 2007, iss. 3, pp. 25–54. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9521264> (accessed 29.12.2024). (In Russian).

3. *Metodologija sovremennykh semanticheskikh issledovanij v razvitii i perspektive* [Methodology of modern semantic research in development and prospects]. Moscow, FLINTA Publ., 2018, 304 p. (In Russian).

4. Milovanova M. V. Concept of possession: problems of definition and structure. *Vestnik VolGU. Ser. 2, Jazykoznanije* [Volgograd State University Review. Ser. 2, Linguistics]. 2007, iss. 6, pp. 95–102. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-posessivnosti-problemy-opredeleniya-i-struktury> (accessed 29.12.2024). (In Russian).

5. Osmanov E. M., Filippov A. V., Gabitova A. I. [et al.]. *Japonija: civilizatsija, kultura, jazyk* [Japan: civilization, culture, language]. St. Peterburg, Art-xpress Publ., 2022, 693 p. (In Russian).

6. Strizhak U. P. Agentive potential of peripheral actants in the Japanese sentence (experience in corpus study). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 13, Vostokovedenije* [Moscow State University Review. Ser. 13, Oriental Studies]. 2014, vol. 68, iss. 1, pp. 117–134. (In Russian).

7. *Chunagon: pril. dlya poiska v korpuse* [Chunagon: application for searching in the corpus]. Available at: <https://chunagon.ninjal.ac.jp/> (accessed 28.12.2024). (In Japanese).

8. *Eijiro: angl.-jap. slov.* [Eijiro: English-Japanese dictionary]. Available at: <https://eow.alc.co.jp/> (accessed 28.12.2024). (In English and Japanese).

9. *Goo: elektron. slov. servis* [Goo: digital dictionary service]. Available at: <https://dictionary.goo.ne.jp/> (accessed 28.12.2024). (In Japanese).

10. Momouchi Y. Fundamental Study of Expressions for Inalienable Possession. *Proceedings of the Fuzzy System Symposium*. 2006, vol. 22, pp. 19–24. Available at: https://www.jstage.jst.go.jp/article/fss/22/0/22_0_7/_article/-char/ja/ (accessed 29.12.2024). (In Japanese).

11. *Weblio: slov. Jap. yaz.* [Weblio: Japanese dictionary]. Available at: <https://www.weblio.jp/> (accessed 29.12.2024). (In Japanese).

Информация об авторе

Гераймович Елизавета Олеговна — аспирант кафедры языкознания и переводоведения, ассистент кафедры японского языка института иностранных языков Московского городского педагогического университета.

Information about the author

Geraimovich, Elizaveta O. — postgraduate student, assistant teacher, Institute of Foreign Languages, Moscow City University.

Статья поступила в редакцию 12.01.2025;
одобрена после рецензирования 21.01.2025;
принята к публикации 29.01.2025.

Submitted 12.01.2025;
approved after reviewing 21.01.2025;
accepted for publication 29.01.2025.

Иностранные языки в высшей школе. 2025. № 1 (72). С. 60–66.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2025;1(72):60–66.

Научная статья
УДК 81'25 + 81'42
DOI: 10.37724/RSU.2025.72.1.008

Позиция российских и китайских переводчиков на заре формирования традиции перевода: сравнительно-исторический подход

Го Цзинхань

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия;
Хулуьньбэрский институт, Хулуьньбэр, КНР
1026645976@qq.com

Аннотация. Позиции переводчиков на первоначальном этапе межъязыкового и межкультурного взаимодействия между Россией и Китаем, отраженные в метатекстах, позволяют выявить формирование переводческой традиции в обеих странах. Используя сравнительно-исторический метод для анализа различных подходов и ценностных ориентаций переводчиков по отношению к исходному и переводному текстам под влиянием культурных и политических причин, мы стремимся исследовать представления переводчиков о собственной роли в трансляции инокультурных смыслов, их понимание назначения перевода в конкретной исторической обстановке. Новизна данного исследования заключается в том, что в нем вводятся в научный оборот три русских предисловия XVIII и XIX веков к переводам с китайского и два китайских метатекста к переводам с русского середины XX века, неизвестные в среде филологов обеих стран. Обозначенные сходства и различия в отношении русских и китайских переводчиков способствуют дальнейшему изучению культурных особенностей переводческих метатекстов.

Ключевые слова: позиция переводчика, традиция перевода, сравнительно-исторический подход, переводческий метатекст, предисловие переводчика, культурный обмен.

Для цитирования: Го Цзинхань. Позиция российских и китайских переводчиков на заре формирования традиции перевода: сравнительно-исторический подход // Иностранные языки в высшей школе. 2025. № 1 (72). С. 60–66. DOI: 10.37724/RSU.2025.69.2.008.

Original article

Russian and Chinese translators' vision of their role at the dawn of the translation tradition: a comparative-historical approach

Guo Jinghan

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia;
Hulunbeier Institute, Hulunbeier, People's Republic of China
1026645976@qq.com

Abstract. The positions of translators at the initial stage of interlingual and intercultural interaction between Russia and China, as reflected in metatexts, allow us to reveal the formation of the translation tradition in both countries. Using methods of comparative-historical analysis to analyse the different approaches and value orientations of translators towards source and translated texts under the influence of cultural and political reasons, we aim to investigate translators' perceptions of their own role in translating foreign cultural meanings and their understanding of the purpose of translation in a particular historical setting. The novelty of this study lies in the fact that it introduces three 18th and 19th century Russian prefaces to translations from Chinese and two Chinese metatexts to translations from Russian from the mid-20th century, which are unknown to philologists in both countries. The outlined similarities and differences in the attitudes of Russian and Chinese translators contribute to the further study of the cultural features of translated metatexts.

Keywords: translator's position, translation tradition, comparative-historical approach, translation metatext, translator's preface, cultural exchange.

For citation: Guo Jinghan. Russian and Chinese translators' vision of their role at the dawn of the translation tradition: a comparative-historical approach. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2025, 1(72); (In Russ.) Pp. 60–66. DOI: 10.37724/RSU.2025.72.1.008.

Введение

Рассмотрение перевода с позиции переводчика означает антропоцентрический подход в современном переводоведении и предполагает изучение подхода, отношения и действий переводчика в процессе создания переводного текста. Эта область научного знания находится на начальном этапе становления, хотя ряд исследователей предпринимали попытки описать лингвально-ментальную сторону переводческих решений в рамках концептуального подхода [Янссен-Фесенко, Вайгель, 2013] или выделить особые характеристики и этапы непосредственно переводческого понимания смысла текста в более широких рамках когнитивного подхода [Федюченко, 2011]. Однако недостатком подобных работ является их прескриптивный характер, отражающий умозрительные построения авторов на примере индивидуальных решений отдельных переводчиков. В противоположность прескриптивному подходу дескриптивный путь в раскрытии природы переводческих решений означает сбор и анализ обширной эмпирической базы метапереводческого дискурса в виде результатов опросов, анкетирования переводчиков, а также в виде предисловий, послесловий, примечаний и иных текстов, созданных, прежде всего, самими переводчиками.

Определяя перевод как «вербальную проекцию этноментального опыта одной лингвокультурной общности через интеграцию ментальных пространств переводчика как представителя другой лингвокультурной общности» [Янссен-Фесенко, Вайгель, 2013, с. 71], авторы справедливо подчеркивают осознание и преодоление переводчиком когнитивной асимметрии двух культур. Подобная задача становится тем сложнее, чем дальше отстоят друг от друга сопоставляемые в процессе перевода языки и культуры. Рассмотрение высказываний переводчиков при решении подобных задач требует как синхронного, так и диахронического изучения, поскольку последнее позволяет изучить начальный этап межъязыкового и межкультурного контакта двух стран сквозь призму позиции переводчика. Именно такой взгляд в историю переводов в китайско-русской паре языков находится в фокусе внимания данной статьи.

Сравнительно-исторический подход — это широко используемый аналитический метод в исторических исследованиях, который предполагает систематическое сопоставление однородных исторических явлений в разных обществах, культурах, странах или периодах времени для более полного понимания природы этих явлений. Поскольку метапереводческий дискурс — это тоже историческое и культурное явление в разных странах, мы решили применить к нему сравнительно-исторический метод и в качестве материала выбрали предисловия первых переводов с китайского на русский в XVIII–XIX веках, а также вертикальные предисловия и послесловия некоторых из первых переводов с русского на китайский в середине XX века. В этой связи следует отметить, во-первых, неизученность подобных текстов в филологии и необходимость введения их в научный оборот, во-вторых, важность развития диахронического подхода к метапереводческому дискурсу переводческих предисловий и послесловий, в-третьих, разработку понятий «позиция переводчика» и «национальная переводческая традиция» в современном переводоведении.

Цель нашей работы — выявление сходств и различий между китайскими и русскими взглядами на перевод в начальный период межъязыковой и межкультурной коммуникации России и Китая. Новизна подобного исследования заключается в попытке проследить эволюцию метапереводческого дискурса на примере отношения переводчиков к преодолению когнитивной асимметрии двух культур.

Анализ первых русских предисловий к переводам с китайского языка

Прежде чем приступить к анализу позиций русских и китайских переводчиков как отражения переводческой традиции через предисловия и послесловия к ранним переводам, необходимо представить исторический фон и причины появления переводов с китайского языка в России и переводов с русского языка в Китае.

Первые китайско-русские переводы появились в России в XVIII веке: именно тогда в России были заложены основы для подготовки китаеведов. Петр I активно развивал контакты с Западной Европой и перенес в Россию европейскую «китайскую горячку» [Бай Жосы, 05.12.2018], что вызвало у русских ученых желание собрать и опубликовать материалы о Китае. Культурный феномен «китайской горячки» также известен как «китайский стиль» [Там же, 05.12.2018]. В то же время с 1715 года Россия отправляла в Китай православных миссионеров, и в эту эпоху миссионеры и ученые выступали переводчиками после нескольких лет работы в Китае, что создало определенную среду для изучения китайской культуры в России. На этот период времени приходится деятельность одного из самых известных русских китаеведов — Алексея Леонтьевича Леонтьева, опубликовавшего более 20 переводов, которые

составили пятую часть трудов по китайской тематике [苏俄中国学手册 [Пособие по российскому и советскому Китаеведению], 1986, 105 页], изданных в России в XVIII–XIX веках. В наше исследование включены его переводы «Депей Китаец», китайское название которого 孟子 Мэн Цзы, и «Тайцин Гурунь и Ухери Коли» — 大清律和大清会典 Да Цин Люй и Да Цин Хуэй Дьянь.

«Депей Китаец» был опубликован в 1771 году, а предисловие к этому переводу, названное переводчиком «Любопытному читателю», состоит всего из нескольких очень коротких предложений, которые мы приводим здесь: *Китайская книга, с которой следует мой перевод, содержит материю мудрёную, по коей понятно перевести оную может только хороший философ доброй, а не простой человек, который философских терминов не знает, как я. По чему думаю, невразумительных и темных речей в переводе сем същется не мало. Я переводил эту книгу, желая только уведомить вас, сколько могу, о китайцах, как их ученые люди о предложенной здесь материи рассуждают* [Депей Китаец, 1771, с. 1].

В этом кратком предисловии переводчик не дает подробного описания самого произведения, но через использование слов «материю мудрёную», «философские термины», «о предложенной материи рассуждают» передает свое понимание данного китайского произведения как философского. Переводчик явно подчеркивает, что он «простой человек, который философских терминов не знает» [Депей Китаец, 1771, с. 1], поэтому в процессе перевода встречается множество трудных для понимания выражений и слов. Это говорит о том, что на заре межкультурных контактов России с Китаем переводчик располагал определенными знаниями и суждениями о содержании оригинала, и, хотя он осознавал свою недостаточную компетентность, он все же активно пытался приобщить других к иноязычной культуре. А его признание в недостатке своих знаний в предметной области отражает скромность его характера и видение своей роли всего лишь как посредника в передаче чужих идей.

Теперь мы обратимся к еще одному предисловию переводчика в русском тексте Тайцин Гурунь и Ухери Коли — труду по древнекитайскому праву. Как и вышеупомянутое произведение, он был переведен и издан в Санкт-Петербурге в XVIII веке А. Л. Леонтьевым, с той лишь разницей, что предисловие к предыдущему произведению было очень коротким, всего несколько строк, а к этому — более длинным, почти три страницы.

Перевод Тайцин Гурунь и Ухери Коли был опубликован в России в 1781–1783 годах, переводчик включил в него предисловие автора оригинального текста, а между предисловием автора и основным текстом написал предисловие к переводу. Предисловие переводчика содержит краткое введение в содержание, подробное описание древнекитайской государственной иерархии, изложение подхода к переводу. Описание иерархической структуры китайского общества, которое переводчик приводит на основе собственных знаний и сопоставления с русской социальной структурой, указывает на то, что осознанное сопоставление сходств и различий между культурами зародилось в русской переводческой традиции уже на раннем этапе. В предисловии переводчик прямо пишет, что снабдил свой перевод пояснением незнакомых китайских понятий: *...и протчему, которых переводить не должно, или же некоторых и не можно; я, объяснявши опыт при переводе моём порознь, на собственных начальных их местах ремарками, и видя по частым встречам с ними, что должен для вас или повторять объяснения ремарками, или указывать переведённые страницы...* [Тайцин Гурунь и Ухери Коли, 1781–1783, с. 19] Этот фрагмент отражает уважение переводчика к исходному тексту, и «то, что не должно или не может быть переведено», будет сохранено в полном объеме в соответствии с оригинальным текстом, и даже исходные предложения и отрывки будут сохранены — так переводчик демонстрирует верность оригиналу. При переводе этой книги А. Л. Леонтьев применяет более гибкий подход. К примеру, при длинных описаниях культурно-специфичной информации он с учетом фактической ситуации объясняет читателям, какие материалы он сохранил и где сделал примечания, дабы удовлетворить их любопытство. А иногда в случае необходимости повторяет объяснения или отмечает место примечаний, чтобы читатели смогли понять порядок построения перевода и соображения переводчика.

Стоит также отметить одну интересную деталь: в тексте переводчик обращается к аудитории как к «любопытным читателям», что предполагает желание читателей познакомиться с неизвестными фактами и культурой, и в то же время показывает его собственное стремление служить читателям. Примечательно, что в начале текста переводчик также называет себя «любопытным читателем», чтобы подчеркнуть, что в процессе перевода он не просто переводит текст, но и стремится глубже вникнуть в содержание китайской книги. Любопытность побуждает переводчика лучше понять и передать смысл оригинального текста. Кроме того, одинаково характеризуя себя и своих читателей, переводчик тем самым не отделял себя от получателя своего перевода, что способствовало сближению его с читателями и показывало, что они вместе активно участвовали в познании иной культуры.

Известно, что «Руководство к добродетели» (道-Дао 德-Дэ 经-Цзин), труд китайского ученого Лао-цзы, является одним из самых переводимых произведений в мире, а его идеи оказали широкое и далеко идущее влияние на весь мир. Известный русский писатель Лев Николаевич Толстой перевел несколько глав этой книги в 1890-х годах вначале с немецкого перевода, а потом с оригинала совместно с японским синологом и переводчиком Масутаро Кониси. Однако Лев Толстой был не первым, кто перевел этот труд в России: согласно историческим данным, перевод полного текста «Руководства к добродетели» был завершен еще в 1828 году священником Даниилом Северовым. Это первый русский перевод труда Лаоцзы, рукописный экземпляр которого хранится в Российской государственной библиотеке, а предисловие к нему послужило материалом для нашего исследования.

Переводчик представляет самого Лаоцзы и обстановку времени Лаоцзы в предисловии и анализирует процесс формирования мысли Лаоцзы в его учении. В предисловии Даниил Северов рассказывает о Лаоцзы, говоря: *Лао-цзы, современник Конфуция, только старшие его летами, родился в низком состоянии* [Руководство к добродетели, 1840-е, л. 2]. Видно, что во времена переводчика Конфуций уже вошел в поле зрения русских литераторов, поэтому соединение Конфуция и Лаоцзы может побудить читателя к сравнению и осмыслению идей обоих. В то же время переводчик желает помочь читателю лучше понять исторический фон и окружение Лаоцзы с помощью описания эпохи, в которой жил Конфуций. Впоследствии переводчик пишет: *Наскучивая шумом житейской молвы, он часто уклонялся в уединение, где на свободе занимался созерцанием тайн человеческого сердца и записывал свои мысли в свиток* [Руководство к добродетели, 1840-е, л. 3]. Именно так, с точки зрения переводчика, выглядел процесс написания «Руководства к добродетели».

В своем предисловии переводчик подтверждает мудрость Лаоцзы и ценность его учения, доказывая, что Лаоцзы пришел к такому глубокому учению, наблюдая и обдумывая существо и природу человека, но в то же время он указывает на недостатки учения Лаоцзы, например, неправильность суждения из-за односторонних взглядов. Даниил Северов как первый переводчик, соприкоснувшийся с этой великой китайской работой, с позиции критика описывает отношение китайцев к Лаоцзы и смело отрицает часть его идей. Он со всей строгостью православного мыслителя указывает русскому читателю, как понимать «Руководство к добродетели» с позиции христианства, и с точки зрения переводчика кратко объясняет, как он решил проблемы, которые возникли в процессе перевода.

На материале метатекстов этих двух переводчиков мы обнаружили, что первые русские переводчики с китайского осознанно знакомили читателей с экстралингвистической информацией, связанной с китайской культурой. Все они выражали определенную степень уважения к исходному тексту. Разница между ними заключается в том, что в книге «Депей Китаец» переводчик обращает особое внимание на трудности переложения оригинала на другой язык, в то время как в двух других предисловиях пишут не о трудностях перевода, а о том, как осуществлялась передача непонятных частей содержания. Следует сказать, что в предисловиях к двум переводам XVIII века А. Л. Леонтьева «Гайцин Гурунь и Ухери Коли» и «Депей Китаец» отсутствует глубокая оценка самого текста оригинала, тогда как в предисловии к «Руководству к добродетели» XIX века переводчиком дается более полная оценка мыслей автора китайского труда. Таким образом, мы можем рассматривать традиционный элемент современных переводческих метатекстов, содержащий оценку текста оригинала и авторских идей, как отдельный этап в процессе формирования переводческой традиции и повышения профессионального уровня русских переводчиков с китайского в XVIII–XIX веках.

Анализ первых китайских предисловий к переводам с русского языка

Перевод русских произведений в Китае появился гораздо позже, чем распространение китайских произведений в России: первый русско-китайский перевод был опубликован в 1903 году. Интересно отметить, что большинство ранних переводов с русского были выпущены без предисловия. Если попытаться проследить причину этого, то она в основном связана с историческим периодом, когда Китай находился в состоянии внутренних потрясений и войн. Из-за беспокойной социальной ситуации издательские стандарты по публикации литературных произведений еще не были выработаны, а многие переводы были потеряны в условиях войны. В отличие от Китая к моменту прихода китайских произведений в Россию в XVIII веке страна находилась в относительно стабильном социальном положении, в то время как Китай даже в начале XX века оставался в состоянии «закрытой изоляции», отказываясь принимать иностранные культуры. Это привело к тому, что русские переводы появились в Китае почти на полтора века позже, чем переводы китайских произведений в России. Перед анализом первых русско-китайских переводов с предисловиями или послесловиями необходимо дать краткое описание

выбранных материалов и причин их отбора. Материалы нашего исследования включают два перевода: «Лето» (1946) и «Об одном поэте» (1953). Оба они были опубликованы в середине XX века, а их издание отличается вертикальной печатью, что явно доказывает, что эти переводы являются самыми ранними опубликованными переводами в Китае. Здесь следует подчеркнуть, что вертикальный тип письма колонками справа налево — это более древний, исконно-национальный вид китайской письменности. Под влиянием западной культуры в середине 1950-х годов китайский печатный и письменный стили постепенно изменились с вертикальных на горизонтальные доски, и к концу 1950-х годов печатный способ в материковом Китае стал полностью горизонтальным.

Перевод сочинения М. Горького «Лето» вышел в 1946 году с предисловием самого переводчика — Сюэ Фэна. И хотя его имя уже не упоминается в современных китайских текстах, тем не менее это не может стереть ту важную роль, которую он сыграл в становлении китайской переводческой традиции. В начале предисловия автор упоминает, что его прежний перевод более чем десятилетней давности сопровождался ошибками и плохим качеством письма. Недовольство и чувство вины за тот перевод переполняют переводчика, он пытается найти способ исправить положение, что отражает выросшую самооценку переводчика, его повысившееся требование к качеству перевода и его способность к рефлексии. Даже в условиях плотного распорядка дня, потери материалов и многих других трудностей, следуя идее совершенствования перевода, он демонстрирует стремление к созданию совершенства в надежде предложить читателям более точный и качественный перевод. Далее переводчик кратко описывает основное содержание произведения, условия, в которых оно было создано, и творческий архетип автора оригинала. В данном случае мы, китайские читатели, знакомимся с двумя главными героями произведения, с их личностными качествами. Так переводчик осознает и показывает, что ценность переведенного произведения заключается не только в передаче содержания, но и в воздействии на читателей. Подобный подход обнаруживает не просто осознание переводчиком своей ответственности перед читателем, но, главное, раскрывает назначение перевода в китайском обществе — оказывать идейное влияние на получателей перевода. В целом, этот аспект переводческого метатекста воплощает в себе позицию, ориентированную на читателя.

Изданный в 1953 году перевод другого произведения М. Горького «Об одном поэте» был выполнен Чжан Ци, имя которого в современном Китае больше не известно. В этом переводе вместо предисловия мы видим послесловие, которое служит аналогичной цели. Оно называется «Послесловие к переработке» и отличается от других послесловий тем, что не дает никакого введения к самому оригинальному произведению. Как пишет переводчик в первых строках: *Различия между данной версией и предыдущими версиями заключаются в следующем...** [一个诗人的故事[Об одном поэте], 1953, 233 页] Далее приводятся четыре пункта. Первый и второй пункты подчеркивают, что переводчик использовал в качестве исходного текста первый том 30-томного собрания сочинений М. Горького, опубликованный Московским государственным литературно-художественным издательским управлением в 1949 году, и дополнил недостающие фрагменты в прежней версии, чтобы сделать структуру произведения более полной. Такое признание переводчика показывает его квалифицированный подход к выбору оригинала и стремление к точному представлению произведения в том виде, в котором оно было изначально написано. В третьем пункте переводчик говорит, какие лексические изменения он вносит в некоторые слова оригинала, например, заменил Нью Ци Гай на Нью Ци Эр как более тактичное обозначение нищей женщины. Это свидетельствует о внимании переводчика к деталям и его стремлении улучшить перевод, чтобы предоставить читателям более качественное восприятие. В последнем пункте послесловия переводчик пишет, что различные статьи были пересмотрены по случаю переработки издания, и в перевод было внесено довольно много изменений, но нельзя полагать, что в нем больше нет ошибок или неверных переводов, потому что его (переводчика) уровень владения русским языком еще очень низкий [一个诗人的故事[Об одном поэте], 1953, 233–234 页]. Похожие слова мы встречаем в предисловии русского переводчика XIX века к «Дао дэ цзину», и представляется, что, помимо смирения переводчика, на ранней стадии развития межъязыкового и межкультурного контакта не менее примечательным является его осознание асимметрии двух языков, глубинных различий культур и связанную с этим невозможность быть уверенным в точности собственного перевода из-за отсутствия предыдущего опыта.

С помощью послесловия переводчика мы узнаем, что представленная нам версия этой работы была пересмотрена и исправлена. Что касается предшествующего перевода и того, был ли он опубликован или сопровождался предисловием / послесловием переводчика и т. д., то, к сожалению, такой информации нет, потому что он не сохранился.

* Перевод наш. — Ц. Г.

Анализируя предисловия к этим русско-китайским переводам, мы можем заключить, что на заре формирования переводческой традиции китайские и русские переводчики занимали одинаковую позицию, что они придавали большое значение качеству перевода, а также считали свою роль довольно скромной. В отличие от русских предисловий оба китайских метатекста имеют разные фокусы. Например, переводчик «Лета» сосредоточен на влиянии произведения на читателя. Послесловие переводчика к переводу «Об одном поэте» посвящено языковой адаптации произведения без особого учета влияния на читателя.

Заключение

В результате проведенного исследования установлено, что на заре становления переводческой традиции китайские и русские переводчики, хотя и принадлежали к разным культурным средам, демонстрировали много общего в своих взглядах и позициях. Обе стороны стремились к распространению культуры — ознакомлению с китайской культурой в китайско-русском переводе или обработке соответствующей информации в русско-китайском переводе — что, безусловно, способствовало культурному обмену. При обращении с оригинальным текстом все переводчики выражали уважительное отношение к оригиналу и верность исходному тексту. В то же время они стремились совершенствовать методы своей работы и постоянно адаптировали, улучшали переводы для повышения точности. Все они несли ответственность за читателей, обращали внимание на их потребности и чувства и стремились обеспечить высокое качество текста.

Существуют также некоторые различия в позициях и взглядах китайских и русских переводчиков, например, в отношении глубины оценки оригинала. Русские переводчики XVIII века не давали глубокой оценки исходного текста, и это продолжалось до начала XIX века, когда стали появляться первые элементы критического взгляда на оригинал. Китайские переводчики на заре перевода с русского языка больше внимания уделяли качеству перевода и воздействию на читателей, а глубину мысли оригинала оценивали меньше.

С точки зрения направленности метатекстов и их тем, русские переводчики сосредоточены на создании атмосферы заинтересованности, желании услужить читателям, а субъектом выражения в основном является сам переводчик. В то время как китайские переводчики уделяют внимание самым разным темам, при этом они больше фокусируются на корректировке произведений и влиянии на читателей. Эти различия отражают особенности переводчиков двух стран на начальном этапе межъязыкового и межкультурного взаимодействия, обусловленные культурными факторами, а также закладывают основу для дифференциации последующих путей развития перевода.

Хотя в данном исследовании упоминаются пять предисловий и послесловий (к трем русско-китайским переводам и к двум китайско-русским переводам), они являются редкими и мало изученными текстами в силу определенных исторических причин, включая политические, культурные, социальные и другие влияния. На основании этого можно сказать, что они достаточно репрезентативны для материалов исторической эпохи и позволяют сделать довольно интересные выводы.

Список источников

1. Леонтьев А. Л. Дпей китаец / пер. с кит. на рос. яз. А. Леонтьевым. — СПб. : [Тип. Акад. наук], 1771. — 50 с.
2. Леонтьев А. Л. Тайцин гурунь и Ухери коли, то есть все законы и установления китайского (а ныне манжурского) правительства / пер. с манжур. на рос. яз. А. Леонтьевым. — СПб. : При Импер. акад. наук, 1781–1783. — 398 с.
3. Северов Д. П. Руководство к добродетели, почерпнутое из самых начал естественного разума или нравственная философия Лао-цзыя : [рукоп.] / пер. с кит. яз. ; правка Д. (Северова). — [Б. м.] : [1840-е]. — 100 [из них 2 чист.] л.
4. Федюченко Л. Г. Переводческое понимание смысла текста: постановка проблемы // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. — 2011. — № 1. — С. 116–119.
5. Янссен-Фесенко Т. А., Вайгель А. Л. Перевод в структуре ментального пространства: концептуальный подход // Язык и культура. — 2013. — № 4 (24). — С. 66–76.
6. 白若思: 俄罗斯的中国艺术和“中国风格”与中俄关系的发展 (17 - 18 世纪) // 复旦大学文史研究院讲稿. — 2018. [Бай Жуосы: китайское искусство и «китайский стиль» в России и развитие китайско-русских отношений (XVII–XVIII вв.) // Тезисы лекций в Институте литературы и истории Фуданьского университета. — 2018]. — URL : <https://iahs.fudan.edu.cn/info/1165/2659.htm> (дата обращения: 15.12.2024).

7. 俄苏中国学手册：中国社会科学院文献情报中心编著。— 中国社会科学出版社 1986 年 7 月。—1050 页。[Пособие по российскому и советскому Китаеведению / под ред. центра документации и разведки Кит. акад. обществ. наук. — 1986, июль. — 1050 с.]

8. 夏天：高尔基选集：高尔基著：雪峰译。—上海：上海出版社 1946 年 6 月第一版。—260 页。[Лето: Избранные произведения Горького: автор Горький / пер. Сюэфэн. — 1-е изд. — Шанхай : Шанхай. изд-во, 1946. — 260 с.]

9. 一个诗人的故事：高尔基著：章其译。—上海：上海出版社 1953 年修改重排第一版。—120 页。[Об одном поэте: (Русский) Горький / пер. Чжан Ци. — Изд. перераб. и доп. — Шанхай : Шанхай. изд-во, 1953. — 120 с.]

References

1. Leontiev A. L. *Depei Kitayets* [перевод на английский]. Transl. from Chinese into Russian by A. Leontiev. St. Petersburg, [Tip. Acad. nauk Publ.], 1771, 50 p. (In Russian).

2. Leontiev A. L. *Tay Gurun i Ucheri — eto kitayskiye blagosloveniya i blagosloveniya (i novyy man'chzhurskiy) zakon* [Taiqing gurun and Uheri koli, i.e. all laws and regulations of the Chinese (and now Manchurian) government]. Transl. from Manchurian into Russian by A. Leontiev. St. Petersburg, Imp. acad. nauk Publ., 1781–1783, 398 p. (In Russian).

3. Severov D. P. *Pocherk uchitelyam, nachinaya s samoy yestestvennoy ili fundamental'noy filosofii Lao-Tszy: [rukop.]* [Guide to virtue, drawn from the very beginnings of natural reason or moral philosophy of Lao Tzuya [manuscript]]. Transl. from Chinese, ed. by D. (Severov). [B. m.], [1840s], 100 [including 2 blank] l. (In Russian).

4. Fedyuchenko L. G. Translation understanding of the meaning of the text: problem statement. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya* [Bulletin of Tyumen State University. Humanitarian researches]. 2011, no. 1, pp. 116–119. (In Russian).

5. Janssen-Fesenko T. A., Vaigel A. L. Translation in the structure of mental space: a conceptual approach. *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture]. 2013, no. 4 (24), pp. 66–76. (In Russian).

6. 白若思：俄罗斯的中国艺术和“中国风格”与中俄关系的发展（17–18 世纪）。复旦大学文史研究院讲稿，2018。[Rostislav Berezkin: Chinese art and ‘Chinese style’ in Russia and the development of Sino-Russian relations (XVII–XVIII centuries). *Theses of lectures at the Institute of Literature and History, Fudan University*. 2018]. Available at: <https://iahs.fudan.edu.cn/info/1165/2659.htm> (accessed 15.12.2024). (In Chinese).

7. 俄苏中国学手册：中国社会科学院文献情报中心编著。中国社会科学出版社 1986 年 7 月、1050 页 2。[*Handbook of Russian and Soviet Chinese Studies*. Ed. by the Documentation and Intelligence Center of the Chinese Academy of Social Sciences. 1986, July, 1050 p.] (In Chinese).

8. 夏天：高尔基选集：高尔基著：雪峰译。上海：上海出版社 1946 年 6 月第一版、260 页。[Summer: Selected Works of Gorky: by Gorky. Transl. by Xuefeng. 1st ed. Shanghai, Shanghai Publ. House, 1946, 260 p.] (In Chinese).

9. 一个诗人的故事：高尔基著：章其译。上海：上海出版社 1953 年修改重排第一版、120 页。[The story of a poet: by Gorky. Transl. by Zhang Qi. Rev. and rearran. 1st ed. Shanghai, Shanghai Publ. House, 1953, 120 p.] (In Chinese).

Информация об авторе

Го Цзинхань — аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания Московского государственного лингвистического университета; преподаватель кафедры русского языка Хулуьньбэрского института КНР.

Information about the author

Guo Jinghan—postgraduate student of the Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University; Lecturer at the Hulunbeier Institute of the People's Republic of China.

Статья поступила в редакцию 12.01.2025;
одобрена после рецензирования 29.01.2025;
принята к публикации 01.02.2025.

Submitted 12.01.2025;
approved after reviewing 29.01.2025;
accepted for publication 01.02.2025.

Иностранные языки в высшей школе. 2025. № 1 (72). С. 67–75.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2025;1(72):67–75.

Научная статья
УДК 811.521
DOI: 10.37724/RSU.2025.72.1.009

**Японская адресивная вежливость
в предположительном и пригласительном наклонениях:
корпусное исследование**

Наталья Алексеевна Соломкина
Институт языкознания РАН, Москва
nataliya.solomkina@gmail.com

Аннотация. В статье исследуются частотность, функции и прагматические особенности употребления адресивных форм в презумптиве и гортативе, а также их отличия от традиционного понимания вежливости как выражения уважения к собеседнику. Работа впервые систематически исследует адресивные формы презумптива и гортатива на корпусных данных, также проводится контрастивное сопоставление японских и русских форм вежливости с использованием параллельных текстов.

Наше исследование демонстрирует, что в предположительном и пригласительном наклонениях адресивные формы встречаются значительно чаще, чем в изъявительном наклонении, что ставит под вопрос их использование исключительно для выражения вежливости по отношению к адресату. Примеры из параллельных японско-русских текстов показывают, что употребление адресива может быть обусловлено прагматическими факторами, такими как маркирование общего знания или смягчение директивов, а не социальным дейксисом. Кроме того, анализ гендерного аспекта употребления адресивных форм не выявил значительных различий между мужчинами и женщинами. Работа опирается на данные Сбалансированного корпуса современного японского языка (BCCWJ), Корпуса разговорного японского языка (CSJ) и параллельных русско-японских корпусов. Результаты подчёркивают необходимость учитывать контекстуальные и жанровые особенности при интерпретации адресивной вежливости, а также различия между японской и русской системами вежливости при переводе и преподавании.

Ключевые слова: японский язык, вежливость, прагматика, презумптив, гортатив, корпусное исследование, параллельный корпус.

Для цитирования: Соломкина Н. А. Японская адресивная вежливость в предположительном и пригласительном наклонениях: корпусное исследование // Иностранные языки в высшей школе. 2025. № 1 (72). С. 67–75. DOI: 10.37724/RSU.2025.72.1.009.

Original article

**Japanese addressee-directed politeness
in the presumptive and hortative moods: a corpus study**

Solomkina Natalia
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow
e-mail: nataliya.solomkina@gmail.com

Abstract. The article examines the use of addressee-oriented politeness markers in the presumptive and hortative moods (deshoo and -mashoo) in the Japanese language based on corpus analysis. The study demonstrates that addressee-oriented politeness markers occur significantly more often in the presumptive and hortative moods than in the indicative mood, questioning their exclusive use for expressing politeness towards the listener. Examples from parallel Japanese-Russian texts show that the use of addressee-oriented politeness markers may be influenced by pragmatic factors, such as marking shared knowledge or mitigating directives, rather than social deixis. Furthermore, an analysis of the gendered aspect of addressee-oriented forms usage did not reveal significant differences between men and women. The work is based on data from the Balanced Corpus of Contemporary Written Japanese (BCCWJ), the Corpus of Spontaneous Japanese (CSJ), and parallel Japanese-Russian corpora. The results highlight the importance of considering contextual and genre-specific features when interpreting addressee-oriented politeness, as well as the differences between Japanese and Russian systems of politeness in translation and teaching.

Keywords: Japanese, politeness, pragmatics, presumptive, hortative, corpus study, parallel corpus.

For citation: Solomkina N. A. Japanese addressee-directed politeness in the presumptive and hortative moods: a corpus study. *Inostrannyye yazyki v vysshey shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2025, 1(72); (In Russ.) Pp. 67–75. DOI: 10.37724/RSU.2025.72.1.009.

Введение

Японский язык обладает сложной системой вежливости, которая выражается как с помощью грамматических, так и с помощью лексических средств. Традиционно у глаголов выделяют такие формы вежливости, как гоноративные (почтительные, *sonkeigo*), депрециативные (скромные, *kenjoogo*) и адрессивные (*teineigo*) [Алпатов, 1973 ; Wetzel, 2004]. В данной работе рассматривается только адрессивная вежливость, то есть вежливость по отношению к слушающему. В глагольных формах она передается с помощью показателя адрессива *-mas/-imas-* или глагола-связки *desu*, и в самом общем смысле (относительно направленности на адресата) она сходна с вежливым обращением на «вы» в европейских языках (хотя употребление их не всегда совпадает, подробнее см.: [Алпатов, 1973, Соломкина, 2024]). Также необходимо отметить, что в японском языке употребление местоимений второго лица зачастую избегается по соображениям вежливости [Helmbrecht, 2013].

Выбор адрессивной или простой (неадрессивной) формы определяется относительным положением говорящего и адресата в социальной иерархии, а также принадлежностью к кругу «своих» или «чужих» (психологической близостью к говорящему). (см. табл. 1. Адрессивные формы, как правило, употребляются по отношению к высшим и равным чужим, а также могут быть употреблены при комбинации признаков «свой-высший» и «чужой-низший»). За основу для русского языка взята схема употребления «ты/вы» в европейских языках из классической работы Брауна и Гилмана [Brown, Gilman 1960]. Для японских форм за основу взяты критерии употребления из «Категорий вежливости в современном японском языке» [Алпатов, 1973], однако они были дополнены в соответствии с современным узусом в статье [Соломкина, 2024]. Серым цветом в таблице 1 выделены ячейки, где возможны колебания при выборе форм.

Таблица 1

Адрессивные формы японских глаголов в устной речи в заключительной позиции, совмещенные с местоимениями «ты»/«вы» на основании признаков «высший-равный-низший» и «свой-чужой» (на основе [Соломкина 2024, с. 154])

	Свои	Чужие
Высший	Адрессив/неадрессив, <i>Ты/Вы</i>	Адрессив <i>Вы</i>
Равный	Неадрессив <i>Ты</i>	Адрессив <i>Вы</i>
Низший	Неадрессив <i>Ты</i>	Адрессив/неадрессив <i>Ты/Вы</i>

Выбор адрессивных и неадрессивных форм в японском языке может, помимо прочих факторов, быть обусловлен разной частотностью употребления тех или иных глагольных форм в сочетании с адрессивом. Ранее исследователи указывали на то, что формы предположительного наклонения (презумптива) и пригласительного наклонения (гортатива) употребляются с показателем адрессива чаще остальных, в том числе и в потоке речи среди неадрессивных форм (см., например, [Алпатов, 1973, с. 24]). Презумптив в японском образуется аналитически с помощью присоединения связок *daroo* (неадрессивная) или *deshoo* (адрессивная). Пригласительное наклонение (гортатив) образуется синтетически с помощью показателя *-oo/-yoo* [Алпатов, Аркадьев, Подлесская, 2008, с. 88], при этом в глаголе может присутствовать суффикс адрессива: *tabe-mash-yoo* ‘давайте есть’.

Хан Вон Хён [2014] рассматривает адрессивную форму презумптива в первую очередь как прагматический маркер общего знания и считает, что в этом случае она не передает значение адрессивной вежливости. Исао Иори [Иори, 2009] также указывает, что японское предположительное наклонение имеет две функции: собственно предположение и запрос подтверждения. И в естественной речи *deshoo* используется значительно чаще именно во второй функции, см. пример (1).

(1) Олимпиада будет успешной, верно?

<i>Orinpikku</i>	<i>wa</i>	<i>seikoo</i>	<i>su-ru</i>	<i>deshoo</i>	<i>ka?</i>
Олимпийские игры	TOP	успех	делать-PRS	COP.ADR-PMT	Q

大丈夫でしょう。ずいぶん前から準備していますから。

<i>Daijoubu</i>	<i>deshoo.</i>	<i>Zuibun</i>	<i>mae</i>	<i>kara</i>
в.порядке	COP.ADR-PMT	достаточно	раньше	с
<i>junbi-shi-te</i>	<i>i-mas-u</i>	<i>kara.</i>		
подготовка-VRB-CNV	PRG-ADR-PRS	потому, что		

‘— Олимпиада будет успешной?’

— Все будет в порядке. Подготовка идет уже давно.’ [Иори, 2009, с. 63].

Что касается пригласительного наклонения, Морроу [Morrow, 2015] указывает, что оно часто используется вместо императивных форм как директив на вывесках и знаках, так как японцы предпочитают для выражения директивов наиболее мягкие, наименее ликоугрожающие (по Браун-Левинсону [Brown, Levinson, 1987]) формулировки. С этим желанием смягчить директивность может быть связано употребление показателя адрессива в подобных случаях «по умолчанию».

(2) 空き缶の抜き取りをやめましょう

<i>akikan</i>	<i>no</i>	<i>nukitori</i>	<i>wa</i>	<i>yame-mash-oo</i>
пустая.банка	GEN	кража	TOP	прекратить-ADR-HOR

‘Давайте перестанем красть пустые жестяные банки’ (на площадке для переработки жестяных банок) [Morrow, 2015, с. 83].

В свою очередь В. М. Алпатов [Алпатов 1973, с. 25–26] даже предлагает рассматривать адрессивные формы презумптива и гортатива как немаркированные члены оппозиции. Также принято считать, что употребление адрессивных форм презумптива и гортатива скорее присуще женской речи [Ibid.], и в целом женщины склонны использовать более вежливые формы [Wetzel, 2004].

Тем не менее в вышеназванных исследованиях не приводилось убедительных данных, демонстрирующих, что показатель адрессива при японских презумптиве и гортативе чаще всего выступает не в функции вежливости по отношению к собеседнику или далеко не только в ней. Чтобы заполнить эту лауну, мы проведем количественный анализ корпусных данных из корпусов японского языка, а также контрастивный анализ примеров из параллельного японско-русского корпуса.

Методы и материалы

В основе данного исследования лежит корпусный метод. Мы используем данные Сбалансированного корпуса современного японского языка (BCCWJ), созданного в Национальном институте японского языка в Токио. Объем корпуса составляет 104,3 млн словоупотреблений. В корпусе представлены различные письменные жанры — от официальных до наиболее приближенных к разговорной речи текстов из вопросно-ответных систем и интернет-блогов.

Для контрастивного анализа привлекаются данные из параллельного русско-японского подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ), в котором 453 279 словоупотреблений, а также в связи со скромным размером корпуса используются параллельные тексты русского и японского переводов первых десяти глав книги Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер и Философский камень» (далее ГП), где число словоупотреблений составило 122 557. Для примеров из «Гарри Поттера» после глоссирования приводится официальный русский перевод.

В японском подкорпусе параллельного корпуса НКРЯ пока нет полноценного поиска по грамматическим формам, но все же возможен ограниченный поиск по грамматическим пометам (тегам). Все примеры из параллельных корпусов были проверены вручную.

Для подсчета пола говорящих используется устный Корпус разговорного японского языка (CSJ), а именно подкорпуса симулированных монологов и диалогов объемом более 3 миллионов словоупотреблений. Эти подкорпуса были выбраны как наиболее сбалансированные по полу говорящих, тогда как в подкорпусах выступлений на научных мероприятиях большой перевес говорящих-мужчин¹.

Анализ корпусных данных

Насколько сильно различается встречаемость адрессивных и неадрессивных форм в предположительном, пригласительном и, например, изъявительном наклонении? Для проверки этого был осу-

¹ Из лаборатории: «Корпус разговорного японского языка» // Окно в Национальный институт японского языка, 2003. URL : <https://kotobaken.jp/mado/17/17-02/> (дата обращения: 10.12.2024).

ществлен сплошной поиск по корпусу BCCWJ всех адрессивных и неадрессивных форм презумптива, гортатива и заключительных форм (終止形 *shuushikei*) изъявительного наклонения (табл. 2). Разметка корпуса BCCWJ объединяет гортатив и синтетический презумптив под одной пометой 意志推量形 *ishisuiryookei* ‘гортативно-презумптивная форма’. Адрессивные синтетические формы презумптива легко удаляются из результатов поиска. Однако неадрессивные синтетические формы презумптива могли остаться в нашей выборке для неадрессивного гортатива в ненулевом количестве, которое мы, тем не менее, считаем для наших целей незначительным. Также из выборки были удалены составные конструкции типа *tabeyoo to suru* ‘пытаться съесть’.

Таблица 2

Соотношение простых и адрессивных форм в презумптиве, гортативе и заключительных формах изъявительного наклонения

	простые (неадрессивные)	адрессивные
презумптив	75 605 (41,6%)	106 255 (58,4%)
гортатив	17 053 (38,3%)	27 459 (61,7%)
заклучительные формы	6 059 815 (82,53%)	1 282 992 (17,47%)

В таблице 2 мы можем видеть значительные различия между встречаемостью простых и адрессивных форм у презумптива и гортатива и у заключительных форм. В предположительном и в приглашительном наклонениях неадрессивные формы встречаются в два раза реже, чем в заключительных формах изъявительного наклонения.

Чем же может быть обусловлено такое различие и действительно ли адрессивные формы презумптива и гортатива выполняют не только функцию социального дейксиса? Для ответа на этот вопрос мы использовали контрастивный подход и сравнивали параллельные тексты на японском и русском языках, в которых употреблены японские формы презумптива либо гортатива и русское обращение на «ты/вы» соответственно. Хотя употребление местоимений «ты/вы» не соответствует точным образом употреблению японского адрессива, они регулируются общими принципами (см. табл. 1), и это маркер, который облегчает нам поиск примеров, где нет никаких социальных предпосылок для выражения вежливости по отношению к слушающему и где адрессив встречается в потоке неадрессивной речи. Нас в первую очередь будут интересовать случаи, где адрессивные формы соответствуют русскому «ты» и обращены к равному или низшему психологически близкому собеседнику, так как именно эти критерии могут указывать на то, что показатель адрессива выполняет иную функцию, нежели передачу адрессивной вежливости.

В таблице 3 подсчитаны встретившиеся нам в параллельных текстах примеры, где в японском был употреблен презумптив либо гортатив, а в русском в соответствующем отрывке текста — обращение на «ты/вы» (местоимение либо глагольная форма).

Таблица 3

Соответствие адрессивных и неадрессивных форм презумптива и гортатива обращениям на «ты/вы» в параллельных текстах (НКРЯ+ГП)

	ТЫ	ВЫ (вежл.)
презумптив+адрессив <i>deshoo</i>	15	12
презумптив <i>daroo</i>	7	1
гортатив+адрессив <i>-mashoo</i>	7	4
гортатив <i>-yoo</i>	7	—

Как мы видим, неадрессивным формам презумптива (3) и гортатива (4) в основном соответствует русское «ты».

(3) じゃが、おまえさんの父さん母さんのことは知っとるだろうな。

ja	ga,	omaesan	no	toosan	kaasan	no
COP.PRS	но	ты	GEN	папа	мама	GEN
koto	wa	shit-toru ²		dar-oo		na
NML	TOP	знать-PRG.PRS		COP-PMT		PRT

‘Но ты же знаешь про своих родителей... ну, кто они были?’ [ГП]

(4) そうだね、いろいろあるけどがんばろう

Soo	da	ne	iroiro	ar-u	kedo	ganbar-oo
так	COP.PRS	PRT	разно	есть-PRS	хотя	стараться-HOR

И ты права, будем стараться, несмотря ни на что!» [НКРЯ, Р. Усами, Моего айдола осуждают]

Лишь в одном примере неадрессивному презумптиву соответствует «вы» в русском тексте. Подробнее о подобных случаях см. [Соломкина, 2024], где высказывается предположение о том, что в «пограничных» случаях, отмеченных серым в таблице 1, в японском чаще выбор производится исходя из вертикальной иерархии, а в русском — исходя из психологической близости. В данном примере из «Гарри Поттера» опекун Гарри дядя Вернон обращается к леснику волшебной школы Хагриду, вероятно рассматривая его как «чужого-нижестоящего», отсюда «вы» в русском и простые формы в японском.

(5) こいつはストーンウォール校に行くんだ。やがてはそれを感謝するだろう。

koitsu	wa	sutoonwooru	koo	ni	ik-u	n	da.
он	TOP	Стоунволл	школа	DAT	идти-PRS	NML	COP.PRS
yagate		wa	sore	o	kansha-su-ru		dar-oo.
в.конечном.счете		TOP	это	ACC	благодарность-VRB-PRS		COP-PMT

‘[Разве я не сказал вам, что он никуда не поедет? — прошипел дядя Вернон.] — Он пойдет в школу «Хай Камеронс³», и он должен быть благодарен нам за то, что мы его туда определили.’ [ГП]

Однако адрессивные формы также в большинстве случаев соответствуют «ты», а не «вы» в русском тексте. В первую очередь нас интересовали случаи, где адрессивные формы соответствуют русскому «ты» и обращены к равному или низшему психологически близкому собеседнику, так как в этих примерах по критериям из таблицы 1 нет оснований для выражения адрессивной вежливости. Обычно в таких случаях адрессивные *deshoo* и *-masoo* появляются в тексте среди неадрессивных форм.

Среди примеров, где презумптив с адрессивом соотносится с обращением на «ты», 10 из 15 оказываются обращены к равному или низшему своему и встречаются в потоке речи на простые (неадрессивные) формы. Мы считаем, что в них адрессив не выполняет функцию выражения адрессивной вежливости. Такие примеры встретились как в переводе «Гарри Поттера» (6), так и в параллельном корпусе НКРЯ (7).

В примере из «Гарри Поттера» Молли Уизли обращается к своей дочери Джинни («свой-низший»): в русском переводе на «ты», а в японском с помощью адрессивной формы, использование которой не мотивировано соображениями вежливости:

(6) ジニー、もうあの子を見たでしょ? 動物園じゃないんだから、ジロジロ見たらかわいそうでしょう。

Jinii	moo	ano	ko	o	mi-ta	desh-oo
Джинни	уже	тот	ребенок	ACC	видеть-PST	COP.ADR-PMT
doobutsuen	jya-nai		n	da	kara	jirojiro
зоопарк	COP.PRS-NEG		NML	COP.PRS	потому.что	пристально
mi-tara		kawaisoo	desh-oo			
смотреть-COND		бедный	COP.ADR-PMT			

‘Ты его уже видела, Джинни. И вообще не надо пялиться на бедного мальчика, как на животное в зоопарке.’ [ГП]

² Диалектная форма.

³ В оригинальном тексте Stonewall High.

В примере из НКРЯ также мать обращается к дочери с помощью японской формы *deshoo*, а в русском тексте на «ты»:

(7) 母は懸命に、「いい小鳥さんは小さくて、かわいいでしょう？」

<i>haha</i>		<i>wa</i>		<i>kenmei</i>		<i>ni,</i>		<i>'i-i</i>
мама		TOP		усердный		DAT		хороший-PRS

<i>kotori</i>	<i>sap</i>	<i>wa</i>		<i>chiisa-kute,</i>		<i>kawai-i</i>		<i>desh-oo?</i>
птичка	сан	TOP		маленький-CNV		милый-PRS		COP.ADR-PMT

‘Но мама не унималась: — Смотри, какая миленькая...’ [НКРЯ, С. Мурата «Человек-комбини»]

В примерах (6), (7) и аналогичных *deshoo* действительно выступает как дискурсивный маркер, а не показатель адрессивной вежливости.

Также в двух примерах говорящий обращается к близкому невышестоящему адресату (любовнице) не устно, а в бумажном письме, которое в японском обычно требует повышенного уровня формальности, чем объясняется использование адрессивных форм во всем тексте. Здесь мы видим еще одно расхождение использования японских и русских форм вежливости по отношению к адресату.

(8) 奥さんの思い出を私に持たせてくれたのは私の妻だったのでしょか。

<i>Okusan</i>		<i>no</i>		<i>omoiide</i>		<i>wo</i>		<i>watashi</i>		<i>ni</i>
госпожа		GEN		воспоминание		ACC		я		DAT

<i>mot-ase-te</i>				<i>i-te</i>		<i>kure-ta</i>		<i>no</i>		<i>wa</i>
держать-CAUS-CNV				PRG-CNV		давать-PST		NML		TOP

<i>watashi</i>		<i>no</i>		<i>tsuma</i>		<i>dat-ta</i>		<i>no</i>		<i>desh-oo</i>		<i>ka</i>
я		GEN		жена		COP-PST		NML		COP.ADR-PMT		Q

‘Вот и получается, дорогая моя, что память о тебе сберегала моя жена.’ [НКРЯ, Я. Кавабата «Канарейки»]

Среди примеров, где гортатив и адрессив соотносятся с обращением на «ты», только в одном говорящий обращается к равному или низшему своему, и при этом употребление адрессива никак не мотивировано с точки зрения вежливости и встречается среди неадрессивных форм. Здесь мать (тетя Петунья) обращается к капризному сыну (Дадли), пытаясь его задобрить:

(9) 今日お出かけした時、あと二つ買ってあげましょう。

<i>Kyoo</i>		<i>o-dekake-shi-ta</i>		<i>toki,</i>		<i>ato</i>		<i>futatsu</i>
сегодня		HON-выход-VRB-PST		когда		еще		два

<i>kat-te</i>		<i>age-mash-oo</i>
покупать-CNV		давать-ADR-HOR

‘[Давай] мы купим тебе еще два [подарка], сегодня в городе.’ [ГП]

Такое употребление адрессива можно объяснить желанием смягчить формулировку, как и в плакатах типа «давайте не мусорить» в исследовании Морроу [Morrow, 2015].

Так же, как и в случае с презумптивом, в двух примерах употребление *-mashoo* в японском мотивировано жанром (бумажное письмо), а в русском ему соответствует обращение на «ты». В остальных случаях социальная иерархия или психологическая дистанция могли предполагать адрессивную вежливость. Таким образом, не мотивированное вежливостью/жанром употребление *-mashoo* встретилось только в одном примере.

Как мы уже упоминали выше, принято считать, что употребление адрессивных форм презумптива и гортатива, как и в принципе всех вежливых форм, больше свойственно женскому языку. Тем не менее данные наиболее сбалансированного по половому составу подкорпуса CSJ не показывают переверса в сторону употребления *deshoo* и *-mashoo* женщинами, даже наоборот (табл. 4).

Пол говорящих, употребляющих адресивные формы презумптива и гортатива (CSJ)

	женщины	мужчины	всего
презумптив+адресив <i>deshoo</i>	1040 (46,9%)	1179 (53,1%)	2219
гортатив+адресив <i>-mashoo</i>	161 (43,9%)	206 (56,1%)	367

Заключение

Наше исследование наглядно демонстрирует, что в предположительном и пригласительном наклонениях адресивные формы встречаются значительно чаще, чем в изъявительном наклонении, и это ставит под вопрос их использование исключительно для выражения вежливости по отношению к адресату.

При этом использование неадресивных форм презумптива и гортатива в общих чертах соответствует употреблению русского обращения на «ты»: они употребляются по отношению к психологическим близким или нижестоящим в вертикальной иерархии адресатам.

Выявление в параллельных текстах примеров, где адресивные формы презумптива и гортатива соответствуют русскому «ты», показало, что в двух третях таких примеров употребление адресивного презумптива (*deshoo*) не может быть мотивировано соображениями вежливости. По-видимому, в них *deshoo* выполняет функцию маркера общего знания или запроса на подтверждение.

Среди примеров с адресивным гортативом, соответствующим русскому «ты», только в одном случае употребление адресива не могло быть мотивировано вежливостью к адресату. Хотя показатель адресива не выполняет в нем напрямую свою функцию социального дейксиса, но позволяет смягчить формулировку в конфликтогенной ситуации.

Наши данные не позволяют сказать, что адресивные формы презумптива и гортатива чаще употребляются женщинами, чем мужчинами. Напротив, в употреблении мужчинами наблюдается небольшой перевес.

Также данное исследование еще раз подтверждает на корпусных данных, что однозначного соответствия между японскими и русскими формами вежливости нет и при переводе необходимо учитывать всю совокупность социальных и дискурсивных факторов.

Список сокращений

ACC — аккузатив; ADR — адресив; CNV — конверб; COND — условная форма; COP — связка; DAT — датив; GEN — генитив; HOR — гортатив; NEG — отрицание; NML — субстантиватор; PMT — презумптив; PRG — прогрессив; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; Q — вопросительная частица; TOP — топик.

Список источников

1. Алпатов В. М. Категории вежливости в современном японском языке. — 5-е изд. — М. : Наука, 1973. — 146 с.
2. Алпатов В. М., Аркадьев П. М., Подлесская В. И. Теоретическая грамматика японского языка. — М. : Наталис, 2008. — Кн. 1. — 560 с.
3. Роулинг Дж. К. Гарри Поттер и Философский камень : роман / пер. с англ. И. В. Оранского. — М. : РосмэнПресс, 2000. — 398 с.
4. Соломкина Н. А. Гарри Поттер и обращение на вы: адресивная вежливость в японском и русском параллельных текстах // Состав науки : сб. ст. — М. : Буки-Веди, 2024. — С. 140–156.
5. Balanced Corpus of Contemporary Written Japanese (BCCWJ). — URL : <https://chunagon.ninjal.ac.jp/> (дата обращения: 06.12.2024).
6. Brown R., Gilman A. The pronouns of power and solidarity // Style in language / ed. T. A. Sobeok. — Cambridge : MIT Press, 1960. — Pp. 252–281.
7. Brown P., Levinson S. C. Politeness: Some universals in language usage. — Город : Cambridge univ. press, 1987. — No. 4. — 345 p.

8. Corpus of Spontaneous Japanese (CSJ). — URL : <https://chunagon.ninjal.ac.jp/csj/> (дата обращения: 06.12.2024).
9. Helmbrecht J. Politeness Distinctions in Pronouns // WALS Online (v2020.3) / eds. M. S. Dryer, M. Haspelmath. — 2013. — URL : <http://wals.info/chapter/45> (дата обращения: 02.03.2023).
10. Morrow P. R. Directives in Japanese: Evidence from signs // *World Englishes*. — 2015. — Vol. 34, no. 1. — Pp. 78–87.
11. Wetzel P. J. *Keigo in modern Japan: Polite language from Meiji to the present*. — Город : Univ. of Hawaii Press, 2004. — 216 p.
12. 庵功雄. 推量の「でしょう」に関する一考察——日本語教育文法の視点から—— // *日本語教育*. — 2009. — 142 巻, 58–68. (на японском) [Иори Исао. Исследование deshoo как выражения предположения: с точки зрения преподавания грамматики японского языка // *Преподавание японского как иностранного*. — 2009. — Т. 142. — С. 58–68].
13. 韓. 援炯 文末表現「デショウ」の確認の機能が持つ丁寧性 紀要論文 // *Departmental Bulletin Paper* (1) 2014 専修大学日本語日本文学会。 [Хан Вон Хён. Вежливость в предложениях с заключительным deshoo в функции подтверждения // *Труды общества японского языка и японской литературы Университета Сэнсю*. — 2014. — Вып. 1. — С. 1–8].
14. ローリング JK ハリー ポッターと秘密の部屋 / 松岡 佑子 訳 東京 静山社、2000。 [Роулинг Дж. К. Гарри Поттер и Тайная комната (яп. изд.) / пер. с англ. Юко Мацуока. — Токио : Sayzansha Publications Ltd., 2000. — 532 с.]

References

1. Alpatov V. M. *Kategorii vezhlivosti v sovremennom yaponskom yazyke* [Politeness Categories in Modern Japanese]. 5th ed. Moscow, Lenand Publ., 2015, 146 p. (In Russian).
2. Alpatov V. M., Arkad'iev P. M., Podlesskaya V. I. *Teoreticheskaya grammatika yaponskogo yazyka* [Theoretical grammar of Japanese]. Moscow, Natalis Publ., 2008, 560 p. (In Russian).
3. Rowling J. K. *Harry Potter i filosofskiy kamen': roman* [Harry Potter and the Philosopher's Stone: a novel]. Transl. from Engl. by I. V. Oranskii. Moscow, Rosmen-Press Publ., 2000, 398 p. (In Russian).
4. Solomkina N. A., 2024. Harry Potter and the Vos Address: Addressive politeness in Japanese and Russian parallel texts. *Sostav nauki: sb. st.* [Body of Science: festschrift]. Moscow, Buki-Vedi Publ., 2024, pp. 146–163. (In Russian).
5. *Balanced Corpus of Contemporary Written Japanese (BCCWJ)*. Available at: <https://chunagon.ninjal.ac.jp/> (accessed 06.12.2024).
6. Brown R., Gilman A. The pronouns of power and solidarity. *Style in language*. Ed. T. A. Sobeok. Cambridge, MIT Press, 1960, pp. 252–281.
7. Brown P., Levinson, S. C. *Politeness: Some universals in language usag*. Город, Cambridge Univ., 1987, no. 4, 345 p.
8. *Corpus of Spontaneous Japanese (CSJ)*. Available at: <https://chunagon.ninjal.ac.jp/csj/> (accessed 06.12.2024).
9. Helmbrecht J. 2013. Politeness Distinctions in Pronouns. *WALS Online (v2020.3)*. Eds. M. S. Dryer, M. Haspelmath. 2013. Available at: <http://wals.info/chapter/45> (accessed 02.03.2023).
10. Morrow P. R. Directives in Japanese: Evidence from signs. *World Englishes*. 2015, vol. 34, no. 1, pp. 78–87.
11. Wetzel P. J. *Keigo in modern Japan: Polite language from Meiji to the present*. Город : Univ. of Hawaii Press, 2004, 216 p.
12. 庵功雄. 推量の「でしょう」に関する一考察——日本語教育文法の視点から——。日本語教育。2009, 142 巻, pp. 58–68. (на японском) [Iori Isao. A Study of “Deshoo” as an Expression of Supposition: From the Perspective of Japanese Language Education Grammar. *Nihongo Kyoiku*. 2009, vol. 142, pp. 58–68]. (In Japanese).
13. 韓. 援炯 文末表現「デショウ」の確認の機能が持つ丁寧性 紀要論文. *Departmental Bulletin Paper* (1) 2014、 専修大学日本語日本文学会。 [Han Won Hyung. Politeness in Sentences with the Final “Deshoo” in the Function of Confirmation. *Proceedings of the Society for Japanese Language and Literature, Senshu University*. 2014, iss. 1, pp. 1–8]. (In Japanese).
14. ローリング JK ハリー ポッターと秘密の部屋. 松岡佑子訳 東京 静山社、2000。 [Rowling J. K. *Harry Potter and the Philosopher's Stone* (Japanese ed.). Transl. Yuko Matsuoka. Tokyo, Sayzansha Publ. Ltd., 2000, 532 p.]. (In Japanese).

Информация об авторе

Соломкина Наталия Алексеевна — кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела языков Восточной и Юго-Восточной Азии Института языкознания РАН, Москва.

Information about the author

Solomkina, Natalia A. — PhD (linguistics), researcher at the Department of Languages of East and Southeast Asia, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow.

*Статья поступила в редакцию 30.12.2024; доработана 07.01.2025;
одобрена после рецензирования 13.01.2025;
принята к публикации 15.01.2025.*

*Submitted 30.12.2024; revised 07.01.2025;
approved after reviewing 13.01.2025;
accepted for publication 15.01.2025.*

РАЗДЕЛ III

ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИМОДАЛЬНОГО ДИСКУРСА

Иностранные языки в высшей школе. 2025. № 1 (72). С. 76–87.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2025;1(72):76–87.

Научная статья
УДК 81'27
DOI: 10.37724/RSU.2025.72.1.010

Гендерная и возрастная вариативность консонантизма британского национального варианта английского языка (на материале речи участников комедийного ток-шоу)

Онищенко Юлия Викторовна

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
E-mail: schenec11@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию вариативности консонантизма британского варианта английского языка в речи участников комедийного ток-шоу «Шоу Грэма Нортон», владеющих нормативным произношением. Выполнен анализ как современного состояния стандартного произношения, так и основных предпосылок его становления, основное внимание уделено процессам, обусловившим изменения в подсистеме согласных, освещены гендерные и возрастные особенности дистрибуции фоностилистических переменных в разговорном варианте стандартного произношения. Рассматриваются такие социально маркированные явления, как L-вокализация, T-глоттализация, преобразования аппроксимантов, а также явления, свойственные спонтанной неподготовленной речи, а именно, проявления интрузивных и ассимилятивных механизмов, паттерны фонетической компрессии как результата произносительной экономии. Данные, полученные в результате проведения комплексного фонетико-фонологического анализа, иллюстрируют как социофонетический срез вариативности произношения информантов, дифференцированных по гендерному и возрастному признакам, так и фоностилистические особенности речи в регистре неформального общения в рамках комедийного ток-шоу. Исследование выполнено с помощью общих научных и частных специализированных методов, нацеленных на выявление особенностей дистрибуции фонетических переменных, систематизацию полученных данных, интерпретацию результатов в социофонетическом и фоностилистическом аспектах.

Ключевые слова: британская произносительная норма, спонтанная речь, согласные переменные, аллофоны, произносительные инновации, звучащая речь, выравнивание диалектов.

Для цитирования: Онищенко Ю. В. Гендерная и возрастная вариативность консонантизма британского национального варианта английского языка (на материале речи участников комедийного ток-шоу) // Иностранные языки в высшей школе. 2025. № 1 (72). С. 76–87. DOI: 10.37724/RSU.2025.72.1.010.

Original article

Gender and age variability of the British English consonants (on the material of the comedy talk show participants' speech)

Julia V. Onischenko

Institute of Philology, Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky, Simferopol, Russia
schenec11@mail.ru

Abstract. The article is focused on the analysis of consonant system variability of the British English in the speech of the British participants of the comedy talk-show “The Graham Norton Show” who use the standard form of pronunciation. Not only the analysis of the contemporary condition of the standard pronunciation is carried out, but also the main reasons leading to its current form are considered, with the concentration on the processes which caused the changes in the subsystem of consonants; the gender

and age aspects of variability of the phonostylistic variables' distribution in the colloquial variety of the standard pronunciation are discussed. The research deals with such socially marked features as L-vocalization and T-glottalization, changes of approximants, and also on the characteristics of spontaneous unprepared speech, where mechanisms of intrusion and assimilation, and the patterns of the phonetic compression are used as the result of the pronunciation economy. The data obtained after the complex phonetic-phonological research demonstrate not only sociophonetic level of the speakers' pronunciation variability differentiated by gender and age, but also phonostylistic distinctive features of the speech in the register of the informal communication within the comedy talk-show framework. The research is conducted with the help of general and specific scientific methods aimed at the revealing of the phonetic variables' distribution, systematization of the obtained data, and interpretation of the results in the sociophonetic and phonostylistic aspects.

Keywords: British standard pronunciation, spontaneous speech, consonant variables, allophones, pronunciation innovations, connected speech, dialect levelling.

For citation: Onischenko Ju. V. Gender and age variability of the British English consonants (on the material of the comedy talk show participants' speech). *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2025, 1(72); (In Russ.) Pp. 76–87. DOI: 10.37724/RSU.2025.72.1.010.

Введение

Экономическая мобильность рабочего класса, влекущая за собой размытие границ между социальными стратами Великобритании и сближение среднего и высшего классов, привела к появлению такой прослойки, как «высший средний класс» и общей демократизации форм языка, функционирующих в релевантных социальных группах, что затронуло все уровни языковой системы, не исключая произношение. Так, длительное в определенной мере искусственное сдерживание эволюции произносительной нормы в XVIII и XIX веках привело к стремительным процессам преобразований языкового стандарта и сокращению говорящих на Received Pronunciation (далее — RP) в конце прошлого столетия [Crystal, 2014]. Некоторые британские лингвисты говорят о настолько кардинальных изменениях в традиционной форме RP, что целесообразно называть существующий ныне стандарт термином Standard Southern British (южно-британский стандарт) [Lindsey, 2019, p. 4]. Б. Коллинс и И. Меес используют термин «не-региональное произношение» для обозначения современного унифицированного стандарта, а сам термин “Received Pronunciation” — для обозначения произношения, свойственного высшему социальному классу в XX веке [Collins, Mees, 2003, pp. 3–4]. В 2023 году в газете «The Guardian» вышла статья под названием «Language barrier: why even Harry has stopped speaking the King's English?» («Языковой барьер: почему даже [принц] Гарри перестал говорить на королевском английском?»), где авторы отмечают, что RP как произношение членов королевской семьи постепенно исчезает, что также происходит с Кокни — акцентом рабочего класса. Вследствие сокращения дистанции между стратами британского общества границы социальных акцентов сближаются, и Большой Лондон, как и юго-восток Англии, использует такие формы произношения, как SSBE (стандартный южно-британский английский), EE (Эстуарный английский) и MLE (лондонский мультикультурный английский) [The Guardian]. Авторы статьи ссылаются на исследование, проведенное Университетом Эссекса, которое установило, что из двухсот опрошенных англичан около 26 % говорили с эстуарным произношением, половина использовала стандарт, остальные — MLE, что проиллюстрировано на следующем графике [The Telegraph].

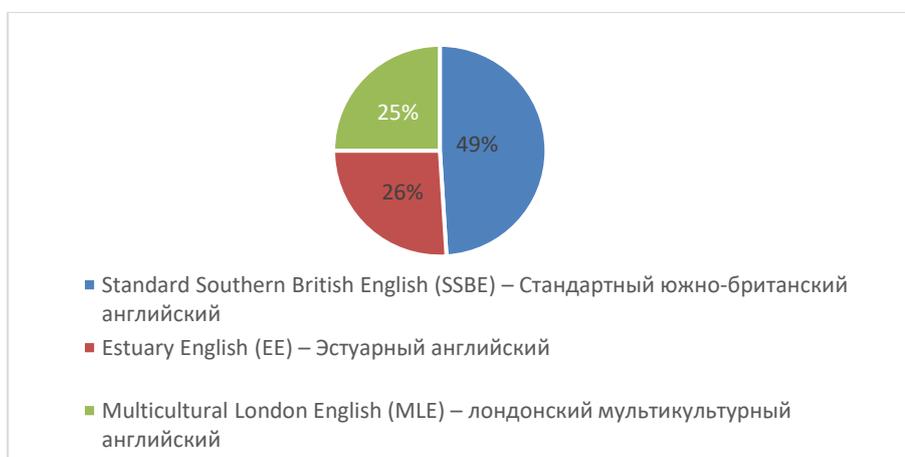

Рис. 1. Распределение произносительных форм среди населения юга Великобритании (мужчины и женщины от 18 до 33 лет)

Следует отметить, что в англоязычной терминологии достаточно распространенным является взгляд на целесообразность использования термина SSBE для обозначения современного стандарта английского языка (далее — АЯ), тогда как RP имеет коннотацию устаревшей, старомодной произносительной нормы. Тем не менее в роли кодифицированного произношения, лишенного регионального акцента, термин «RP» продолжает использоваться как отечественными, так и зарубежными учеными. Так, с целью терминологической унификации многие исследователи предпочитают использовать «современный RP», «молодежный RP», «разговорный RP», говоря о функционирующем нормативном произношении на современном этапе развития британского варианта АЯ [Медведева, Безбородова, 2016 ; Федотова, 2014]. Также «RP» может использоваться для обозначения национального стандарта произношения в Великобритании в широком смысле [Бурая, Галочкина, Шевченко, 2009, с. 202]. В настоящем исследовании мы придерживаемся сходной точки зрения, рассматривая RP как произношение образованных британцев, или современный произносительный стандарт.

Изменения, наблюдаемые в речи образованных британцев, проживающих в южной части страны (в то время как северные акценты традиционно признаются субстандартными), затронули как вокализм в целом, что привело к системному сдвигу гласных [Altendorf, Watt, 2004], так и консонантный уровень, в который проникает все больше инноваций из менее престижных форм языка. Настоящее исследование рассматривает состояние консонантизма современного нормативного британского произношения, проанализированного на материале речи участников комедийного лейт-найт шоу «Шоу Грэма Нортон» (далее — ШГН).

Теоретической базой для представленного исследования послужили труды ученых, посвященные проблематике вариативности и кодификации произносительной нормы, принципам функционирования языка в различных социальных группах. Данные вопросы находятся в центре внимания таких лингвистов, как В. А. Аврорин, О. С. Ахманова, Л. В. Бондарко, В. М. Бухаров, Л. А. Вербицкая, В. В. Виноградов, В. М. Жирмунский, Л. Р. Зиндер, А. Д. Петренко, Р. К. Потапова, Л. И. Проколопова, Д. А. Шахбагова, У. Лабов. Эмпирическая часть исследования опирается на принципы социофонетического эксперимента, обоснованные У. Лабовым, Дж. Уэллсом, и основана на методологических приемах и стратегиях, успешно применяемых в фонетических исследованиях членами Научной школы социофонетики и фоностилистики А. Д. Петренко: Л. С. Бор, Т. В. Бридко, Н. М. Евстафьевой, Э. В. Лихачёвым, К. А. Мележик, С. Е. Перепечкиной, А. Д. Петренко, Д. А. Петренко, А. В. Пономаревой, А. Я. Поповской, Е. А. Устиновичем, Ю. Б. Федотовой, Д. М. Храбсковой. Исследования британского национального варианта АЯ находятся в центре внимания таких ученых, как К. Аптон, П. Керсуилл, Д. Кристал, П. Роуч, П. Традгил, Дж. Уэллс, П. Экерт.

Актуальность проблемы определяется недостаточной разработанностью вопросов гендерной и возрастной вариативности современной произносительной нормы, функционирующей на территории Великобритании, а также отсутствием детального анализа произносительного аспекта разговорной нормы британского варианта АЯ, звучащей в популярных развлекательных СМИ.

Целью исследования является установление характерных для разговорного варианта произносительной нормы тенденций реализации согласных фоностилистических переменных (далее — ФСП) в речи участников ток-шоу «Шоу Грэма Нортон» с учетом гендерного и возрастного факторов. Для достижения указанной цели решается ряд следующих теоретических и практических задач: рассмотреть современное состояние британской произносительной нормы; охарактеризовать фонемный инвентарь наиболее вариативных согласных переменных и актуальные тенденции его реализации; осуществить комплексный фонетико-фонологический анализ корпуса данных на материале речи участников комедийного ток-шоу ШГН; выявить особенности реализации согласных переменных с учетом гендерного и возрастного факторов; интерпретировать полученные результаты в социофонетическом и фоностилистическом аспектах согласно исследованиям произносительной нормы в специализированной научной литературе.

Материалом исследования послужили видеозаписи ток-шоу ШГН, содержащие неподготовленную речь британцев, владеющих стандартным произношением. В основе принципа отбора говорящих лежит их принадлежность к единой социальной группе и профессиональной среде (актеры театра и кино, телеведущие). Количество участников составляет 30 человек, объединенных в три возрастные и две гендерные группы: женщины и мужчины младшей (22–35 лет), средней (38–58 лет) и старшей групп (75–85 лет). Средняя продолжительность звучания образца спонтанной речи составляет 10–12 минут, суммарная длительность звукового материала составляет 318 минут и количественно в 25155 реализаций согласных ФСП.

Основная часть

Становление и современное состояние британской произносительной нормы

В полной мере заявив о себе к концу XVIII века, оппозиция стандартной и остальных форм языка, одновременно функционирующих в эпоху классовости и элитарности, во многом определила представления о «правильности» речи и «надлежащей манере говорить» на долгое время вперед. Данные представления нашли отражение в произношении «вежливого лондонского общества», или Received Pronunciation (в буквальном переводе «полученное, принятое произношение»), которое почти до конца XX века выступало незыблемым эталоном для подражания уже не только и не столько для тех, кто хотел построить успешную карьеру, но и для обучающихся по всему миру [Crystal, 2014]. Диверсификация внутри самого RP, происходящая в течение всего прошлого века, постепенно находила отражение и в дескриптивных орфоэпических источниках, к примеру, «консервативный», «общий» и «продвинутый» варианты А Гимсона (1980 г.) [Schmitt, 2007], «универсальный» стандарт Дж. Уэллса [Wells, 1982], «традиционный» RP К. Аптона [Upton, 2004] и т.д. Глобализационные процессы, охватившие Британские острова во второй половине прошлого века, привели к тому, что к началу XXI столетия в Лондоне проживало около 7 млн человек, говорящих на 250 языках, среди которых насчитывалось 60 % белых британцев [Population of London], а в наши дни столица Великобритании стала домом для более чем 50 этнических групп, говорящих на 300 различных языках, наиболее распространенными из которых являются бенгальский, польский, гуарати, турецкий и т. д. [CILT ; Top Languages Spoken In London]. В то же время соотношение белых британцев — титульной нации, представители которой являются носителями английского языка (британско-английского, определяемого в узком смысле как вариант АЯ, на котором говорят в Англии, в более широком — как совокупность английского, шотландского, ирландского и валлийского вариантов АЯ), в наши дни составляет 36,8 % жителей Лондона (3,2 млн по данным на 2021 год), при этом 98 % населения Лондона владеет английским языком [Ethnic group]. Исследователи отмечают, что 2011 год можно назвать своеобразным переломным моментом, когда в результате очередной переписи населения Лондона было установлено, что коренные британцы, населяющие Соединенное Королевство как этническое большинство, в отношении столицы более таковым не являются, выступая, впрочем, наибольшей цельной этнической группой в городе [BBC News]. Перечисленные процессы неизбежно не только влияют на снижение количества носителей традиционного произношения, но и вносят качественные изменения в языковой стандарт, расширяя границы нормы. Фонетист Т. В. Медведева говорит о том, что современный вектор развития системы английского произношения характеризуется ее «размыванием» (dilution) за счет проникновения элементов, обусловленных ярко выраженной социальной и региональной вариативностью различных произносительных акцентов как на территории Великобритании, так и за ее пределами [Медведева, 2017, с. 130].

Характеристика сегментного уровня фонетики современного британского произносительного стандарта

Как известно, для британского варианта произносительной нормы АЯ характерны такие черты, как отсутствие «эрности», или non-rhoticity (что имеет исключения в использовании [r] как интрузивного и соединительного согласного), придыхательная артикуляция взрывных [p], [t], [k], (пре)глоттализация согласных [p], [t], [k], [tʃ] в конце слова перед гласным, предконсонантная артикуляция гортанной смычки, использование «темного» аллофона [ɪ] в финальной позиции после лабиальных согласных [Wells, 1982, p. 295], факультативная ассимиляция в беглой речи (чаще — прогрессивная, по месту образования согласного), аффрикатизация аппроксимантных кластеров [tʃ], [dʒ] в большем количестве лексических единиц [Jones, 2011].

Кроме того, британскому консонантизму свойственна высокая степень компрессии на сегментном уровне. Тенденция к сокращениям согласных в английской речи происходит преимущественно по таким причинам, как наличие в структуре слогов сложных последовательностей согласных, а также сильный контраст между ударными и безударными слогами. Поскольку наиболее естественная для человеческой артикуляции структура слога представляет собой сочетание CV (гласный + согласный), тогда как в АЯ существует возможность функционирования лексических единиц, имеющих структуру CCCVCCC (*scrimped* [skrimpt]), сокращение сегментов в непрерывном потоке речи является неизбежным. Более склонными к опущению в подобном контексте являются согласные в заударном положении и/или в конце

слова. В аналогичных случаях использование гортанной смычки используется носителями многих вариантов АЯ и оправдано даже в формальных ситуациях, будучи механизмом упрощения артикуляции и своеобразным компромиссом между формальным сохранением согласного и отсутствием работы каких-либо дополнительных органов речи. Отмечается уязвимость финальных согласных перед словом с инициальным согласным, а также частотность выпадения [d] в *and* и начального [ð] перед альвеолярным, в результате чего последний приобретает дентальную артикуляцию (*and then* [ænd en]). В середине фразы согласные, предшествующие *you, yes*, могут приобретать фриктивную артикуляцию: *guess your weight* [gef:ə weɪt]. Союз *and* имеет множество вариаций в речевом потоке и произносится как [ænd], [ænd], [æn], [ɛ] и даже [m] (*eggs and bacon*) [Jones, 2011, pp. 30-31]. В исследовании М. В. Безбородовой на материале речи образованных британцев было установлено, что женщины используют более консервативные варианты артикуляции. Автор отмечает, что под влиянием речи молодежи изменяются принципы употребления согласных звуков, и приходит к выводу, что наиболее вероятным объяснением выступает экономия речевых усилий, что свойственно речи молодых носителей языка [Безбородова, 2023, с. 22].

В настоящем исследовании рассматриваются модификации системы согласных ФСП в речи носителей нормативного АЯ (британский вариант) в разговорном регистре на материале записей выпусков популярного комедийного ток-шоу ШГН. Фонетические (или фоностилистические) переменные определяются как единицы произносительных вариантных структур, для каждой из которых (и их вариантов) возможно определять средние индексы реализации в различных условиях общения [Петренко, А. Д., Петренко Д. А., 2019, с. 24]. Для наблюдения за гендерным и возрастным паттерном дистрибуции ФСП отобраны записи речи информантов, разделенных на три возрастные и две гендерные группы: женщины и мужчины младшей (22–35 лет), средней (38–58 лет) и старшей групп (75–85 лет). В исследовании проанализирована вариативность реализации британского консонантизма в таких потенциальных контекстах, как L-вокализация, глоттализация [t] и взрывных согласных в целом, а также вариативность субституирования [t] в различных социофонетически маркированных позициях, аспирация взрывных, опускание [h], jod-коалесцирование и аффрикатизация, а также некоторые явления, свойственные беглой речи, непосредственно влияющие на артикуляцию согласных, среди которых особенности аспирированной и аффрикатизированной артикуляции, ассимиляция и элизия согласных, и интрузивные процессы, затрагивающие артикуляцию аппроксимантов. Данный перечень составлен на основе явлений, выделенных исследователями в последние десятилетия как свойственные нормативному произношению в той или иной мере, на что влияет воздействие факторов социофонетического (обусловленного социальными признаками говорящих) и фоностилистического (ситуативного) порядка [Медведева, 2017 ; Федотова, 2014 ; Jones, 2011 ; Lindsey, 2019 ; Roach, 2009 ; Upton, 2004 ; Wells, 1999]. Следует отметить, что если ряд явлений, к примеру, L-вокализация и T-глоттализация, имеют первостепенную социальную коннотацию и источник происхождения «снизу вверх» (изначально свойственны акценту Кокни и Эстуарному английскому), то такие процессы, как ассимиляция, количество выпадающих сегментов и появление интрузивных согласных в большей мере связывают с темпом речи и степенью тщательности артикуляции, то есть со стилистическим, или диафазным срезом вариативности. Анализируя артикуляцию аппроксимантов в современном британском АЯ, Т. В. Медведева указывает на то, что изучение многообразия живой разговорной речи, в противовес речи более корректной и рафинированной (например, чтения как вида речевой деятельности), обладает особой значимостью для современных фонетических исследований, поскольку в непринужденной речи возникают инновации, нередко на начальном этапе воспринимаемые как ошибки, отступления от нормы. Подобные ошибки и представляют интерес для фонетиста, поскольку они часто указывают на тенденции развития того или иного языка [Медведева, 2017, с. 131].

L-вокализация, представляющая собой замену аппроксиманта [ɹ] веляризованным [ɹ̥], вокоидом или гласным [w/o], отмечается в речи носителей нормативного произношения с 70–80 годов прошлого века, и является устоявшейся чертой современного RP в определенных типах контекста (после лабиальных согласных в конце слова, как в *table, people*) [Eriksen, 2015]. Вокализация /l/ означает потерю преграды между кончиком языка и альвеолами и свидетельствует о переходе полугласного аппроксиманта в разряд узких гласных [Медведева, 2017, с. 135].

В быстром темпе речи L-вокализация отмечается в таких фонетических контекстах, как 1) [ɹ→w/o/ __ #]: в поствокальной позиции перед паузой: *from Liverpool, incredibly well*; 2) [ɹ→w/o/ __ C]: поствокальной позиции перед согласным как в пределах одного слова, так и на стыке слов: *almost five, whole sequence*; 3) [ɹ→w/o/(syllabic)] слогаобразующий [ɹ], произносимый как [əl]/[əɪ] после согласного, предшествующий паузе или следующему слову: *A normal wedding, it's emotional*. Распределение реализаций вокализованного аппроксиманта [ɹ] проиллюстрировано на графике ниже.

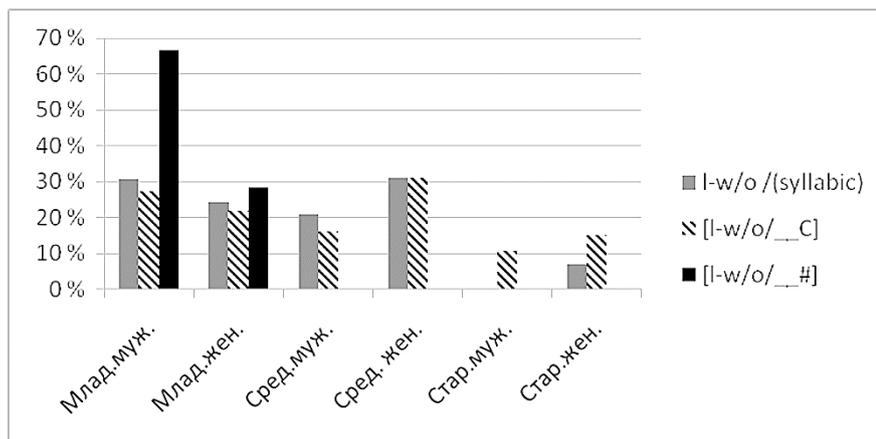

Рис. 2. Количественная характеристика реализаций [ɫ→w/o] в трех видах контекста в речи британцев-участников ШГН

Так, в первом типе контекста [ɫ→w/o/_#] наивысшее соотношение вокализованных аллофонов отмечено в речи молодых мужчин (67%), при 29% в младшей женской группе. Вокализация в контексте [ɫ→w/o/_C] наиболее распространена в речи женщин средней группы — 31%, 27% в речи молодых мужчин и 22% — в речи молодых женщин. Все информанты (но не в каждом случае) вокализируют [ɫ] в *always*. Говорящие из младших и средних групп реализуют «тёмный» аллофон в *called*, *all the*, *almost*. Примерами вокализации перед [ð] являются *all that*, *call them*, *well the*, перед билабиальным [m] — *film*, *filmed*, *filming*, *stole my*, *casual me* (в речи молодых информантов), *all my*, *overwhelmed* (в речи женщин средней группы). В речи молодежи вокализация происходит перед [r] (*feel right*, *already*). Из потенциальных реализаций аллофона исключен интервокальный контекст по причине его стигматизации в RP [Lindsey, 2019, p. 72]). Однако в речи молодых мужчин были зафиксированы 4 случая вокализации [ɫ] перед гласным: *school undercover* [sku:ɔ? ʌndəklʌvə], *steal it* ['sti:uə?'it] и др., в речи молодых женщин — один случай *well either* [wʌl 'aɪðə:]. Кроме того, в двух первых случаях гласные разделяет гортанная смычка, что говорит об импровизации, спонтанном решении использовать лексические единицы, отличные от изначального коммуникативного намерения. Вокализация слогообразующего [ɫ] в конце слова реализована максимально молодыми мужчинами и женщинами средней группы (по 31%): *people think* [pi:pu(w)'θɪŋk], *incredible real* [ɪn'kredbu rɪ'], *table tennis* [teɪbʊ 'tenɪs], *professional job* [prə'feʃnʊ: dʒɒb] и др. В третьем контексте многочисленна частичная вокализация, которая не включена в анализ статистического распределения ФСП по причине повсеместного использования в спонтанной речи. В речи информантов младших и средних групп наблюдается элизия [ɫ] как альтернативный механизм речевой компрессии.

На основании полученных данных можно сделать вывод о том, что наиболее консервативной является речь мужчин старшего возраста, тогда как в аналогичной возрастной группе женщины реализуют вокализованный [ɫ] более чем в два раза чаще. Наиболее восприимчивыми к изменениям являются молодые мужчины, в речи которых зафиксировано до 30% вокализованных аллофонов, а лидеры среди женщин — представительницы группы среднего возраста (29% вокализаций).

Т-глоттализация, некогда выступающая наиболее выпуклым маркером между кодифицированной и некодифицированными формами произношения, сегодня встречается в различных типах контекста и в речи носителей нормы. Естественной реализацией смычки является позиция между гласным и согласным (*it was*, *that you*, *that because*) [Lindsey, 2019, p. 68], при этом интервокальная реализация все ещё находится за гранью разговорной нормы RP [Upton, 2004]. В близком к демократичному RP Эстуарном английском процент гортанной смычки, установленный в 2000 году, составляет 32%, в RP — 8% [Przedlaska, 2000]. Фонетисты указывают на то, что представители среднего класса не реализуют смычку в «социально чувствительных позициях» в официальном стиле, снижают частотность препаузальных и превокальных реализаций, избегая интервокальных реализаций в середине слова, а представители высшего среднего класса избегают подобную артикуляцию как в официальной, так и в неофициальной речи, стараются избегать препаузальных и превокальных реализаций в неформальной речи и в чтении [Altendorf, Watt, 2004, p. 195]. Вариативность дистрибуции смычки в различных типах контекста [V?V] в гендерном и возрастном аспектах представляет интерес в социофонетическом отношении, поскольку является наиболее «социально чувствительным» и наименее инкорпорированным в RP контекстом. Реализация [V?V] в середине слова (*within a word*), в середине фонетического слова (*within a phonetic word*)

и на границе слов (*between words*) представлена на следующем графике (Рис. 2), где «YF» обозначает группу молодых мужчин, «YM» — группу молодых женщин, «MM» — мужчин средней группы, «MF» — женщин средней группы, «OM» — мужчин старшей группы, «OF» — женщин старшей группы).

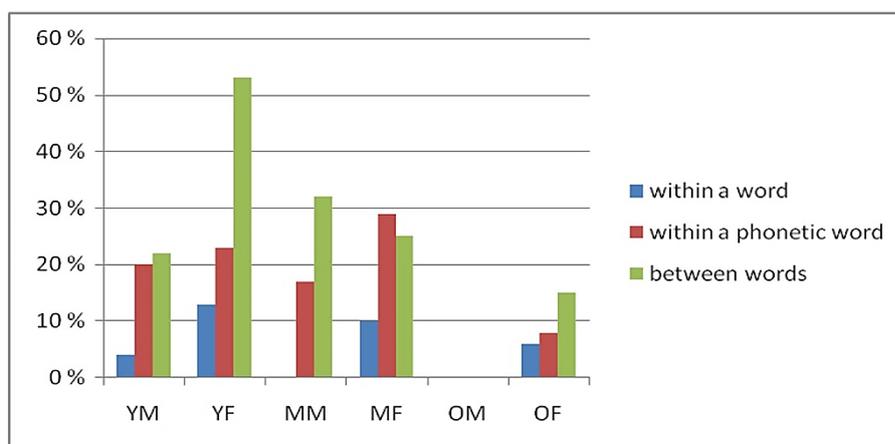

Рис. 3. Сравнительная репрезентация реализаций смычки [ʔ] в интервокальной позиции в речи участников ШГН в трех типах контекста

В инновационном контексте, т. е. в середине слова, субституции смычкой фиксируются в речи женщин. Молодые мужчины используют смычку в данном контексте в меньшем соотношении, чем женщины-участницы ШГН всех возрастных групп (3 %); более старшие мужские группы не артикулируют [VʔV] в середине слова. Среди женщин лидируют представительницы младшей группы (до 13 %).

Значительно чаще аллофон реализован в середине фонетического слова: от 8 % в речи женщин группы OF, до 29 % в речи MF. В младших группах соотношение [VʔV] в пределах фонетического слова составляет 15 % у мужчин и 23 % у женщин. Аллофон [ʔ] на стыке слов реализован в большем количестве: от 15 % в речи женщин OF до 53 % у YF.

В целом, в группах женщин наблюдается возрастная вариативность реализации [VʔV]: в каждом фонетическом контексте со снижением возрастного показателя возрастает количество субституированных аллофнов, однако интервокальная реализация в середине фонетического слова максимальна в речи женщин средней группы. Данную закономерность можно объяснить склонностью женщин как младшей, так и средней групп использовать более авангардные, менее стандартные произносительные формы по причине переосмысления гендерных ролей, влияющих на формирование восприятия себя и своего места в социуме, что происходит в последние десятилетия на глобальном уровне. Кроме того, спецификой британского сообщества «селебрити» в сфере масс-медиа является популярность у мужчин традиционного образа «джентльмена», что предполагает не только соответствующие «вежливые» речевые паттерны, но и подразумевает поиск такой формы общения, которая не воспринимается адресатом как высокомерная, старомодная, отталкивающая, комичная. Таким образом, мужчины групп MM и OM вовсе не реализуют смычку в середине слова между гласными, при соотношении реализаций [VʔV] в фонетическом слове на 10 % в речи мужчин средней группы.

Рассмотрим также другие особенности реализации консонантизма в современном RP. Глоттализиция и преглоттализиция взрывных [k], [p], [d] отмечается в небольшом соотношении в речи всех информантов, но более распространена в речи молодежи: *a fake name* [ə feiʔ 'neim], *take pictures* [theiʔ 'piʔtʃəz], *my acting* [maʔ 'æʔtiŋ].

Альвеолярные смычные /t/, /d/ и следующий за ними палатальный глайд /j/ претерпевают как элизию, так и сращение. Кроме того, опускание аппроксиманта может реализовываться в комбинации начальный /n/+j/. Коалесцирование включает аффрикатизацию [tj], [dj] (*dune=June*). Последнее явление отмечено в равной степени у молодых мужчин (*education* [edʒi'keɪʃn], *because you* [bə'kəz ju]) и женщин (*during* ['dʒɜ:riŋ], *producer* [prə'dʒu:sə], *called yet* [ku:d dʒiet]). Информанты средних групп дифтонгизируют /ju/ (в речи женщин: *his muse* [hɪz miy:z], *beautiful* ['biu:təfʊl]) и отбрасывают в безударной позиции: *particularly* [p'ɪkʊli]. Участники ШГН старшего возраста наиболее тщательно артикулируют сочетания с /j/. В целом, такие явления, как отбрасывание аппроксиманта либо сращение с предыдущим согласным, или коалесцирование, находят широкое распространение в быстром темпе речи британцев, владеющих произносительной нормой.

Отбрасывание начального /h/ отмечается в местоимениях и в формах глагола *have* несколько чаще в молодежной речи (что может объясняться более быстрой и эмоциональной речью). Некоторые информанты субституируют /h/ аппроксимантом /j/: *he hasn't* ['hi: 'jæznʔ], *play had* [plei jəd] (группа YF), *he has* ['hi: 'jəz] (YM), *we had* [wi jhəd] (MM).

В последнее время распространяются и такие черты, как палатализация согласного [t] и кластеров [st] (контексты /stj/ и /str/ и менее частотный /st+V/), аффрикатизация [t]. Наряду с коалесцированием /j/, замена [st] на [ʃt] вызывает у консервативных носителей RP недовольство и осуждение [Altendorf, 2003, p. 69]. Палатализация [t], [st] происходит перед [r] как в предударной позиции (*extremely* [ik'stri:mli], *tried to* ['tʃraɪ tu]), так и заударно (*it's a mystery* ['its ə 'mɪstʃri], *flattering* ['flætʃrɪŋ]), перед [j] (*don't you* [dɒntʃ ju]), перед [ə] (*I smoked in* ['ai sməʊktʃ m]), при редукции [ə] *into this* ['ɪntʃðɪs]). Интересно, что информанты более не артикулируют *literally* как ['lɪtərəli]: используются палатализованные варианты (также с полной редукцией [ə]): ['lɪtʃəli], ['lɪtʃrəli], ['lɪtʃruli], ['lɪtʃli], [lɪtʃəri], реже — с усеченными гласными на месте слога: [lɪtoli]. Анализ гендерной и возрастной дистрибуции ФСП показал, что палатализация [t], [st] отмечается в речи молодых информантов, отсутствует в речи представителей старшего поколения, у информантов средних групп выше в речи женщин, в речи троих мужчин указанные сочетания не зафиксированы. В быстром темпе в спонтанной речи происходит аффрикатизация ФСП [t] → [ts], что отмечается исследователями как явление, более свойственное женщинам, чем мужчинам, а также более характерное для речи жителей Лондона, в частности, носителей Кокни [Linguistics]. В настоящем исследовании аффрикатизация t→(t)s отмечена в младших и средних группах, преимущественно в речи у женщин (*at all* [əts ɔ:l], *got up* [gɒts ʌp], *about twenty minutes* [ə,ba:t 'tswentɪ 'mɪnɪts]). В речи одного из мужчин замены t→(t)s/ и t→tʃ/ встречаются около 10 раз, что является исключительно высоким соотношением (сам информант говорит о валлийских корнях и своем детстве, проведенном в Ливерпуле).

В результате акустического анализа звучащей речи британцев-участников ШГН было установлено, что для разделения гласных ФСП в потоке речи между словами, а иногда и на стыке морфем возникает соединительный [r] (*your eye, over a minute, helping her out*), «вторжение» аппроксиманта ([r]: *saw a lot* [sɔ:r ə lɒt], *no other* [nəʊr'ʌðə]; [w], [j]: *her on* [həwɒn], *to any* [tuwəni], *we all* [wi jɔ:l], *the other half* [ði j'ʌðə ha:f]) либо смычки (*there actually, architecture at*), также распространено слитное произношение слов (*ever expected, producer asked*). Интрузивные механизмы используются скорее с эмфатической целью и для ритмической организации речи, нежели для усиления четкости и большей разборчивости. Интрузивный [r], в отличие от соединительного, встречается в речи носителей нормы достаточно редко. В речи старшего поколения информантов не отмечены интервокальная интрузивная смычка и аппроксиманты [w], [j].

В последние годы фонетистами отмечается тенденция к усиленной аспирации [Lindsey, 2019, p. 55]. Так, взрывные /k/, /p/, /t/, /d/ имеют наибольшую придыхательную окраску в начале слова перед ударными гласными переднего ряда, открытыми гласными: *unpeels* [ʌnphi:lz], *time* [thaim], *teddy* [thedi], менее выраженную — перед гласными заднего ряда *point* [phɔɪnt], *possibly* [phɒsɪbli], [phɒʔ də]. Реже аспирация происходит заударно: *Buckingham* [blʌkɪŋəmə], перед аппроксимантами: *a piano* [ə phjəno], *place* [pleɪs]. В речи мужчин (YM) отмечается усиленная аспирация (веляризация) /h/: *film has happened* [fɪlm 'hæs'hæpənd], *either to him* ['iəðə tɪm].

В речи молодых участников и участниц ШГН явления усечения сегментных единиц в речевом потоке являются более частотными и разнообразными по сравнению с теми средствами, которые фиксируются в речи информантов остальных возрастных групп. К примеру, в средней и старшей группах отмечено меньшее количество выпадений /r/ и субституций, что объясняется, в первую очередь, более медленным темпом речи. Одним из контекстов элизии в речи молодежи является выпадение [d] в *and* как перед гласными, так и перед согласными (20-40 случаев у каждого говорящего).

Подводя итоги, следует отметить, что спонтанная речь в атмосфере неформального общения представляет собой неисчерпаемый источник эмпирического материала для наблюдения за явлениями компрессии, а именно, стяжением и выпадением сегментов, слогов и кластеров согласных. Среди компрессионных механизмов в речи участников ШГН отмечается также редукция гласных, элизия, коартикуляционные процессы, приводящие к ассимиляции согласных. Границы «сжимания», или предел, до которого сокращаются звуковые средства языка, не препятствуя пониманию, определяются установкой на адресат коммуникации, а также обуславливают выбор средств, выполняющих разграничительную и/или смысловозначительную функцию в быстром темпе речи при высокой степени ее эмоциональной окрашенности.

Заключение

На основании анализа результатов эмпирического исследования представляется возможным сделать ряд выводов:

1. L-вокализация реализуется информантами в регистре непринужденного общения, наиболее часто встречаясь в контексте слогаобразующего [l] после согласного в конце слова (*bottle, wonderful, people*). Произносительной инновацией, не утвердившейся в RP, выступает вокализация после гласного перед паузой (*pool, mill, school*): ФСП в данном контексте встречается в речи молодых информантов с высоким соотношением в речи мужчин. В этой же группе информантов зафиксированы интервокальные случаи реализации, по мнению исследователей находящиеся за пределами нормативного произношения.

2. Т-глоттализация в интервокальном контексте, находящемся за пределами нормы, более выражена в речи женщин, чем мужчин, а в возрастном аспекте — у молодых участниц. В целом, более частая, чем соотношение, отмечаемое исследователями ранее, реализация [VʔV] в речи образованных британцев объясняется участием произносительной нормы в глобальном процессе диалектного выравнивания произношения юго-востока Англии, которое затрагивает все формы языка жителей страны.

3. Глоттализация и преглоттализация взрывных [k], [p], [d], коалесцирование и аффрикатизация [tj], [dj], модификации инициального /h/ (отбрасывание, субституция аппроксимантом), использование интрузивных механизмов (интервокальная реализация аппроксимантов и гортанной смычки) реализуются в речи всех информантов, но более выражены в речи участников младших возрастных групп. В речи представителей старшего поколения не зафиксирована [r]-интрузия.

4. Среди инноваций последних десятилетий на первый план выступает палатализация согласного [t] и кластеров [st], аффрикатизация [t] → [ts], усиленная аспирация взрывных (также в заударном слоге), веляризация [h], что имеет возрастную специфику, а также может объясняться воздействием регионального фактора (принадлежность к диалектному континууму «Большого Лондона»).

5. Проявления компрессии в спонтанной речи наиболее разнообразны в речи молодых участников и участниц ШГН, что, однако, объясняется факторами скорее ситуативного, нежели территориального или социального порядка: молодежи свойственна более эмоциональная, иррациональная и сбивчивая речь, темп речи варьируется в большем диапазоне, нежели у представителей других возрастных групп. Следует принять во внимание то, что возраст как психологический фактор (ведущий как модератор коммуникации телешоу относится к средней возрастной группе) и присутствие других участников и аудитории, несмотря на тщательно выстроенную доверительную атмосферу дружеского общения, несомненно, оказывают воздействие на речь информантов, что позволяет наблюдать за спонтанно выстроенной речью и в некотором смысле сниженным самоконтролем говорящего к форме высказывания, поскольку информанты более сосредоточены на семантическом компоненте собственной речи.

В числе практических рекомендаций для преподавателей и исследователей, изучающих британский вариант АЯ, представляется возможным обратить пристальное внимание на такие произносительные тенденции, как: 1) расширение фонетического контекста Т-глоттализации (избегаемой между гласными в середине слова говорящими возрастом старше 35 лет) и L-вокализации (все чаще артикулируется препаузально), аффрикатизации сочетаний [tj], [dj]; 2) усиленная аспирация пловиков, аффрикатизация [t] → [ts], палатализация согласного [t] и кластеров [st] как явлений, имеющих региональную окраску; 3) характеристики разговорной речи, обусловленные ситуативным фактором (темпом, снижением самоконтроля, высоким уровнем экспрессии), среди которых выпадение сегментов и кластеров согласных, ассимилятивные механизмы, служащие экономии речевых усилий в беглом темпе речи. Наблюдение за перечисленными особенностями, включающее анализ звучащей речи на практических занятиях по фонетике АЯ, представляет возможности в плане дальнейших методических разработок для обучающихся в вузе, нацеленных на эффективное овладение современным британским произношением.

Данная работа выполнена в русле исследований, проводимых членами научной школы социофонетики и фоностилистики профессора А. Д. Петренко в КФУ имени В. И. Вернадского, и вносит вклад в разработку теории вариативности национального языка как целостной структуры, а также является примером исследования, осуществленного с помощью методологических приемов комплексного фонетико-фонологического анализа, разработанного фонетистами — членами научной школы. Исследование выполнено в соответствии с основными положениями теории нормы и вариативности произношения, тщательно разработанными российскими и зарубежными учеными. Полученные результаты могут быть использованы в теоретических курсах социолингвистики, социофонетики и фоностилистики, а также в теории и практике преподавания АЯ, в частности, при изучении вариативности речи на

занятиях по разговорной практике для оптимизации методики изучения произношения. Используемые методологические приемы могут применяться при изучении сегментного уровня фонетики национальных вариантов АЯ.

Список источников

1. Безбородова М. В. Развитие системы согласных британского варианта английского языка (на примере молодежной речи) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2023. — №1 (869). — С. 17–24.
2. Бурая Е. А., Галочкина И. Е., Шевченко Т. И. Фонетика современного английского языка. Теоретический курс : учеб. — 3-е изд., стер. — М. : Академия, 2009. — 272 с.
3. Медведева Т. В. Инновации в системе английских аппроксимантов: ошибки или маркеры развития? // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2017. — № 10 (783). — С. 129–137.
4. Медведева Т. В., Безбородова М. В. Изменения в современной системе британского произносительного стандарта (на примере вокализма) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2016. — № 15 (754). — С. 166–174.
5. Петренко А. Д., Петренко Д. А. Опыт социофонетического изучения звучащей речи // Иностранные языки в высшей школе. — 2019. — № 3 (50). — С. 23–36.
6. Федотова Ю. Б. Фоностилистическая вариативность социолекта лондонских студентов : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. — Донецк, 2014. — 20 с.
7. Altendorf U. Estuary English. Levelling at the Interface of RP and South-Eastern British English. — Tübingen : Gunter Narr Verlag, 2003. — 187 p.
8. Altendorf U., Watt D. The dialects in the South of England: phonology // A Handbook of Varieties of English. Vol. 1, Phonology. — Berlin : Mouton de Gruyter, 2004. — 1168p.
9. BBC News. Why have the white British left London? 20 February 2013. — URL : <https://www.bbc.com/news/uk-21511904> (дата обращения: 20.11.2024).
10. CILT, the National Centre for Languages. 13 February 2005. — URL : <https://web.archive.org/web/20050213180755/http://www.cilt.org.uk/faqs/langspoken.htm> (дата обращения: 20.11.2024).
11. Collins B., Mees I. M. [First publ. 1981]. The Phonetics of English and Dutch (5th ed.). — Leiden : Brill Publ., 2003. — 267 p.
12. Crystal D. Language and time. — URL : http://www.bbc.co.uk/voices/yourvoice/feature2_4.shtml (дата обращения: 20.11.2024).
13. Eriksen I. B. From L Vocalization to TH Fronting. A Study of Five Consonant Variables in Estuary English. — Univ. of Oslo. — Oslo, 2015. — 123 p.
14. Ethnic group — Office for National Statistics. — URL : www.ons.gov.uk (дата обращения: 20.11.2024).
15. Jones D. English pronouncing dictionary, 18th edition, ed. Peter Roach, Jane Setter & John Esling. — Cambridge: Cambridge University Press, 2011. — 614 p.
16. Lindsey G. English After RP: Standard British Pronunciation Today. — Cham Switzerland : Palgrave Macmillan, 2019. — 153 p.
17. Linguistics. /t/ sound is pronounced like [ts] in British — URL : <https://linguistics.stackexchange.com/questions/37707/t-sound-is-pronounced-like-ts-in-british-english> (дата обращения: 20.11.2024).
18. Population of London project. — URL : <https://projectbritain.com/london/population.htm> (дата обращения: 20.11.2024).
19. Przedlacka J. Estuary English and RP: Some recent findings // Studia Anglica Posnaniensia. — Poznan : Univ. im. Adama Mickiewicza, 2001. — Vol. 36. — Pp. 35–50.
20. Roach P. English phonetics and phonology: a practical course. 4th ed. — Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2009. — 231 p.
21. Schmitt H. The case for the epsilon symbol (ε) in RP DRESS // Journal of the International Phonetic Association. — № 37 (3). — Pp. 321–328.
22. The Guardian. — URL : [theguardian.com/science/2023/oct/31/language-barrier-why-even-harry-has-stopped-speaking-the-kings-english](https://www.theguardian.com/science/2023/oct/31/language-barrier-why-even-harry-has-stopped-speaking-the-kings-english) (дата обращения: 20.11.2024).
23. The Telegraph. — URL : <https://www.telegraph.co.uk/news/2023/10/30/kings-english-cockney-replaced-new-accents/> (дата обращения: 20.11.2024).
24. Top Languages Spoken In London milestone. — URL : <https://www.milestoneloc.com/languages-spoken-in-london/> (дата обращения: 20.11.2024).
25. Upton C. Received Pronunciation // A Handbook of Varieties of English. — Vol. 1, Phonology. — Berlin : Mouton de Gruyter, 2004. — 1168 p.

26. Wells J. C. *Accents of English*, 3 vols. — Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1982.
27. Wells J. C. Pronunciation preferences in British English: a new survey // *Proceedings of the XIVth International Congress of Phonetic Sciences*. Ohala J. J., Hasegawa Y., Ohala M., Granville D., Bailey A. C. (eds.). — San Francisco, 1999. — Pp. 1245–1248.

References

1. Bezborodova M. V. The development of the consonant system of the British variant of English language (on the example of the speech of youth). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Moscow state linguistic University Review. Series “Humanities”]. 2023, no. 1 (869), pp. 17–24. (In Russian).
2. Buraja E. A. *Fonetika sovremennogo anglijskogo jazyka. Teoreticheskij kurs: uchebnik dlja stud. lingv. vuzov i fak.* [Phonetics of the contemporary English language. Theoretical course: textbook for stud. of lingv. universities and faculties]. E. A. Buraja, I. E. Galochkina, T. I. Shevchenko. 3rd ed., ster. Moscow, Academy publ. centre, 2009, 272 p. (In Russian).
3. Medvedeva T. V. Innovations in the system of the English approximants: mistakes or markers of development? *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Moscow state linguistic university review. Ser. “Humanities”]. 2017, no. 10 (783), pp. 129–137. (In Russian).
4. Medvedeva T. V., Bezborodova M. V. Changes in the contemporary system of the British standard pronunciation (on the example of vocalism). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Moscow state linguistic University Review. Ser. “Humanities”]. 2016, no. 15 (754), pp. 166–174. (In Russian).
5. Petrenko A. D., Petrenko D. A. The experience of sociophonetic study of sounding speech. *Inostrannye jazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2019, no. 3 (50), pp. 23–36. (In Russian).
6. Fedotova Ju. B. *Fonostilisticheskaja variativnost’ sociolekta londonskih studentov* [Phonostylistic variability of the sociolect of London students]. Thesis diss., 10.02.04. Doneck, 2014, 20 p. (In Russian).
7. Altendorf U. *Estuary English. Levelling at the Interface of RP and South-Eastern British English*. Tübingen, Gunter Narr Verlag, 2003, 187 p.
8. Altendorf U., Watt D. The dialects in the South of England: phonology. *A Handbook of Varieties of English*. Vol. 1: Phonology. Berlin, Mouton de Gruyter, 2004, 1168 p.
9. *BBC News. Why have the white British left London?* 2013, 20 February. Available at: <https://www.bbc.com/news/uk-21511904> (accessed 20.11.2024).
10. *CILT, the National Centre for Languages*. 2005, 13 February. Available at: <https://web.archive.org/web/20050213180755/http://www.cilt.org.uk/faqs/langspoken.htm> (accessed 20.11.2024).
11. Collins B., Mees I. M. [First publ. 1981]. *The Phonetics of English and Dutch* (5th ed.), Leiden, Brill Publ., 2003, 267 p.
12. Crystal D. *Language and time*. Available at: http://www.bbc.co.uk/voices/yourvoice/feature2_4.shtml (accessed 20.11.2024).
13. Eriksen I. B. *From L Vocalization to TH Fronting. A Study of Five Consonant Variables in Estuary English*. Univ. of Oslo. Oslo, 2015, 123 p.
14. *Ethnic group — Office for National Statistics*. Available at: www.ons.gov.uk (accessed 20.11.2024).
15. Jones D. *English pronouncing dictionary*. 18th ed., ed. Peter Roach, Jane Setter & John Esling. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2011, 614 p.
16. Lindsey G. *English After RP: Standard British Pronunciation Today*. Cham Switzerland, Palgrave Macmillan, 2019, 153 p.
17. *Linguistics. /t/ sound is pronounced like [ts] in British*. Available at: <https://linguistics.stackexchange.com/questions/37707/t-sound-is-pronounced-like-ts-in-british-english> (accessed 20.11.2024).
18. *Population of London project*. Available at: <https://projectbritain.com/london/population.htm> (accessed 20.11.2024).
19. Przedlacka J. *Estuary English and RP: Some recent findings*. *Studia Anglica Posnaniensia*. Poznan, Uniw. im. Adama Mickiewicza, 2001, vol. 36, pp. 35–50.
20. Roach P. *English phonetics and phonology: a practical course*. 4th ed. P. Roach. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2009, 231 p.
21. Schmitt H. *The case for the epsilon symbol (ε) in RP DRESS*. *Journal of the International Phonetic Association*. No. 37 (3), pp. 321–328.
22. *The Guardian*. Available at: [theguardian.com/science/2023/oct/31/language-barrier-why-even-harry-has-stopped-speaking-the-kings-english](https://www.theguardian.com/science/2023/oct/31/language-barrier-why-even-harry-has-stopped-speaking-the-kings-english) (accessed 20.11.2024).
23. *The Telegraph*. Available at: <https://www.telegraph.co.uk/news/2023/10/30/kings-english-cockney-replaced-new-accents/> (accessed 20.11.2024).

24. *Top Languages Spoken In London milestone*. Available at: <https://www.milestoneloc.com/languages-spoken-in-london/> (accessed 20.11.2024).
25. Upton C. Received Pronunciation. *A Handbook of Varieties of English*. Vol. 1: Phonology. Berlin, Mouton de Gruyter, 2004, 1168 p.
26. Wells J. C. *Accents of English, 3 vols*. Cambridge Cambridge Univ. Press, 1982.
27. Wells J. C. Pronunciation preferences in British English: a new survey. *Proceedings of the XIVth International Congress of Phonetic Sciences*. Ohala J. J., Hasegawa Y., Ohala M., Granville D., Bailey A. C. (eds.). San Francisco, 1999, pp. 1245–1248.

Информация об авторе

Онищенко Юлия Викторовна — старший преподаватель кафедры иностранных языков № 3 Института филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского.

Information about the author

Onischenko, Julia V. — Senior Teacher of the Department of Foreign Languages №3 of the Institute of Philology, Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky.

*Статья поступила в редакцию 29.11.2024;
одобрена после рецензирования 12.12.2024;
принята к публикации 16.12.2024.*

*Submitted 29.11.2024;
approved after reviewing 12.12.2024;
accepted for publication 16.12.2024.*

Иностранные языки в высшей школе. 2025. № 1 (72). С. 87–97.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2025;1(72):85–97.

Научная статья
УДК 811
DOI: 10.37724/RSU.2025.72.1.011

К проблеме типологии семантических корреляций глагольных эмотивов и жестов в телевизионном дискурсе (на материале российской передачи «Жизнь и Судьба»)

Руджери Федерика

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
federica.ruggeri@mail.ru

Аннотация. В статье освещаются результаты анализа глагольных эмотивов и сопровождающих их одноручных и двуручных жестов. Источником исследовательского материала являются выпуски российской телепередачи «Жизнь и Судьба» общей продолжительностью 6 часов 20 минут. Разработана методика анализа, которая включает: 1) анализ структуры телеинтервью и установление количественных и качественных показателей стимулирующих и реагирующих реплик, составляющих диалогические единства; 2) кодовая разметка глагольных эмотивов, их семантический анализ и выявление соотношения глагольных эмотивов с положительной, нейтральной и отрицательной оценкой; 3) прагматический анализ одноручных и двуручных жестов-сопроводителей глагольных эмотивов, направленный на раскрытие определенного эмоционального состояния коммуникантов по отношению к событию, собеседнику, прошлому опыту, о котором говорится. Установлено, что тот или иной оценочный модус глагольных эмотивов может влиять на выбор жестикационной руки в процессе передачи эмоций и чувств участников телешоу. Полученные результаты доказывают, что глагольных эмотивов с положительной и нейтральной эмоцией сопровождаются праворучными жестами, в то время как глагольные эмотивы с отрицательной оценкой характеризуются двуручными жестами.

Ключевые слова: глагольные эмотивы, жестовые сопроводители, семантическая корреляция, диалогическое единство, модусная оценка, эмоции, актуализация, теледискурс, ведущий, интервьюируемый.

Для цитирования: Руджери Ф. К проблеме типологии семантических корреляций глагольных эмотивов и жестов в телевизионном дискурсе (на материале российской передачи «Жизнь и Судьба») // Иностранные языки в высшей школе. 2025. № 1 (72). С. 87–97. DOI: 10.37724/RSU.2025.72.1.011.

Original article

On the problem of semantic correlations' typology between verbs and gestures in television discourse (the case study of the Russian television show “Zhizn i Sudba”)

Ruggeri Federica

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

federica.ruggeri@mail.ru

Abstract. The paper highlights the results of analysis of emotive verbs and their co-speech one-handed and two-handed gestures. The source of research material are interviews from the Russian TV show *Zhizn i Sudba* (Rus. Жизнь и Судьба) with the running time of about 6 hours 20 minutes. The developed methodology includes: 1) analysis of the structure of television interviews and the establishment of quantitative and qualitative indicators stimulating and reacting replicas, composing a dialogical unit; 2) annotation of emotive verbs, their semantic analysis and the identification of patterns of correspondence between emotive verbs and their positive, neutral and negative emotive valence; 3) pragmatic analysis of one-handed and two-handed gestures accompanying emotive verbs and aiming at revealing a determined emotional state of the speakers in relation to an event, interlocutor or a past experience. It was found that emotive valences of verbs can influence the choice of gesture hand in transmitting emotions and feelings in TV shows. The main results of our study show that emotive verbs with positive and neutral emotive valences are accompanied by right-handed gestures while emotive verbs with negative emotive valence are characterized by two-handed gestures.

Keywords: emotive verbs, co-speech gestures, semantic correlation, dialogical unit, emotive valence, emotions, actualization, television discourse, host, interviewee.

For citation: Ruggeri F. On the problem of semantic correlations' typology between verbs and gestures in television discourse (the case study of the Russian television show “Zhizn i Sudba”). *Inostrannyye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2025, 1(72); (In Russ.) Pp. 87–97. DOI: 10.37724/RSU.2025.72.1.011.

Введение

Во второй половине XX века все большее внимание стали привлекать вопросы взаимодействия естественного языка с разными модальностями (кинетической, визуальной и т.д.). Как указывает О. К. Ирисханова, в современную эпоху лингвистика сильно изменилась, переходя «от системно-структурного к коммуникативному этапу, когда на первый план выходит изучение естественной коммуникации и полимодальность начинает более последовательно, чем это было принято ранее, рассматриваться как неотъемлемое свойство вербального общения и языка в целом» [Ирисханова, 2022, с. 22].

Интенсивное изучение речи в её соотношении с другими невербальными средствами коммуникации (например, с кинетическими средствами) привело к формированию такого нового междисциплинарного направления, как «жестикационная лингвистика» (далее — ЖЛ). Согласно С. О. Савчук, главной задачей ЖЛ является «описание взаимоотношений между жестикацией и словесной структурой» [Савчук, 2021, с. 214]. В число основоположников этого направления входят М. А. К. Халлидей, Г. Кресс, Т. ван Лиувен и М. О'Тул, которые развивают идею о смысловом потенциале жестов, впервые сформулированную в работах М. А. К. Халлидея. Вслед за ними множество исследователей, как российских, так и зарубежных, начали посвящать свои труды изучению вербально-жестовых комплексов. К числу ведущих научных школ, развивающих теорию и методологию ЖЛ, относятся американская и британская школы, а также итальянская школа. Среди их представителей выделяют А. Кендона [Kendon, 2024], Д. Макнилла [McNeill, 1995], П. Диадори [Diadori, 1990], Ф. Каона [Caon, 2010], Е. Маньо Кальдоньетто, И. Поджи [Magno-Caldognetto, Roggi, 2004, 2013] и др. Среди российских ученых особый вклад в разработку проблематики ЖЛ вносят научные труды Е. А. Гришиной [Гришина, 2017], А. А. Кибрика [Кибрик, 2010, 2018], О. К. Ирисхановой [Ирисханова, 2022], Е. Г. Логиновой [Логинова, 2023], Ю. В. Николаевой [Литвиненко, Николаева, Кибрик, 2017], О. В. Федоровой [Кибрик, Федорова, 2018] и др.

Одним из ключевых понятий нашего исследования является понятие «жеста». Мы опираемся на определение американского ученого Д. Макнилла, согласно которому «жесты» — это не только действия, но и «знаки, обладающие самостоятельным значением»¹. Для изучения интеграции жестов и речи Д. Макнилл вводит понятие «точка роста», под которым он понимает общий источник, активирующий одновременно жесты и речь. Американский ученый также придерживается распространенной теории, согласно которой жесты «сосуществуют» с речью, но при этом качественно отличаются от нее [McNeill, 1995, pp. 105]. Дальнейшее изучение жестов способствовало более глубокому осмыслению взаимоотношений между жестами и системой языка в процессе передачи эмоций говорящих, поскольку эмотивная нагрузка может быть передана разными коммуникативными каналами. В рамках ЖЛ, исследователи пытаются определить, что такое жесты, учитывая не только их функции, но и исследуя их семантический потенциал, прагматическую нагрузку, их отношение к вербальной и другим модальностям и проч. В данном контексте, особо важными для нас являются «прагматические жесты», т. е. те жесты, которые передают определенную эмоционально-чувственную информацию в процессе коммуникации подобно языковым единицам, в частности, таким, как глагольные эмотивы [Зыкова, 2024].

Основная часть

1. Методика и материал исследования

Цель нашего исследования — установить наличие семантической связи между глагольными эмотивами (далее — ГЭ) и сопровождающими их мануальными жестами, производимыми одной (левой/правой) или двумя руками. Для достижения данной цели мы поставили следующие задачи: (1) проанализировать современные концепции изучения «рукости» жеста и ее взаимодействие с речью; (2) провести анализ выявленных ГЭ по их оценочному модусу (положительному, отрицательному, нейтральному); (3) выявить коммуникативные роли интервьюера (ведущего) и интервьюируемого (гостя) посредством анализа специфики формирования диалогических единств, являющихся ключевым строевым элементом телеинтервью; (4) рассмотреть жестовые сопроводители ГЭ по «рукости» и эмоциональной нагрузке; (5) выявить семантические корреляции между ГЭ и одноручными или двуручными жестами.

В качестве источника исследовательского материала выступает российское ток-шоу «Жизнь и Судьба». Для проведения нашего исследования были отобраны 20 телеинтервью за период январь-декабрь 2023 г. Общая продолжительность телематериала составляет 6 часов 20 минут. В ходе отбора выпусков мы руководствовались следующими критериями: диалоги должны проходить в студии; диалоги должны быть между ведущим телепередачи и одним гостем; диалоги не должны быть в смешанном формате (ведущий взаимодействует с гостем, подключенным дистанционно), так как данный формат общения не позволяет анализировать кинетический канал; диалоги не должны включать зарубежных гостей, так как на основе данного материала мы намерены проанализировать только речь и жесты от русских спикеров.

Для анализа телеинтервью мы учитываем подходы к пониманию эмотивов таких ученых, как В. Г. Гак [Гак, 2016], И. В. Зыкова [Зыкова, 2011, 2024], Ионова С. В. [Ионова, 2023], В. Н. Телия [Телия, 1996], В. И. Шаховский [Шаховский, 2009], а также научные труды итальянских ученых, в частности, И. Поджи и Е. Маньо-Кальдоньетто, которые занимаются изучением жестов и их взаимодействия с речью с точки зрения передачи эмоций говорящего [Poggi, Magno-Caldognetto, 2004]. Мы опираемся на понятия «эмотивная лексика» и «эмоции», представленные в работе данных итальянских лингвистов «Il parlato emotivo» («Эмотивная лексика»). Согласно мнению И. Поджи и Е. Маньо-Кальдоньетто, «эмоция» — сложное субъективное состояние, которое включает в себя познавательные, субъективные, физиологические, мотивационные и экспрессивные аспекты². Исследуя эмотивную речь (“parlato emotivo”), они уделяют особое внимание лексике, в том числе эмотивным глаголам, таким, как *ammiro* (восхищаюсь), *odio* (я ненавижу), *mi vergogno* (я стыжусь), *mi arrabbio* (я злюсь) [Poggi, Magno-Caldognetto, 2004]. По мнению итальянских ученых, проявление определенной эмоции с помощью различных коммуникативных каналов зависит от разных факторов, к которым относится также ее оценка (положительная, отрицательная, нейтральная) [Poggi, Magno-Caldognetto, 2004].

¹ «Gestures are symbols that exhibit meanings in their own right» [McNeill, 1995, с. 105].

² L'emozione è uno stato soggettivo complesso che comprende aspetti cognitivi, di vissuto soggettivo, fisiologici, motivazionali ed espressivi [Poggi, Magno Caldognetto, 2004].

2. «Handedness» в изучении жестикуляции

Особый интерес для нашего исследования представляют подходы к изучению композиционной структуры жестов, частью которой является такая составляющая, как «handedness», т. е. количество рук, участвующих в жесте при произнесении определенного ГЭ. Жесты могут быть одноручными (производятся левой или правой рукой) или двуручными (производятся двумя руками). В случае двуручных жестов руки могут двигаться «симметрично (зеркально) относительно одной из осей тела или плоскостей, могут двигаться одинаково, либо же по-разному» [Литвиненко, Николаева, Кибрик, Федорова, 2018, с. 16]. Включаются также в список двуручных жестов и те жесты, которые не совпадают по времени, так называемые «синхронные скординированные выполнения двумя руками жестов с разной функциональностью» [Там же, с. 18]. В случае рассинхронизации руки движутся разными траекториями и имеют разные формы.

В своем исследовании А. А. Кибрик и его соавторы установили, что частотность произведения того или иного жеста одной рукой или обеими руками в определенных коммуникативных контекстах может способствовать созданию корреляций между одноручными или двуручными жестами и теми или иными речевыми контекстами, в которых они повторяются [Литвиненко, Николаева, Кибрик, 2017]. Кроме того, определение частотности в употреблении одноручных или двуручных жестов у коммуниканта является важным для формирования так называемого «жестикуляционного портрета» [Kibrik, Fedorova, 2018, pp. 1911].

3. Структура диалога и понятие «диалогического единства»

При изучении семантического аспекта взаимодействия ГЭ и жестов представляется необходимым учитывать особенности организации диалогической речи, важным понятием в изучении которой является понятие «диалогического единства».

Диалогические единства (далее — ДЕ) могут состоять из двух, трех или более реплик и, соответственно, могут быть двучленными, трехчленными или многочленными. Согласно И. В. Зыковой, выделение и анализ состава ДЕ, организующих спонтанную устную коммуникацию, позволяют, прежде всего, глубже понять психологическую основу диалога, успешность которого зависит от взаимодействия двух коммуникантов, находящихся в обозначенный момент времени в эмоциональном состоянии, определяющем их коммуникативные роли (главные и второстепенные, разную меру активности или вклада в диалогическое общение) [Зыкова, 2022]. Как указывает исследователь, выявление количественных и качественных показателей, составляющих ДЕ, позволяет оценить психоэмоциональный настрой участников коммуникации и ее характер, а также может способствовать выявлению специфики или факторов распределения эмоциональной нагрузки между используемыми в ходе общения вербальными и невербальными средствами, которыми пользуются участники диалога, в частности, между глагольными эмотивами и жестами [Зыкова, 2022, 2024].

В ходе исследования нами было обнаружено 189 двусоставных ДЕ (диалогических единств), 187 из которых инициированы ведущим и только 2 — гостем.

Среди реплик, инициированных ведущим, выделяются 113 реплик-высказываний «вопрос-ответ» (пример 1):

(1) КОРЧЕВНИКОВ: *Жалели, жалели когда-нибудь потом, что вот так вот ушли?*

РОДНИНА: *Наверное, нет.* [Интервью-1, И. Роднина, 21.11.23].

Выделяются также 24 реплики «вопрос-восклицание», в которых ведущий является инициатором, т. е. вступает первым в диалоге (пример 2):

(2) КОРЧЕВНИКОВ: *Леша был рядом с вами, когда Алеся появлялась на свет?*

КОВАЛЬЧУК: *Конечно!* [Интервью-2, И. Ковалчук, 27.10.23].

А также 12 реплик «сообщение-сообщение» (пример 3):

(3) КОРЧЕВНИКОВ: *<...> И он приходит туда сейчас после всего того, что они переживали все последние тридцать лет, вот эта украинизация, потом последний закон вообще о запрете русских.*

БОНДАРЕНКО: *Да, этот закон, это мне дед рассказывал, это назывался закон о коренном населении Украины.* [Интервью-3, С. Бондаренко, 09.08.23].

Кроме того, было обнаружено 25 ДЕ с побуждающей и восклицательной функцией со стороны ведущего (пример 4):

(4) КОРЧЕВНИКОВ: *Ваша Журавушка для них это тот образ, который может их немножко покрыть, поддержать. А что Вы им скажете таким нашим сегодняшним Журавушкам?*

ЧУРСИНА: *Сегодняшним нашим журавушкам женищинам, матерям, дочерям, сестрам я хочу сказать и пожелать «Не теряйте надежды и веры».* [Интервью-4, Л. Чурсина, 14.08.23].

Согласно полученным данным к многосоставным можно отнести 122 ДЕ, 118 из которых инициированы ведущим. Как двусоставные ДЕ, так и большинство многосоставных ДЕ являются репликами «вопрос-сообщение-восклицание» (50 ДЕ) и «сообщение-сообщение-восклицание» (22 ДЕ), см. примеры (5) и (6), соответственно:

(5) КОРЧЕВНИКОВ: *Николай Петрович, <...> Чем все завершится? Что Вам открывали? Что Вам открыто?*

БУРЛЯЕВ: *Серафим Саровский говорил, точно я не помню всю фразу, но суть такая: «Господь приведет Россию через страдания к просветлению». О великой Победе, через страдания. А как иначе? Мы стим, грешные люди! Встряхнул нас, встряхнул Господь Бог.*

КОРЧЕВНИКОВ: *Это жизнь и судьба Николая Бурляева!* [Интервью-5, Н. Бурляев, 17.07.23].

ДЕ в примере (5) открывается вопросом ведущего, на который гость отвечает сообщением. Третья реплика, закрывающая ДЕ является восклицанием.

(6) КОРЧЕВНИКОВ: *Говорит только о том, что глубинно все всё понимают. И когда мы победим, мир начнет выздоравливать. Причем, мне кажется, что довольно быстро выздоровеет.*

ТАКТАРОВ: *И надеюсь на долгие годы. Надеюсь, что наши дети, наши внуки проживут в хорошем мире, в спокойном мире, в мире, где идет развитие.*

КОРЧЕВНИКОВ: *Так и будет!* [Интервью-6, О. Тактаров, 22.05.23]

Кроме того, было обнаружено 26 ДЕ «побуждение-восклицание», «восклицание-восклицание», «восклицание-побуждение» и т. д., инициированных ведущим и вызывающих определенный эмотивный отклик у гостей (в виде восклицания, побуждения, вопроса). Пример (7) демонстрирует многосоставное ДЕ с несколькими восклицаниями, инициированное ведущим и вызывающее эмотивный отклик у гостя:

(7) КОРЧЕВНИКОВ: *Я очень рад, что....*

КОВАЛЬЧУК: *Супер!*

КОРЧЕВНИКОВ: *что угадал с подарками!*

КОВАЛЬЧУК: *Классно! Спасибо огромное!* [Интервью-2, И. Ковалчук, 27.10.23]

В примере (7) реплика-восклицание ведущего вызывает у гостя такую же положительную эмотивную реакцию в виде восклицания.

Таким образом, диалоги телеинтервью характеризуются специфическим проявлением эмоций со стороны участников, особенно со стороны ведущего, вызывающего определенную ответную эмоциональную реакцию у гостей. ГЭ, обнаруженные в нашем материале, соответствуют классификации, предложенной И. В. Зыковой [Зыкова, 2024], в которой выделяются три основных типа ГЭ (прямые номинации, речевые акты, образные номинации).

4. Типы семантических корреляций глагольных эмотивов и их жестовых сопроводителей

В проанализированном нами материале было обнаружено всего 362 ГЭ. Их распределение по оценочному модусу и коммуниканту показано в таблице (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение глагольных эмотивов с положительной, нейтральной и отрицательной оценкой в анализируемых выпусках (в абсолютных показателях)

	ГЭ с положительной оценкой	ГЭ с нейтральной оценкой	ГЭ с отрицательной оценкой
Ведущий	50 единиц	44 единицы	30 единиц
Гости	75 единиц	111 единица	53 единицы
Всего:	125 единиц	155 единиц	83 единицы

Согласно анализу ведущий использует 34 ГЭ (124 употребления), а гости — 49 ГЭ (239 употреблений). В ходе рассмотрения выделяются как ГЭ, так и случаи их употребления, поскольку некоторые ГЭ используются коммуникантами несколько раз.

Из общего количества обнаруженных ГЭ 155 являются ГЭ с нейтральной оценкой (44 ГЭ — у ведущего, 111 — у гостей), такие, как *хотеть, чувствовать, ощущать* и т.д. (пример 8):

(8) СВИРИДОВА: *Ну, тогда мне хотелось дать ему того вот, чего не было у меня, наверное, вот возможность там сразу поучиться где-нибудь там попутешествовать, увидеть мир.* [Интервью-7, А. Свиридова, 26.05.23]

ГЭ с положительной оценкой, выражающие эмоции, такие как любовь, гордость, а также благодарность, поздравления, пожелания и т. д. в проанализированном материале — 125 ГЭ (50 ГЭ — у ведущего, 75 — у гостей). Одними из них являются *любить, гордиться, благодарить, желать, надеяться* и т.д. (пример 9).

(9) ПАШУТИН: *<...> и надеюсь, у меня будет такая возможность поехать на фронт туда своим.* [Интервью-8, А. Пашутин, 13.02.23]

Также было обнаружено 83 ГЭ с отрицательной оценкой (30 — у ведущего, 53 — у гостей), выражающих страх, волнение, негодование и т. д. (*бояться, переживать, пожалеть, ненавидеть* и т. д.) (пример 10).

(10) ПРИМАКОВ: *Да, мы переживаем за те страшные жертвы, которые там происходят* [Интервью-9, Е. Примаков, 14.11.23].

Как установлено анализом типов эмотивов, было обнаружено: прямые номинации — 319 употреблений, речевые акты (поздравления, комплименты, сожаление и т.д.) — 43 употребления.

В проанализированном материале среди прямых номинаций особо выделяются ГЭ таких оценочных модусов, как *поддерживать, надеяться, любить*, а также *хочет, чувствовать, переживать, бояться* и т.д. (см. примеры 11; 12; 13):

(11) ТАКТАРОВ: *Это люди, которые не поддерживают всю эту извращенном новую повестку.* [Интервью-10, О. Тактаров, 22.05.23].

(12) МАТВЕЙЧУК: *А хочу сказать, что мы чувствовали очень серьезную ответственность и чувствовали, что мы делаем что-то очень хорошее для этих людей, что-то очень важное* [Интервью-11, Г. Матвейчук, 12.05.23].

(13) МИХАЙЛОВ: *Я очень переживаю, очень переживаю!* [Интервью-12, А. Михайлов, 10.10.23].

Как было установлено, не все ГЭ будут сопровождаться жестиком. Так, у ведущего — 39 употреблений ГЭ из 124 сопровождаются жестами, у гостей — 82 употребления ГЭ из 239 имеют жестовое сопровождение). Жесты, сопровождающие ГЭ в анализируемых диалогах, определяются как семантически связанные жесты и представляют собой подтип собственно прагматических жестов.

В результате анализа количества используемых рук при произнесении ГЭ и выбора определенной руки были выявлены следующие количественные данные. Сводные данные представлены в таблице 2 (см. табл. 2).

Таблица 2

Корреляции одноручных и двуручных жестов с ГЭ трех оценочных модусов

	ГЭ с положительной оценкой			ГЭ с нейтральной оценкой			ГЭ с отрицательной оценкой		
	Одноручный (левая рука)	Одноручный (правая рука)	Двуручные	Одноручный (левая рука)	Одноручный (правая рука)	Двуручные	Одноручный (левая рука)	Одноручный (правая рука)	Двуручные
Гости	3	12	13	4	14	17	2	6	17
Ведущий	-	10	3	6	13	2	1	9	4
ИТОГО	3	22	16	10	27	19	3	15	21

Из таблицы 2 следует, что в результате анализа была установлена корреляция между ГЭ с положительной оценкой и сопровождающими их праворучными жестами (22 жеста) (примеры 14 и 15).

Пример (14)

(14) КОРЧЕВНИКОВ: *Сегодня Ваш день рождения! Я Вас поздравляю с ним!* [Интервью-13, С. Мазаев, 17.12.23].

В примере (14) при произнесении ГЭ с положительной оценкой «поздравляю» ведущий производит одноручный жест правой руки, который актуализирует значение ГЭ с положительной оценкой *поздравляю*.

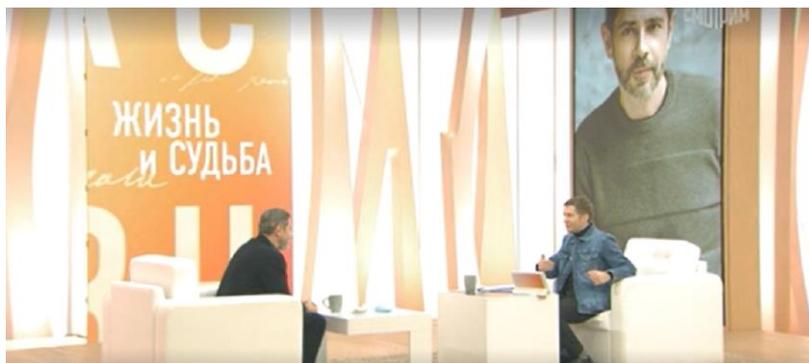
Пример 15

(15) КОНЧАЛОВСКИЙ: *Он был очень мудрый человек и, так сказать, ментально быстро адаптировался. Мы, кстати, очень дружили в это время, вот девяностые годы* [Интервью-14, Е. Кончаловский, 16.01.23].

В примере (15) гость сопровождает ГЭ с положительной оценкой *дружить* жестом правой руки. Жест правой руки семантически согласуется с ГЭ и в данном случае актуализирует смыслы, указывающие на специфику дружбы «гладко, без каких-либо препятствий».

В отношении ГЭ с нейтральной оценкой была также обнаружена семантическая корреляция с праворучными жестами (27 жестов) (примеры 16 и 17):

Пример (16)

(16) КОРЧЕВНИКОВ: *Тогда и Эльмира, я же помню ее интервью, когда она говорила, что «Мы будем разводиться! Человек не хочет, не хочет».* [Интервью-3, В. Николаев, 20.12.23].

В примере (16) ведущий сопровождает ГЭ с нейтральной оценкой *хочет* одноручным жестом правой руки. Жест в данном контексте изображает некий барьер правой рукой ведущего, которая актуализирует значение ГЭ *хотеть*, употребленного в данном случае в отрицательной форме.

Пример (17)

(17) ПАШУТИН: *Да, мы были в Луганске. И вот я почувствовал вот это дыхание фронта* [Интервью-8, А. Пашутин, 13.02.23].

В примере (17) гость сопровождает ГЭ с нейтральной оценкой «почувствовать» праворучным жестом, подчеркивающим значение ГЭ.

Была также обнаружена семантическая корреляция между ГЭ с отрицательной оценкой и двуручными жестами (21 жест) (примеры 18 и 19):

(18А-Б) ТАКТАРОВ: *Я думал сначала, может быть, журналисты его как-то в это втянули. Он где-то слово сказал. Зацепились, его начали поливать неумные слои населения. Он обозлился дальше больше* [Интервью-6, О. Тактаров, 22.05.23]

Пример (18А)

Пример (18Б)

В примере (18А) гость сопровождает ГЭ с отрицательной оценкой жестом, производимым двумя руками, которые движутся сверху вниз с целью передать образное значение *поливать*, т. е. «говорить человеку (крайне) неприятные слова». Следовательно, данный двуручный жест согласуется с ГЭ, передавая его отрицательную эмотивную нагрузку. В примере (18Б) ГЭ с отрицательной оценкой *обозлился* сопровождается жестом обеих рук, направленных друг на друга и изображающих некий шар, что в данном контексте понимается как «некая внутренняя отрицательная энергия, которую невозможно больше сдержать». Таким образом, с помощью этого двуручного жеста усиливается значение ГЭ, который он сопровождает.

Пример 19

(19) ТОЛСТОЙ: *Кто, живущий в России, боится французских танков?!* [Интервью-15, П. Толстой, 29.05.23]

В примере (19) П. Толстой произносит ГЭ с отрицательной оценкой *боится* и синхронно делает жест двумя руками, который способствует интенсификации данного глагола.

Заключение

Обобщая полученные результаты, мы делаем следующие выводы:

– В структуре дискурса ведущий играет решающую роль в создании определенной эмоциональной атмосферы в ходе телеинтервью, поскольку 94,7 % инициирующих реплик в диалоге с гостями программы, в состав которых входят глагольные эмотивы, принадлежит ему. На основании этого мы можем говорить о том, что в проанализированных выпусках эмоциональный настрой коммуникантов (приглашенных гостей), их эмоциональные вербальные и невербальные реакции «задаются» теми стимулами (вербальными и невербальными), которые исходят от ведущего.

– Одноручная и двуручная жестикуляция при ГЭ (положительной, нейтральной, отрицательной оценки) в рассмотренном материале составляла 37,5 % при ГЭ всех трех модусов. В результате анализа было обнаружено 30 % жестовых сопроводителей при ГЭ с положительной оценкой, 41 % — при ГЭ с нейтральной оценкой, 29 % — при ГЭ с отрицательной оценкой).

– Оценочный модус того или иного глагольного эмотива в теледискурсе влияет на семантический параметр «рукость», т. е. выбор рук, участвующих в передаче эмоций и чувств коммуникантов.

– Праворучные жесты чаще сопровождают ГЭ с положительной и нейтральной оценками (54 % и 48 %, соответственно).

– Двуручные жесты чаще всего сопровождают ГЭ с отрицательной оценкой, такие как *ненавидеть, переживать, бояться* и т. д. (54 %). Это свидетельствует о том, что в российском теледискурсе проявление некой отрицательной эмоции сопровождается более эмфатическими жестами (двуручными).

Таким образом, отметим, что настоящее исследование было направлено на изучение *handedness* («рукость») и ГЭ того или иного оценочного модуса (положительного, нейтрального, отрицательного) для установления семантических корреляций «ГЭ+праворучный\леворучный жест» и «ГЭ+двуручный жест». В дальнейшем нам видится перспективным проведение сопоставительного исследования параметра «*handedness*» в дискурсе ток-шоу на разных языках (итальянском, английском и др.) для выявления социокультурных и лингвокультурологических особенностей взаимодействия эмотивов и их жестовых сопроводителей.

Список источников

1. Гак В. Г. Языковые преобразования. Виды языковых преобразований. Факторы и сферы реализации языковых преобразований. — М. : ЛИБРОКОМ, 2016. — 407 с.
2. Гришина Е. А. Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения : моногр. — М. : Издательский дом ЯСК, 2017. — 743 с.
3. Зыкова И. В. Культура как информационная система. Духовное, ментальное, материально-знаковое : моногр. — М. : ЛИБРОКОМ, 2016. — 368 с.
4. Зыкова И. В. Лингвокреативность в кинодискурсе // Лингвокреативность в дискурсах разных типов: пределы и возможности / отв. ред. И. В. Зыкова. — М. : Р. Валент, 2021. — 564 с.
5. Зыкова И. В. Эмотивы и мануальные жесты в передаче эмоционально-чувственной информации в дискурсе: методологический аспект // Круглый стол «Перцепция, эмоция, метафоризация в свете лингвокреативности-2: возможные пути изучения». — URL : <https://www.youtube.com/watch?v=lbFGEsJkeh0> (дата обращения: 14.05.2024).

6. Ионова С. В. Эмоциональная доминанта текста: некоторые лингвистические аспекты исследования // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. 2023. — Т. 22 (1). — С. 13–27.
7. Ирисханова О. К. Полиmodalные измерения дискурса / отв. ред. О. К. — 2-е изд. — М. : Издательский Дом ЯСК, 2022. — 448 с.
8. Кибрик А. А. Мультиmodalная Лингвистика // Когнитивные исследования — IV. — 2010. — С. 134–152.
9. Кибрик А. А. Русский мультиканальный дискурс. Часть I. Постановка проблемы // Психологический журнал. — 2018. — Т. 39, вып. 1. — С. 70–80.
10. Литвиненко А. О., Николаева Ю. В., Кибрик А. А. Аннотирование русских мануальных жестов: теоретические и практические вопросы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам междунар. конф. «Диалог 2017». — 2017. — Т. 2, вып. 16 (23). — С. 271–286.
11. Литвиненко А. О., Кибрик А. А., Федорова О. В., Николаева Ю. В. Аннотирование движений рук в мультиканальном дискурсе: жесты, адапторы и мануальные позы // Российский журнал когнитивной науки. Сер. «Методы». — М., 2018. — Т. 5, вып. 2. — С. 4–14.
12. Логинова Е. Г. Выразительность в театре как технология смыслопорождения и роль жеста в ее реализации // Слово.ру: балтийский акцент. — 2023. — Т. 14, вып. 2. — С. 67–82.
13. Савчук С. О. Что вносит жестикуляционная лингвистика в изучение дискурса // Когнитивные исследования языка. Сер. «Когнитивные исследования естественной коммуникации Qs и As». — 2021. — Вып. 1 (44). — С. 213–220.
14. Телия В. Н. Русская фразеология: семантические, прагматические и лингвокультурологические аспекты. — М. : Языки рус. культуры, 1996. — 288 с.
15. Шаховский В. И. Эмоции как объект исследования в лингвистике // Вопросы психолингвистики. — 2009. — № 9. — С. 29–42.
16. Caon F. Dizionario dei gesti degli italiani. Una prospettiva interculturale. — Perugia : Guerra, 2010. — 224 p.
17. Diadori P. Senza parole: 100 gesti degli italiani. — Rome : Bonacci, 1990. — 136 p.
18. Kendon A. *Gesture: Visible Action as Utterance*. — Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2004. — 412 p.
19. Kibrik A. A. Fedorova O. V. A “Portrait” Approach to Multichannel Discourse. Papers of the Language resources and evaluation conference (LREC-2018), Miyazaki, Japan, 2018. — Pp. 1908–1912.
20. McNeill D. So you think Gestures are nonverbal? // Psychological Review. — 1985. — Vol. 1 (92), № 3. — Pp. 350–371.
21. Poggi I. Magno-Caldognetto E. Il parlato emotivo. Aspetti cognitivi, linguistici e fonetici // Atti del Convegno “Il parlato italiano”. — Napoli : D’Auria Editore, 2004.
22. Poggi I. Le parole del corpo. Introduzione alla comunicazione multimodale. — Roma : Carocci Ed., 2013. — 160 p.

References

1. Gak V. G. *Yazykovye preobrazovaniya. Vidy yazykovykh preobrazovaniy. Faktory y sfery yazykovykh preobrazovaniy* [Language transformations. Types of language transformations. Factors and spheres of implementation of linguistic transformations]. Moscow, Librocom Publ., 2016, 407 p. (In Russian).
2. Grishina E. A. *Russkaya Zhestikulyaziya s lingvisticheskoy tochki zreniya* [Russian gesticulation from a linguistic point of view]. Moscow, Publ. House YASK, 2017, 743 p. (In Russian).
3. Zykova I. V. *Kultura kak informazionnaya Sistema. Dukhovnoe, mentalnoe, materialno-znakovoe* [Culture as an information system. Spiritual, mental, material-symbolic]. Moscow, Librocom Publ., 2016, 368 p. (In Russian).
4. Zykova I. V. Linguistics in film. *Lingvokreativnost v diskursakh rasnykh tipov: Predely i vozmozhnosti* [Linguistics in different types of discourse: Limits and possibilities]. Ed. by I. V. Zykova. Moscow, R. Valent, 2021, 564 p. (In Russian).
5. Zykova I. V. Emotive words and manual gestures in the transmission of emotional-sensual information in discourse: methodological aspect. *Krugly stol “Perzepziya, emoziya, metaforizaziya v svete lingvokreativnosti-2: vozmozhnye puti razvitya”* [Round table “Perception, emotion, metaphorization in the light of linguistics-2: possible ways of study”], 2024. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=lbFGESJkeh0> (accessed 14.05.2024). (In Russian).
6. Ionova S. V. Emotional dominant unit of the text: some linguistic aspects of the study. *Vestnik Volgogradskogo gosurdastvennogo universiteta. Ser. “Yazykosnanie”* [Bulletin of the Volgograd State University. Ser. “Linguistics”]. 2023, vol. 22, no. 1, pp. 13–27. (In Russian).
7. Iriskhanova O. K. *Polimodalnye izmereniya diskursa* [Multimodal studies of discourse]. Moscow, Publ. House of YASK, 2022, 448 p. (In Russian).

8. Kibrik A. A. Multimodal Linguistics. *Kognitivnye issledovanya–IV* [Cognitive Studies–IV]. 2010, no. IV, pp. 134–152. (In Russian).
9. Kibrik A. A. Russian multi-channel discourse. Part I. Statement of the problem. *Psikhologicheskyi zhurnal* [Psychological journal]. 2018, vol. 39, no. 1, pp. 70–80. (In Russian).
10. Litvinenko A. O., Nikolaeva Ju. V., Kibrik A. A. Annotating of Russian manual gestures: theoretical and practical questions. *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnye tekhnologii: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferenzij “Dialog 2017”* [Computer linguistics and intellectual technologies: materials of the international conference “Dialogue 2017”]. Moscow, 2017, vol. 16 (23), no. 2. (In Russian).
11. Litvinenko A. O., Kibrik A. A., Fedorova O. V., Nikolaeva Ju. V. Annotating Hand Movements in Multichannel Discourse: Gestures, Adaptors and Manual Postures. *Rossiskij Zhurnal kognitivnoj nauki. Ser. “Metody”* [The Russian Journal of Cognitive Science. Ser. “Methods”]. Moscow, 2018, vol. 5, no. 2, pp. 4–14. (In Russian).
12. Loginova E. G. Expressiveness in theatre as a technology of meaning and the role of gesture in its implementation. *Slovo.ru: baltiyskij aktsent* [Slovo.ru: baltic accent]. 2023, vol. 14, no. 2, pp. 67–82. (In Russian).
13. Savchuk S. O. The contribution of gestural linguistics in the study of discourse. *Kognitivnye issledovanya yazyka. Ser. “Kognitivnye issledovanya estevstvennyye nauki”* [Cognitive studies of language. Ser. “Cognitive science”]. 2021, no. 1 (44), pp. 213–220. (In Russian).
14. Teliya V. N. *Russkaya frazeologiya: Semanticheskiye, pragmaticheskiye i lingvokulturologicheskiye aspekty*. [Russian phraseology: Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects]. Moscow, Languages of Russian culture Publ., 1996, 288 p. (In Russian).
15. Shakhovskiy V. I. Emotions as an object of research in linguistics. *Voprosy psikholingvistiki* [Questions of psycholinguistics]. 2009, vol. 9, pp. 29–42. (In Russian).
16. Caon F. *Dizionario dei gesti degli italiani. Una prospettiva interculturale*. Perugia, Guerra, 2010, 224 p. (In Italian).
17. Diadori P. *Senza parole: 100 gesti degli italiani*. Rome, Bonacci, 1990, 136 p. (In Italian).
18. Kendon A. *Gesture: Visible Action as Utterance*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2004, 412 p. (In English).
19. Kibrik A. A., Fedorova O. V. *A “Portrait” Approach to Multichannel Discourse. Papers of the Language resources and evaluation conference (LREC-2018)*. Miyazaki, Japan, 2018, pp. 1908–1912.
20. McNeill D. So you think Gestures are nonverbal? *Psychological Review*. 1985, vol. 92, № 3, pp. 350–371.
21. Poggi I. Magno-Caldognetto E. Il parlato emotivo. Aspetti cognitivi, linguistici e fonetici. no. *Atti del Convegno “Il parlato italiano”*. Napoli, D’Auria Editore, 2004. (In Italian).
22. Poggi I. Le parole del corpo. *Introduzione alla comunicazione multimodale*. Roma, Carocci Ed., 2013, 160 p. (In Italian).

Информация об авторе

Руджерри Федерика — соискатель кафедры общего и сравнительного языкознания Московского государственного лингвистического университета.

Information about the author

Ruggeri, Federica — postgraduated researcher of Moscow State Linguistic University’s department of general and comparative linguistics.

*Статья поступила в редакцию 09.01.2025;
одобрена после рецензирования 20.01.2025;
принята к публикации 25.02.2025.*

*Submitted 09.01.2025;
approved after reviewing 20.01.2025;
accepted for publication 25.02.2025.*

Требования к публикациям и правила представления рукописей авторами

(The Requirements for publication are also available in English at: <http://fljournal.rsu.edu.ru/en/>)

Учредитель — Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина».

Журнал «Иностранные языки в высшей школе» выходит с 2004 года с периодичностью (с 2009 года) один раз в три месяца.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 20 марта 2018 года. **Регистрационный номер ПИ № ФС 77–72456.**

Подписной индекс журнала — № 55170 в каталоге «Объединенный каталог Пресса России».

Журналу присвоен международный стандартный серийный номер (ISSN) 2072–7607.

Журнал с 1 декабря 2015 года **входит в перечень рецензируемых научных изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций по филологии (языкознание) на соискание ученой степени кандидата наук и на соискание ученой степени доктора наук.

Публикации бесплатны, при этом учредитель ограничивает количество печатных экземпляров, обеспечивая только обязательную рассылку и рассылку по подписке. Авторам бесплатно высылается электронный макет журнала, подготовленный к отправке в НЭБ (РИНЦ). Желаящие приобрести печатный экземпляр могут заблаговременно оформить подписку на соответствующий квартал.

Журнал принимает статьи по методике преподавания иностранных языков, если исследование содержит лингвистическую составляющую, напр.: 5.9.8. Исследование языковых и речевых нарушений. Язык в контексте культуры. Лингвистика языка и лингвистика речи. Речевая деятельность и использование языка.

Значительное внимание уделяется проблемам теории и практики перевода, в том числе художественного перевода.

Список специальностей научных статей, публикуемых в журнале «Иностранные языки в высшей школе»

5.9.8. «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика»

5.9.6. «Языки народов зарубежных стран» (германские языки, романские языки, китайский язык).

В журнале публикуются статьи российских и зарубежных авторов на русском языке или на английском как языке межнационального общения.

Условия и порядок приема публикаций

1. Редакционный совет принимает к публикации статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости и соответствующие тематике журнала. Научные статьи направляются на независимую экспертизу и при положительном заключении, являющемся основанием для публикации, включаются в очередной номер журнала в порядке поступления.

2. К публикации принимаются научные статьи, соответствующие этическим принципам опубликования научных работ (см. раздел на сайте www.fljournal.rsu.edu.ru «Этика научных публикаций»).

3. Авторами статей могут быть ученые-исследователи, докторанты, аспиранты, соискатели.

4. Для аспирантов и соискателей кандидатских диссертаций обязательно наличие отзыва научного руководителя.

5. Сведения об авторах представляются на русском и английском языках:

- фамилия, имя, отчество автора (полностью; буква «ё» не должна заменяться на «е»);
- ученая степень, звание, должность, место работы без сокращений (с точным, официальным названием кафедры, вуза, страны); для аспиранта либо соискателя — место учебы (кафедра, вуз), отрасль науки и специальность предполагаемой защиты;
- наличие правительственных званий, относящихся к профессии (например, заслуженный работник высшей школы РФ);
- приблизительное количество научных публикаций (монографий, учебно-методических пособий, статей);
- основные направления научных исследований;
- средства оперативной связи в процессе подготовки статьи к печати: личная электронная почта, мобильный телефон, при наличии — WhatsApp (личные данные, кроме электронной почты, в журнале не публикуются).

6. Статьи должны быть оформлены в строгом соответствии с техническими требованиями.

7. Статьи присылаются по электронной почте на адрес e.ustinova@rsu-rzn.ru, с копиями на адреса: e.ustinova.rsu@yandex.ru и e.ustinova.rsu@gmail.com. Отзыв научного руководителя (для аспирантов и соискателей) присылается по почтовому адресу: 390000, Рязань, ул. Свободы, д. 46, Рязанский государственный университет, Институт иностранных языков, Устиновой Елене Сергеевне. Электронный вариант отзыва научного руководителя присылается вместе со статьей как приложение в формате, воспроизводящем подпись и печать.

8. Окончательное решение о приеме научной статьи к публикации принимается редакционным советом журнала «Иностранные языки в высшей школе». Извещение о решении редакционной коллегии направляется автору.

Требования к оформлению статей

1. **Индекс УДК.** Для публикации статье должен быть присвоен классификационный индекс универсальной десятичной классификации.

2. **Название статьи** (на русском и английском языках) пишется строчными буквами, с использованием заглавных только там, где это необходимо, по возможности без аббревиатур и сокращений.

3. **Аннотация** (на русском и английском языках) объемом 100–300 слов, по возможности без аббревиатур и сокращений. Аннотация должна отражать цель исследования, его новизну, суть авторского видения проблемы, основные положения, выдвигаемые автором, и результаты. Англоязычная аннотация может представлять собой перевод русскоязычной аннотации, но может быть и более развернутой, чтобы создать у читателей, не владеющих русским языком, более полное впечатление о сути исследования и его результатах.

4. **Ключевые слова** (на русском и английском языках). Ключевые слова должны отражать основное содержание статьи, по возможности не повторять термины заглавия и аннотации, использовать термины из текста статьи, а также термины, определяющие предметную область и включающие другие важные понятия, которые позволяют облегчить и расширить возможности нахождения статьи средствами информационно-поисковой системы. Минимальный объем — 10 ключевых слов; ключевое словосочетание не должно превышать 5 слов. Ключевые слова и словосочетания разделяются запятой. Недопустимо использование любых аббревиатур и сокращений.

5. *Текст статьи.* Рекомендуется деление статьи на основные части с помощью подзаголовков. Все аббревиатуры и сокращения должны быть развернуты при первом использовании. Недопустимо использование расставленных вручную переносов. Объем статьи с учетом информативности текста может варьироваться от 0,3 до 1,0 авторского листа, или от 12 до 40 тыс. знаков. В зависимости от материала произведения 1 авторский лист равен: для прозаического текста — 40 тыс. печ. знаков, для стихотворного текста — 700 строк, для изобразительного материала — 3 тыс. см² площади изображений. Текст статьи следует оформлять в 1,5 интервала при шрифте 14 Times New Roman стилем «Строгий» Microsoft Office Word. Редакционный совет оставляет за собой право сокращать статью (по согласованию с автором) или рекомендовать автору расширить статью.

6. *Таблицы и рисунки.* Каждый рисунок должен быть пронумерован, подписан и сгруппирован (то есть не «разваливаться») при перемещении и форматировании). Таблицы и рисунки должны иметь порядковую нумерацию, при этом нумерация рисунков и таблиц ведется раздельно. В тексте статьи на таблицы и рисунки обязательно должны быть отсылки.

7. *Список использованной литературы (источников)* оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

7.1. Чтобы все авторы публикации были учтены в системе цитирования, в библиографическое описание необходимо вносить всех авторов.

7.2. Недопустимо сокращать название статьи, книги, отечественного журнала, кроме тех случаев, когда сокращение имеется в предписанном источнике информации. Название англоязычных журналов следует приводить в соответствии с общепринятыми сокращениями.

7.3. В периодических или продолжающихся изданиях указывается текущий номер и (в скобках) валовой, то есть номер с момента основания издания.

7.4. Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть цифровой идентификатор (Digital Object Identifier — DOI), его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки. В этом случае электронный адрес опускается.

8. *Библиографическая ссылка* оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

8.1. Рекомендуется в списке источников не превышать 10 % ссылок на свои работы.

8.2. Приветствуется наличие ссылок на иноязычные публикации зарубежных исследователей.

8.3. При ссылках на электронные ресурсы следует указывать дату обращения.

8.4. Ссылки на Википедию и Youtube недопустимы.

9. *References.*

9.1. Список использованной литературы на латинице (References) составляется в порядке, полностью идентичном русскоязычному варианту.

9.2. При описании изданий без авторов (коллективных монографий, сборников, материалов конференций) указывается отв. редактор (под редакцией), но не более двух.

Ниже приведены примеры описания использованных источников (литературы) и References.

Книги, монографии

Список литературы	References
Несколько авторов	
Железняк Ю. Д., Петров П. К. Основы научно-методической деятельности в физической культуре и спорте : учеб. пособие для вузов. — Ростов н/Д : Академия, 2002. — 264 с.	Zheleznyak Yu. D., Petrov P. K. <i>Osnovy nauchno-metodicheskoy deyatel'nosti v fizicheskoy kul'turei sporte</i> [Bases of scientific and methodical activity in physical culture and sport]. Rostov-on-Don, Academy Publ., 2002, 264 p. (In Russian).

Периодические издания (статьи журналов, сборника научных трудов, материалов конференции)

Список литературы	References
Несколько авторов	
Загайнов С. С., Митчелл П. Д. История развития военных словарей-разговорников как малого литературного жанра // Вестник Тамбовского университета. Сер. «Гуманитарные науки». — 2016. — Т. 21, вып. 11 (163). — С. 46–51. — DOI : 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-46-51.	Zagaynov S. S., Mitchell P. D. The history of the development of military phrase books as a small literary genre. <i>Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya "Gumanitarnye nauki"</i> [Tambov University Review. Series "Humanities"]. 2016, vol. 21, no. 11 (163), pp. 46–51. (In Russian). — DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-46-51.
Материалы конференций	
Калинина Т. Л., Шчехочихина С. В. Особенности перевода парадоксов на материале перевода пьес О. Уайльда // Язык в различных сферах коммуникации : материалы Междунар. науч. конф. / под ред. Т. Ю. Игнатович. — Чита : Забайкал. гос. ун-т, 2014. — С. 233–236.	Kalinina T. L., Shchekochihina S. V. Translation of Paradoxes in O. Wilde's plays. <i>Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii "Yazyk v razlichnykh sferah kommunikacii"</i> [Papers of the International scholarly conference "Language in Various Spheres of Communication"]. Chita, Zabaikal'sky State University Publ., 2014, pp. 233–236. (In Russian).

Электронные ресурсы

Список литературы	References
Электронный журнал	
Рыбаков С. Ю. Проблема духовности в педагогическом аспекте // Теория и практика общественного развития. — 2014. — № 16. — URL : http://teoriapractica.ru/rus/files/arhiv_zhumala/2014/16/pedagogics/rybakov.pdf (дата обращения: 10.09.2023).	Rybakov S. Yu. The problem of spirituality in the context of education. <i>Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya</i> [The Theory and Practice of Social Development]. 2014, vol. 16. (In Russian). Available at: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhumala/2014/16/pedagogics/rybakov.pdf (accessed 10.09.2023).

Направляя статью для публикации в журнале «Иностранные языки в высшей школе», автор тем самым дает согласие на ее размещение на сайте РГУ имени С. А. Есенина, а также в Российской научной электронной библиотеке на условиях открытого бесплатного полнотекстового доступа.

Электронные адреса и контактные телефоны:

e.ustinova@rsu-rzn.ru; e.ustinova.rsu@yandex.ru
(4912) 21-57-23; (4912) 97-15-15 (доб. 1030).

Иностранные языки в высшей школе

Научный журнал
Выпуск 1 (72)

2025

Главный редактор
Логинова Елена Георгиевна

Редакторы иностранного текста:

Е. С. Устинова (английский язык)
А. В. Николаенко (испанский язык)
Ван Цзиньлин (китайский язык)
Л. А. Алексанова (немецкий язык)
А. И. Полищук (персидский язык)
А. С. Панина (японский язык)

Редактор А. С. Кириллова
Технический редактор Д. А. Филатов

Дата выхода в свет 21.03.2025. Цена свободная.
Гарнитура SimSun, Times New Roman.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 60x84¹/₈.
Усл. печ. л. 11,62. Уч.-изд. л. 10,6. Заказ № 167. Тираж 100 экз.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»

Адрес издателя:
390000, г. Рязань, ул. Свободы, 46

Адрес типографии:
Редакционно-издательский центр РГУ имени С. А. Есенина
390023, г. Рязань, ул. Ленина, 20а